

Tumanovich, O.

О. ТУМАНОВИЧ.

Turkmenistan i turkmény

ТУРКМЕНИСТАН И ТУРКМЕНЫ

(МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ
ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ)

ТУРКМЕНСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
АСХАБАД—ПОЛТОРАЦК
1926 г.

22 12 Aug 71

Предисловие.

Работа *О. Тумановича* „Туркменистан и Туркмены“ отредактирована автором в феврале с. г.

По техническим условиям, печатание работы затянулось, а тем временем произошло значительное изменение в административном устройстве: Полторацкий и Мервский (см. стр. 43—44) окружные органы власти, как центры управления округом, упразднены, а районные органы управления этих округов теперь подчинены непосредственно Центральному Исполнительному Комитету.

Работа *О. Тумановича* является весьма ценной в деле изучения края. Касаясь вопросов истории, этнографии, экономики и административного устройства Туркмении, работа эта (и тем она ценнее), обрисовывает Туркменистан; не как обособленную единицу, а в своем естественном Средне-Азиатском окружении, очерченном исторически и этнографически. Автором использованы литературные источники и современные материалы до момента сдачи рукописи в набор.

В порядке особого замечания, считаю нужным отметить, что хотя по некоторым данным, туркменский род „Эрсари“ (стр. 86) действительно считается не „салоровского“ происхождения, однако, известный историк туркменского народа Абдуль-Гази Бохадур-Хан определенно говорит, что „Эрсаринцы“ ведут свое происхождение именно по салоровской линии—от Салор-Огурджика.

Рекомендуем эту работу читателю, желающему иметь общее представление о Туркменистане и его развитии на пути культурного и экономического роста.

А. А. Куль-Мухамедов

1926 г.

Асхабад-Полторацк.

26 May 71

О Т А В Т О Р А.

Основным пособием для настоящей работы послужили следующие научные труды: Военно-Статистические описания Штаба Туркестанского Военного Округа 1910-14 годов (Ф. Корольков, Д. Федоров, Стокасимов, В. Петров и В. Лобачевский), обзоры областных статистических комитетов Ферганы и Закаспия 1914 и 1916 годов, а также специальные труды—Бобринского (Секта Измаилья), А. Шишова (Таджики), О. Костенко („Средняя Азия“ и „Туркестанский край“), Вамбери (Очерки и картины восточных нравов), Е. Наливкина (Очерк быта оседлого туземного населения Ферганы), М. Ковалевского (Родовой быт), Н. Лыкошина (Очерк быта туземного населения), В. Масальского (Туркестанский край), Гейэра (Туркестан), Крафта (Судебная часть в Туркестанском крае), Вамбери (История Бухары), В. Бартольда (История Туркестана—изд. 1922 г.), Корнилова (Кашгария или восточный Туркестан), А. Максимова (Какие народы живут в России), Р. Карутца (Среди киргиз и туркмен на Мангишлаке), Ф. Михайлова (Туземцы Закаспийской области), Абуль-Гази Бохадур-Хана (Родословная туркмен), ряд научных справок по энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, поправки Государственного Ученого Совета Турккеспублики к собранным мною в 1923-1924 г. г. материалам по населению Туркестана, труды Центрального Статистического Управления Туркестанской Республики 1923-24 годов, труды Центрального Статистического Управления Туркменской Республики до 1-го Всетуркменского Съезда Советов, оглашенные на этом Съезде материалы по изучению и состоянию Туркменистана и таковые же материалы в ближайшее время после упомянутого Съезда.

Кроме того, с благодарностью отмечаю специальную помощь некоторых отдельных товарищей, одновременно содействовавших мне по приобретению материалов и личной коррективкой основных материалов к настоящей работе, а именно: тов. М. Т. Танышпаев (Ташкент)—по части истории и очерка народностей Средней-Азии вообще и киргиз—особенно, тов. КАРАШ-ХАН ОГЛЫ ИОМУДСКИЙ—по основным сведениям о распределении и быте туркменских племен и тов. АБДУЛ-АКИМ КУЛЬ МУХАМЕДОВ—по общеисторической части и, особенно по истории туркмен (непосредственно в самой настоящей работе).

Цель данной работы—дать возможно краткий, но всесторонний, очерк, доступный, по изложению, пониманию широкого круга читателей, не имеющих ни необходимости ни возможности блуждать в лабиринте многочисленных специальных трудов с их научными терминами, излишними для данной надобности детализациями и кажущимися иногда противоречиями.

Вообще, настоящая работа вовсе не претендует на диплом полного и безупречного специального труда. Наоборот, имеется в виду сделать лишь первый шаг, дать основную канву, по которой специалисты, быть может, не замедлят развить и улучшить работу. Таким обра-

зом, суть дела заключается не в легком спорте критики предлагаемой работы, а в том, чтобы всякий, более менее знакомый с краем и со специальными научными трудами, дал бы широким кругам читателей труд более полный и более ценный.

Обращаясь к встречающимся в работе цифровым данным вообще, а по итогам населения в частности, должен сказать, что цифры здесь сознательно округлены одним, двумя и, даже, по возможности, тремя нулями. Полагаю, что от этого большой погрешности не получается, так как, с одной стороны, работа имеет описательный характер, а, с другой стороны—абсолютной цифровой точности в настоящее время еще вообще не имеется: о ней можно будет говорить лишь после не близкого еще окончания специальных измерительных и статистических работ.

Настоящая работа начинается главою „Исторический очерк Туркестана“. Очерк этот не является шаблонной историей „государственности“, которой у большинства кочевых средне-азиатских народов, и особенно у туркмен, на территории Туркестана почти что и не было. Исторический этот очерк дает лишь датировку главнейших переживаний разных народов, сталкивающихся в Туркестане. Они перекатывались через него волнами, оседали в нем целиком или распыленными частями, скрещивались между собою и, во всяком случае, оставляли следы своей культуры, языка, религии и расовых отличий. Все это, конечно, отразилось отдельно и совместно на всех типах коренного населения, выносившего на своих плечах всю тяжесть особ-типичного туркестанского круговорота национальной, племенной и родовой вражды.

Казалось бы, какая надобность заниматься историей всего Туркестана, раз предметом описания в данной работе является только Туркменистан? Дело в том, что, прежде чем говорить о Туркменистане, я полагал необходимым очертить цепь исторических событий, по условиям которых туркменский народ, равно как и другие народы Туркестана, смогли обрести право строительства и устройства своей собственной жизни в порядке национального размежевания Средне-Азиатских республик. Право это вытекает именно из истории всего Туркестана.

О. ТУМАНОВИЧ.

1-го мая 1925 года.

гор. Полторацк.

Часть I-я.

Общие по Туркестану

(в пределах территории Средне-Азиатских Республик)

ПОЛОЖЕНИЯ.

Краткий исторический очерк Туркестана.

Свое наименование Туркестан (что значит в переводе—местность тюрков) получил лишь с того времени, когда тюрки начали сюда проникать и постепенно здесь укрепляться. Владения их расширялись, а вместе с тем и наименование Туркестан определяло все большую и большую площадь. В конце концов, под этим наименованием стала пониматься громадная территория, состоящая из трех частей: Восточный Туркестан (Кашгария), Средний Туркестан (местность Средне-Азиатских республик) и Туркестан Афганский.

Китайская (Кашгария) и Афганская часть Туркестана к данному очерку не относятся, и о них упоминается лишь в связи с общеисторическими переживаниями Туркестана Среднего, частью которого является нынешний Туркменистан.

Средний Туркестан издавна был страной цветущей и богатой, занятой еще в доисторические времена оседлым населением арийского происхождения, а именно—родственными иранцам таджиками.

О причинах, направлении и времени передвижения сюда таджиков существует несколько предположений, причем есть основание полагать, что первоначальной колыбелью иранского народа был район вышних Памиров. В „Зендавеста“ (священная книга древних иранцев и современных персов, начатая составлением еще 4700 лет тому назад) упоминается, что первоначально зендское (арийское) племя обитало в стране высокой и благодатной, имевшей в году лишь 5 холодных месяцев, но, после, внезапно изменившийся климат (стало 10 холодных месяцев) заставил тамошних обитателей покинуть свою страну и двинуться в поисках более подходящих мест. Об этом же гласят религиозно-эпические предания Персии и Индостана вообще, а китайцы свою „райскую землю“ относят определенно к местности непосредственной близости Памиров (Куэнь-Лунь), чем тоже подчеркивается представление о тогдашней „благодатности“ тамошних мест. С другой стороны, Памиры теперь отличаются суровым климатом, а в языках современных памирцев обнаруживается наличие древне-зендских слов. Возникает вопрос, были ли когда-либо Памиры страной теплой, внезапно изменившей свой климат? Можно думать, что именно так и было. Дело в том, что в древние времена в районе Восточного Туркестана существовало Монгольское море, внезапно исчезнувшее несколько тысяч лет тому назад, а с исчезновением моря несомненно изменился и климат омываемой им местности. Как исчезло это море, —неизвестно, но существует гипотеза, что, по разным геологическим причинам, образовался прорыв его берегов около озера Эби-Нор в горах Алатау (так называемые,—„Джунгарские ворота“).—Воды ринулись с громадной скоростью в образовавшийся прорыв, прокатились по местности Сассык-Куля, Балхаша, низовьев Чу и Сыр Дарьи, заполнили глубокие впадины современных Аральского и (по узбою) Каспийского морей и, грозным всеокрушающим потоком, прошли низовье Волги,

долину Маныча, Астраханской губернии, Азовское и Черное моря, Босфор, Дарданеллы, Средиземное море и, через Гибралтар, вылились, наконец, в Атлантический океан. Очерченные причина и способ исчезновения моря, повторяем.—только гипотеза, но гипотеза эта до сей поры не опровергнута. Она же объясняет факт исчезновения моря, подтверждает возможность наличия теплого климата и резкой его перемены в Памирском районе и, к слову сказать, совпадает с преданиями о „мировом потопе“, легко объясняемом вышеочерченным катастрофическим наплывом всеокрушающего грандиозного потока морских волн чуть ли не по всему тогдашнему „свету“.

Итак, вполне возможно, что древние арийцы, вслед за „потопом“ ушли именно с Памиров, где они были уже собраны в роды и общины, научились заниматься земледелием и, вообще, были уже народом, достигшим известной степени культурности. Благодаря резкой перемене климата условия жизни настолько изменились, что оставаться здесь не было возможности.

Основные массы народа, со своим царем и организатором—Джемшидом, достигли мест, получивших уже историческое название „Иран“, а часть племен отставала и оседала по пути общего следования или расплывалась в стороны от него. Таджики именно и являются такими отсталыми и осевшими в современном Туркестане арийцами, т. е. народностью, близко родственной иранцам (персам).

Как бы то ни было, уже в первые исторической давности времена далеко славились здешние государства— „Согдиана“ (местность между Оксусом и Яксартом, т. е. между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей,—в районе горной части нынешней Самаркандской области), „Трансоксиана“ или „Маверанагр“ (остальная часть Самаркандской области и ядро Бухары), „Маргиана“ (Мервский оазис), „Хаварезм“ или „Хорезм“ (Хива) и „Бактриана“ (Афганский Туркестан).

Не мудрено, что славящаяся богатством страна скоро стала соединяющим Персию и Китай торговым звеном, и что через нее пошел торговый путь из Китая в Персию и обратно. Конечно, западные „цивилизованные“ завоеватели не преминули обратить на нее свое внимание в целях обыкновенного захвата. Кроме того, страна лежала по пути, так называемого, великого переселения народов, т. е. естественного движения диких и воинственных кочевников с востока, из недр Центральной Азии, на запад: одни из них шли с теми же завоевательными целями, а другие,—теснимые всколыхнувшейся волной общего движения и стесняемые вновь созданной экономической обстановкой,—принуждены были искать нового простора и новых пастбищ.

Первыми исторически известными завоевателями здешних мест были ассирийцы: Нин, царь Ассирии, доходил до Аму-Дарьи еще в 1400 г. г. до Христианской эры. В VII веке до Хр. эры появились первые кочевники—саки, народ скифского происхождения. Надо отметить, что персы под именем саков обобщали не только самих саков, но и разные другие многочисленные скифские народности, которые сами себя называли сколотами.

Что касается скифов, то это наименование дано сколотам греческими историками, опять же, с широким обобщением целого ряда народностей.

Происхождение скифов (саков, сколотов) единым не является, и предположительно, что руководящая масса скифских народностей чисто тюркского происхождения, а покоренная, земледельческая часть,—арийского.

Таким образом, можно считать, что тюрки начали проникать в Среднюю Азию (в общей массе саков) еще задолго до Хр. эры. Саки частью растворились в массе таджиков, а частью, со временем, удалились в Сакстан (страна саков,—нынешний Сеистан) под напором других и „цивилизованных“ и кочевых завоевателей. В VI веке до Хр. эры Персия настолько окрепла, что простерла свое влияние до берегов Сыр-Дарьи, но сила Персии была, наконец, сломлена Александром Македонским, который в 329—328 г. г. до Хр. эры прошел с огнем и мечом через весь Туркестан и дальше за пределы его. Со времени первоначального появления саков и до прихода Александра Македонского неоднократно с востока появлялись здесь новые скифского же происхождения кочевники, но и эти, подобно сакам, или распылялись или проходили дальше—на запад. Есть предположение, что именно эти скифские племена явились предками славянских народов.

Завоеваниями Александра Македонского надолго было приостановлено новое вторжение кочевников с востока, но со временем обстановка изменилась.

После смерти Александра Македонского начался распад его колоссальной империи, причем Бактриана, Согдиана и др. местные государства использовали такое положение вещей,—обособились, и образовалось (в 255 г. до Хр. эры) Греко-Бактрийское царство, не могшее противодействовать наплыву прерванной в своем движении Александром Македонским волны ищущих простора кочевников.

Начался новый наплыв восточных кочевников, причем среди них видное место занимают усунь и юежди, двинувшиеся из области Центральных озер к Туркестану в 170 годах до Хр. эры.

Шедшие позади Усунь остановились и обосновались в Джеты-Су (Семиречье), но со временем распылились и частично вошли впоследствии в состав нынешних киргиз-казаков и кара-киргизов, этим самым делая тех и других старинными аборигенами Семиречья. Этим моментом определяются их права на территорию Джеты-Су (Семиречье), именно как аборигенов страны.

Что касается юеждей (иначе,—ю з ы или т о х а р ы), то эти оттеснили разных других кочевников в Фергану, а сами, постепенно, к 90-му году до Хр. эры овладели решительно всем остальным Туркестаном, ликвидировали Греко-Бактрийское царство и образовали здесь (свое) мощное „Царство гетов“. Ездивший к ним еще в 157 году китайский посол Чан-Сан свидетельствовал, что местные аборигены—таджики (по китайски—тази) в то время уже жили в благоустроенных городах, сеяли пшеницу и рис, разводили виноградники, и вообще, были народом богатым.

Китай, конечно, „заинтересовался“ этой страной и начал делать попытки овладеть ею. Первая такая попытка (104 г. до Хр. эры) оказалась неудачной, но следующая (102 г.) увенчалась успехом. Китай завладел Восточным Туркестаном (Кашгария), принадлежащим ему и теперь, и обложил данью уже бывшую известной в то время Фергану. В дальнейшем возникает борьба Китая и Персии из-за влияния на Туркестан, а в конечном итоге Китай к 51-му году уже Христианской эры овладевает всей страной вплоть до берега Каспийского моря. Таким образом, владычество юеждей (тохаров) было ликвидировано, их „Царство гетов“ пало, и они ушли в новые места, где и обосновались (нынешний „Тохаристан“, Каттаганская провинция в Афганистане).

Ни юежди (тохары), ни другие кочевники арийского происхождения, конечно, не могли оказать особого влияния на оседлых таджиков. Наоборот, они сами в большинстве случаев принимали их культуру,

распылялись и оседали среди них, совершенно с ними сливаясь. Таким образом, началось развиваться и укрепляться влияние китайской культуры, оставившей заметные и теперь следы.

Другое дело остающиеся здесь кочевники тюркского происхождения: эти постепенно накапливались и объединялись, создавали новую обстановку. Ослабевший из-за внутренних междоусобиц Китай—с 265-го года перестал быть не только владыкой, но даже грозным для Туркестана соседом, а тюрки, понемногу, стали сначала вытеснять еще оставшихся здесь арийских кочевников, которых к концу VI-го века и вытеснили окончательно. С этого времени тюрки настолько окрепли, что сами уже могли бы дать отпор оправлявшемуся от своей временной слабости Китаю; с этого именно времени край и приобретает в полной мере право на свое название Туркестан.

Борьба туркестанских тюрков с Китаем была неизбежна, но этому помешали новые завоеватели—арабы, несущие с собою и новую религию и новую культуру. Сами местные владельцы обратились за союзной помощью к Китаю, однако, из этого ничего не вышло. Движение арабов было медленное, но безостановочное. В промежутке 672—730 годов они овладели и Мервом, и Маверанагром и Ферганой, и Хорезмом, и Бухарой, —окончательно сломив сопротивление тюрков и обратив их в своих помощников. *В 751 году они разбили Китайскую армию и навсегда парализовали влияние Китая на местную культуру*, а в 822 году окончательно покорили и основной очаг сопротивления Осрушну (местность между Джизаком и Ходжентом). Всюду началась прививка культуры арабской т. е. мусульманской. Маверанагр, со столицей Маракандом (Самарканд) стал центром нового государственного устройства Туркестана.

В это именно время (вторая половина VIII века) арабами была допущена в край и поселена в Маверанагре часть тех тюркских племен (см. часть III, гл. I настоящей работы), которые впоследствии были названы туркменами и основное наименование которых—огузы. Принятая в Маверанагр часть огузов (туркмен) была вовлечена арабами в длительные и дальние военные передвижения, способствующие почти полному (см. ч. III, гл. I) ее распылению, но не так поставили себя по отношению к арабам огузы вообще.

Они вели столь упорную борьбу с арабами, что последним это ставилось в упрек со стороны Халифата, и арабский наместник Насир-Саяр оправдывался таким образом: „если бы вы видели их храбрость, то принуждены были бы еще более им уступать“ (арабская история: книга Тарих-Камыль: том IV, стр. 502).

Ожесточенная борьба огузов с арабами оттеняется в целом ряде исторической литературы Востока, как например: „Тарих-Фариштэ“ (Индия), „Рузет—и—Сафа“ (Герат), „Тарих-Джюэны“ и „Зюбдет—и—Таварих“ (Персия), „Нар-Шахи“ (Бухара: автор—Абду-Джафар), „Камусуль-Алям“ (Турция: автор—Шемсутдин-Саны) и др.—Таким образом, мы видим огузов ожесточенно сражающимися в 652 году с арабским полководцем Эбни Караиз в Хоросане, в 668 году—с арабским полководцем Рахиб-Би-нэль-хорес в Маверанагре, в 673 году при взятии самой Бухары и т. д.

Насколько упорно сопротивлялись огузы, видно хотя бы из того, что окончательно они приняли Ислам только в IX веке (при своем хане Кара-Хане), чему, впрочем, способствовало и то обстоятельство, что их государственное ядро было вне пределов Маверанагра.

Как бы то ни было, но, как уже сказано, арабы в 822 году вполне овладели Маверанагром.

По арабскому переустройству туркестанской государственности, Маверанагр (т. е. в данном случае—весь Туркестан) зависел от арабского наместника в Хоросане, а Хоросанский наместник подчинялся далеко находившемуся Халифу правоверных.

Время ослабило эти узы и к 876 году Хоросан отложился от Халифа, а Маверанагр, последовав этому примеру, в свою очередь, отложился от Хоросана и стал самостоятельным под управлением своей местной (хотя и арабами поставленной) династии Саманидов. Оседлое население всюду стало ревностно мусульманским и охотно принимало участие в борьбе „за веру“ с оставшейся еще неверной частью кочевников.

При саманидском эмире Исмаиле (892—907) Маверанагр достигает наибольшей степени своего развития и охватывает территорию всего среднего Туркестана, кроме Хорезма и Восточной Бухары. Столица переносится из Самарканда в гор. Бухару. Однако, процветание это не долго продолжается.

Начинаются распри между наследниками Исмаила, начинаются распри мусульманско-религиозные между господствующими сунитами и, быстро развивающимися сектами шиитов, начинается государственное преследование последних, и царство Саманидов постепенно распадается, чем „соседи“ и не замедляют воспользоваться.

Газневидский султан Махмут (гор. Газни в Афганистане), бывший прежде вассалом Саманидов, становится могущественным правителем (998—1030 г.г.) и овладевает всем западным Туркестаном, с Хорезмом и Восточной Бухарой, вплоть до Аму-Дарьи.

С другой стороны, от Тянь-Шаня, надвинулись новые тюркские племена и в промежутке 992—999 г.г. овладели Джеты-Су и остальной частью Туркестана до той же Аму-Дарьи, которая, таким образом, разделила Туркестан на две части совершенно разной государственности. Эти последние, пришедшие со стороны Тянь-Шаня, завоеватели известны под названием „кара-ханидов“ от имени вождя Кара-Хана, об'единившего их и явившегося родоначальником династии их „илеков“, т. е. ханов. Другими словами, это те же сгузы (туркмены), о которых уже упоминалось в период борьбы Туркестана с арабами.

Не подчинились кара-ханидам лишь сельджуки, (тоже огузы), отделившиеся от кара-ханидов и обосновавшиеся в 955 году на Сыр-Дарье около Дженда.

Под натиском кара-ханидов сельджуки оставили Туркестан, двинулись на Персию и Месопотамию и обосновались в этих странах. Здесь они окрепли и устремились обратно в Туркестан; в 1035 году они овладели Хоросаном, в 1046 г. покорили Хорезм и, в конце концов, завладели всем Туркестаном, окончательно изгнав и кара-ханидов и газневидов. Образовалась „Империя сельджуков“, покрывшая собою территорию всего Магометанского Востока, причем старый Мерв достиг высшей степени своего процветания.

Однако, постепенно, время разложило и эту искусственно созданную силу. Местные правители окрепли вообще, а Хорезм окреп в такой мере, что (с 1097 г.) совершенно отделился и стал впервые управляться собственным и самостоятельным ханом или шахом. Образовался ряд удельных владений по всему Туркестану. Тем временем внутренне-китайские события выдвинули на Туркестанскую арену, так называемых, кара-китайцев.

Эти последние в промежутке 1137—1141 г. г. совершенно изгнали (в Хоросан) сельджуков, которые впоследствии и распались. Ближайшие к современному Туркменистану остатки сельджуков мы видим

в лице племени салтык в местностях Акча и Шубурган Афганистана. (Шубурган, по древнему наименованию, — Джюзджан).

Итак, кара-китайцы изгнали сельджуков и подчинили себе весь Туркестан. Кроме того, в 1153 году появились гузы (уйгуры). Взоры всех магометан Туркестана, естественно, обратились к сравнительно сильному магометанину — правителю Хорезма, казалось, могущему защитить край от владычества неверных.

И действительно, Хорезмский хан оправдал эти надежды: в 1194 г. он окончательно прекратил всякие попытки сельджуков захватить (со стороны Персии) Туркестан, в 1210 году вытеснил из Маверанахра (в Джеты-Су) кара-китайцев и, вообще, овладел всем краем. Во всех этих перетасовках особенно пострадали туркмены, вовлеченные в дальнейшее передвижение, разбившиеся на отдельные группы и принужденные, как увидим ниже, заново искать то, что было их давнишней собственностью.

Рост силы Хорезма продолжался недолго: в 1219—1223 г. г. край всецело был занят монголами под предводительством Чингиз-Хана, началась перекройка всего, началась новая эра. Этот грозный и жестокий завоеватель, уничтожавший целые города и уводивший в рабство тысячные массы обрисовывается, в месте с тем, восточными современными и старыми историками, как редкий самородок в области политической и общегосударственной прозорливости. Он создал организованное государство, переводил в надлежащие места массы мастеров, устроил пути сообщения, организовал пешую и конную почту с постоянными станциями („ям“), отличался полной веротерпимостью и, наконец, заложил прочные основы управления кочевыми народами. Во всяком случае, это был период безграничного влияния монгол и начала их сближения с тюрками. После смерти (1227 году) Чингиз-Хана Туркестан достался одному из его сыновей Джагатаю, и этим моментом определяются значительные перемены. Оставшиеся при нем и его поддерживавшие местные тюрки получили название джагатаев (или чагадаев), и образовалось сильное джагатайское государство, управляемое, по частям, своими местными тюркскими владетелями под наблюдением монгол. Наблюдение это со временем ослабело; среди монгол начались междоусобицы, а местные тюркские владетели сумели использовать подходящий момент и объединились около местного же владетеля Тимура (из рода барлас).

Тимур в 1370 году организованно выступил против монголов, уничтожил их власть и образовал свое громадное государство, в состав которого вошел весь Туркестан, кроме Джеты-Су. Самарканд опять сделался столицей и центром магометанского могущества, великолетия и культуры, но и этому скоро пришел конец. После смерти Тимура (1405 г.) началась обычная вражда между его наследниками, и один из них, Абу-Саид, призвал к себе на помощь (1451 г.) новое племя узбеков кочевавших в это время по низовьям Сыр-Дарьи под предводительством Абуль-Хаира.

Помочь — то они помогли, но вслед затем прогнали тимуридов и постепенно (к 1503 году) овладели всем Туркестаном. Совершенно родственные им чагадаи слились с ними, и образовался один узбекский народ.

Под владычеством разных узбекских династий (Шейбани, Джанаиды, Мангиты и др.) возник ряд государств с общей ориентацией и тяготением всего населения к 3-м основным государственным центрам: к Коканду (Фергана), к Бухаре и Хорезму. Наряду с тем кара-киргизы и киргиз-казаки объединились в одну общеполитическую орга-

низацию, прочно заняли Семиречье и горные части Ферганы, причем образовался длинный единый фронт. Фронт этот имел целью действовать на одну сторону против узбеков, с которыми киргиз-казаки посорились еще в 1450-х годах, а на другую сторону против наседавших извне джунгаров (калмыков). Возникшая длительная борьба кончилась тем, что разбитые джунгарами киргизы продвинулись и заняли быв. Сыр-Дарьинскую область, а затем, в свою очередь, разгромили джунгаров, которые частью бежали в Китай, а частью поселились среди победителей — семиреченских киргиз.

Не могли слиться с узбеками также и современные туркмены, представляющие из себя остатки раздробленного ядра царства огузов. Туркмены эти, воюя то с узбекским Хорезмом и узбекской же Бухарой, то с Персией, в конце концов частично (на окраинах) подчинились Хорезму и Бухаре, частично же перекочевали в Афганистан и в Персию, но главным своим ядром завоевали свободу и укрепились в Ахал-Текинском, Атрекском, Тедженском и Мервском оазисах, огражденные трудно проходимыми песками Кара-Кумской пустыни.

Обособился почти целиком и еще один народ, а именно каракалпаки (см. главу IV).

Все остальные народности Туркестана всецело или подчинились узбекам в качестве покоренных (напр. таджики) или же присоединились к узбекам на правах кровного племенного родства.

В конце концов, создалась государственная группировка, закрепленная на местах колонизаторским вмешательством царской России, оформившей границы Хивы, Бухары и Туркестанского генерал-губернаторства по договорам 1873 и 1895 годов.

Группировка эта, совершенно не интересуясь национальными признаками, искромсала и расчленила нации. Размежеванием Средне-Азиатских республик 1924 года права национальностей восстановлены, но упомянутое их расчленение и его последствия, повидимому, еще долго будут давать себя чувствовать.

Как видим, вся история Туркестана заключается в постоянных переживаниях и переменах обстановки благодаря многочисленным нашествиям. Все шло в Туркестан или через него, сталкивались, боролись, оседали, создавали новую экономическую обстановку, новые культуры, оставляли более-менее заметные следы своего здесь пребывания, частью распыляясь на месте, а частью уходя из пределов края. Борьба китайского и персидского влияния продолжалась все время, но вклинилась и взяла решительный перевес культура мусульманская. Под ее флагом, в очерченном людском круговороте, оформили свое положение в крае тюркские народности, начавшие сюда проникать до начала христианской эры, окрепшие в VI веке и окончательно утвердившиеся в начале XVI века, слившись предварительно с монголами.

В конце концов получилась искусственно созданная государственность, ликвидированная революцией, которая привела к естественному национальному размежеванию Средней-Азии.

Г Л А В А II.

Основная группировка коренного населения Туркестана.

Коренное население Туркестана, т. е. народности, бывшие здесь до XIX-го столетия, насчитывает 17 этнографических разновидностей, а именно:

а) *Алтайские народы (тюрко-монгольские племена) монгольской расы*, как-то: туркмены, узбеки, киргиз-казаки, кара-киргизы, кара-калпаки, кипчаки, кураминцы, таранчи и, так называемые, сарты;

б) *Чисто-монгольские народности*: дунгане и калмыки.

в) *Арийской ветви, Кавказской расы*: таджики, персы, индусы и туркестанские цыгане.

г) *Семитской ветви кавказской расы*:—арабы и туркестанские евреи.

При ближайшем рассмотрении этих групп видно, что многие из них или совершенно приспособились к какой нибудь другой группе, или кровно-родовым порядком связаны с другой группой, или, наконец, столь малочисленны и распылены по разным городам всего Туркестана, что ориентировочным пунктом национальной группировки служить не могут, как например:

1) *Арабы*, прямые потомки арабов, завоевателей страны и насадителей в ней ислама, хотя и живут обособленными группами, но совершенно слились с туркменами и, так сказать, „отуркменились“, несмотря на то, что помнят и чтят свое арабское происхождение. Их всего лишь несколько тысяч человек, и их родовые деления примкнули к туркменам.

2) *Евреи* представляют из себя весьма немногочисленную, патриархального характера отношений, группу всего в 15—16 тысяч человек, из коих 10 тысяч относится к Самаркандской области и к гор. Самарканду, а остальные рассеялись по разным городам края.

3) *Цыгане* лишь внешне объединены узами родового характера: обитают, главным образом в Фергане, (их всего около 2.000 человек), но они разбились на мелкие, отдельно странствующие группы.

4) *Кураминцы* (65—70 тыс. человек)—это сборные остатки разных киргизских племен, разгромленных джунгарами в 1723 году, т. е. относятся непосредственно к киргиз-казакам, хотя они и отбились от кочевого образа жизни, занявшись хлебопашеством. Кураминцы обитают, главным образом, в долине Ангrena, Ташкентского уезда и отчасти в Фергане.

5) *Кипчаки*—известны в русской истории под названием половцев и как ядро исторической Золотой (Кипчакской) орды. В качестве Золотоордынцев, они одинаково родственны и киргиз-казаками и узбекам, а в край пришли вместе с узбеками. Общее количество кипчаков не более 33-х тысяч: главная их масса в Андижанском уезде, часть

в уезде Акмечети (б. Перовск). Тоже осели и занимаются хлебопашеством.

6) *Таранчи* (около 45 тысяч в Джаркентском и Алма-Атинском уездах Джетысу и несколько сот человек в Туркменистане)—постоянные землепашцы, отчего и получили свое название („таран“ значит—пашня). Это остатки разных племен, выселенных Китаем во второй половине XVIII-го века из Кашгарии в Кульджу (в наказание за восстание) в качестве земледельческой рабочей силы. В Кульдже они снова восстали и захватили было власть в свои руки, но в 1871 году Кульджа была завоевана Россией. Когда (1881 г.) Кульджинский район был уступлен русскими обратно Китаю, часть таранчей не пожелала там оставаться и переселилась в Джеты-Су, откуда частью и попала в Туркменистан. Таранчи в сущности, то же для Джеты-Су и Кашгарии, что и „сарты“ в Узбекистане, но теперь они обрели сознание национального единства и считают себя потомками уйгуров.

7) *Дунгане* были в Кульдже соратниками таранчей и вместе с ними ушли оттуда в Туркестан. Большая их часть все же, оставалась в Китае. Туркестанские дунгане разбиты по разным местностям: 10^{1/2} тысяч размещены в районах Алма-Ата, Джаркенда, Лепесинска и Токмака Джетысуйской б. области, около 700 человек в области Сыр-Дарьинской и человек 200 в Фергане.

Происхождение дунган исторически неизвестно, сами они не имеют о нем точных воспоминаний, и мнения на этот предмет крайне разнообразны. Некоторые исследователи считают их потомками уйгуров, другие—выведенными из Самарканда и Бухары пленниками. Сами дунгане неустойчиво мнят себя потомками отставших и женившихся на китайцах воинов то Чингиз-Хана, то Тамерлана, то арабов. Свое наименование дунгане (по китайски, „хой-ху“) производят от тюркского слова турган (отсталый). Другое толкование слова дунган—„переменившийся, перешедший“ и т. д.

8) *Калмыки* (дзунгары) имеют громкое историческое прошлое по борьбе и с Китаем и с Россией и с Туркестанскими киргизами, в качестве данников коих (киргиз) они, разбитые и рассеянные после разгрома 1771 года, в конце концов и поселились в Джеты-Су. Другие, разной величины, группы калмыков обитают также (со времени того же разгрома 1771 г. частью в Китае, а частью в Семипалатинской и в Акмоллинской областях. Джетысуйская группа калмыков насчитывает не более 20 тысяч человек. Они имеют стройные и прочные родовые деления (Орда-улусы-отоки и хотоны), помнят много собственных преданий и правил родового уклада жизни, но фактически вплотную приблизились к типичному быту окружающей массы киргиз, хотя и отличаются от них и религией (частью-ламизм, частью-христианство) и способом коневодства (хуторское хозяйство).

9) *Индусы* встречаются, главным образом, (человек 200) в Фергане, а в других местностях лишь незначительные вкрапины. Все это—люди городские, занимаются торговлей

10) Туркестанские (коренные) *персы* в количестве около 35 тысяч человек являются потомками или давних персидских переселенцев или племенных персов же, уведенных сюда разновременно в рабство. Именуют они себя „ирани“ и живут, главным образом, в городах, занимаясь торговлей, мастерствами или переноской грузов на станциях, пристанях и базарах.

Большинство их (18^{1/2} тысяч) относится к Туркменистану, почти 12 тысяч обитают в Самаркандской области, а остальные рассеяны в разных других городах Туркестана.

11) „Сарты“—название вовсе национальности не обозначающее и лишь неправильно русскими трактовавшееся в этом значении и в разговорном языке и в статистических или этнографических материалах. „Сарт“—это название данное кочевниками сначала специально для таджика—горожанина и кишлачника, промышлявшего ремеслами и торговлей. В дальнейшем,—понятие расширилось и охватило всех смешавшихся между собою и осевших на земле тюрко-монголо-арийцев, (главным образом, узбеков с таджиками), именно, как оседлых людей, торговцев, кустарей и землепашцев, а не как нацию. Это лишь тип, сложившийся в итоге экономических условий страны за последние века. Получилась оригинальная племенная группа иранского типа, родового деления не имеющая и говорящая на тюркском языке со значительной примесью персидских слов. Смешением языков в той или иной степени и обуславливаются, по местностям, разные „сартовские“ наречия. Ныне, во время отчетливого самоопределения национальностей, наименование „сарт“ является неприемлемым, а всякий бывший „сарт“ обращается к своим национальным воспоминаниям и точно относит себя к определенной группе той или другой народности, главным образом, к узбекам или к таджикам.

12) Кроме рассмотренных групп, имеются в крае мелкие группы и других народностей, а именно китайцы, сибо и солоны, издавна же выселенные Китаем в Джеты-Су в порядке военных поселений, но эти коренным населением не являются и в данное время абсолютно никакой национальной роли не играют: они представляют из себя лишь незаметные вкрапины среди городского населения.

Что касается живущих в крае татар и представителей разных народностей Кавказа, России и Западной Европы, то все это народ недавно пришлый и к староисторическим переживаниям страны никакого отношения не имеющих.

Таким образом, основными коренного Туркестанского населения группами, на которые естественно ориентируются соответствующим образом все остальные группы, являются—туркмены, узбеки, таджики киргиз-казаки, кара-киргизы и кара-калпаки. По этим основным группам и размежеваны Средне-Азиатские республики, как части бывшего, исторически-сложившегося, всего Туркестана.

Все эти группы имеют известные устои родового быта и общетуркестанского и личного своего характера, сохранившиеся в той или иной степени в зависимости от влияния исторических переживаний, религиозного влияния и создавшейся по периодам экономической обстановки.

Г Л А В А III.

Сущность родового быта и его общее проявление в современном быту Сред.-Аз. Республик.

Современный быт той или другой народности зависит прежде всего от степени сохранения родовых отношений.

Родовые отношения, в свою очередь, основываются на историческом или легендарном представлении о том, как в известный период жизни народы одной и той же крови были связаны в общественные группы. В данном случае за основу берется происхождение от общего родоначальника—мужчины, хотя бы и легендарного.

Ясно, что зачастую первоначальные большие объединения происходили не на основах кровного родства, а под влиянием экономических условий и общности народных интересов. Однако, со временем это забывалось, а самый факт объединения твердо увязывался с представлением именно о кровном происхождении от удачливого или талантливого объединителя. В конце концов возникала та же солидарность, на которой основывается и фактическая кровно-родовая организация. Однако, в отношении Туркестана вообще, а Туркменистана особенно, надо отметить, что здесь преобладают именно кровно-родовые начала.

Отличительными штрихами проявления родового быта, в основе, являются: 1) решение сложных вопросов общественным порядком, 2) пользование землей и водой на правах общественной собственности, 3) то же самое и с пастбищами кочевников и путями кочевьев, 4) взаимопомощь, родовая опека, родовая порука и родовая месть.

Конечно, с размножением родовых делений до аула (кишлака) включительно первоначальные права и устои родового быта сами по себе стали дробиться и варьироваться. Кроме того, многие первоначальные понятия стали видоизменяться под влиянием соприкосновения одних народов с другими или вследствие создающейся общеэкономической обстановки. Не мало способствовали, так сказать, вымиранию родового быта религия и ее уставная обрядность с примесью новых суеверий, окружающая природа, житейская обстановка и вытекающий из всего этого образ жизни или род занятий.

Совокупность и рассмотрение всех этих деталей именно и дают возможность более менее точно определить как общность разных группировок народов, так и отличительные черты каждого из них. Это тем труднее, что детали зачастую видоизменяются и сглаживаются в зависимости, как уже сказано, от новых влияний и обстановки.

И в самом деле, мы видим, что разные тюрко-монгольские народности Средней Азии имеют в родовом укладе жизни много общего. Даже таджики долины (арийцы) и народы чисто монгольского происхождения (напр., дунгане) много позаимствовали у тюрко-монголов. С другой стороны, и тюрко-монголы много позаимствовали у оседлых абори-

генов—таджиков. Много общего у всех народностей Туркестана мы видим, например, в устройстве жилищ, в укладе семейной жизни, в одежде и в головных уборах, в разных обрядностях, в языках и, наконец, в морали, вытекающей из народных пословиц и поговорок.

У всех кочевников юрты почти одинакового устройства (разница лишь в плотности войлока да в форме округленности верхней части). У всех оседлых коренных жителей однотипные глинобитные постройки с плоскими крышами и с изолированной „женской половиной“. Всюду женщина более менее порабощена и замкнута в этой женской половине, а мужчина всюду является эффектным главою дома и членом общественной жизни. Почти всюду для мужчин (главным образом, в городах) принята „чалма“ или „салля“ (головной убор), имеющая, между прочим, и символическое значение: она может обратиться в саван для умершего в пути мусульманина, а потому дорожная чалма имеет точные размеры. Форм чалмы много, много и цветов ее. Цвет чалмы зачастую указывает сословие, степень учености, посещение святых мест или власть ее носителя, а форма (способ повязки) чалмы показывает принадлежность к тому или другому роду и, даже, эпоху принятия чалмы народом.

Кроме всего этого, в обыденной жизни, чалма предохраняет голову от жары, сходит, при надобности, за подушку, полотенце или место хранилища разных мелких вещей, и, наконец, в значительной степени увеличивает рост и симулирует представительность.

Способ ношения халатов (одевание несколько халатов один поверх другого) и самый покрой халатов тоже почти всюду одинаковы и способствуют увеличению той же представительности. Почти всем одинаково свойственно стремление к представительности, изукрашивание одежды, оружия, домашней утвари и конской сбруи самоцветными камнями плюс суеверное отношение к талисманной силе этих камней.

Всюду развита вера в непогрешимость изречений и действий предков. Всюду видим отражение этих действий в народных поговорках и пословицах.

Везде одинаковы примитивные приемы земледелия и везде в одинаковом ходу знаменитые туземные „омач“, „кетмень“ и „теша“, орудия тоже примитивные и лишь односторонние удобные. Одинаковы в общих чертах и ирригационная техника и законы пользования водой. Одинаковы законы пользования пастбищами и путями кочевых к пастбищам и по пастбищам передвижений. Всюду измеряют сыпучие тела неуклюжими „батманами“, а участки земли „танапами“. Одинаковы всюду, наконец, домашняя утварь и устройство детской колыбели; всюду принято сидеть на полу поджавши под себя ноги и т. д.

В вышеперечисленных общественно-экономических народах Ср.-Азии отличительных черточках уклада жизни более менее существенная разница наблюдается, главным образом, между городом кишлаком и степью, т. е. между оседлыми и кочевым населением. Например, женщина у кочевников значительно свободнее и ближе к общественной жизни, чалму кочевник охотно заменяет меховым или кошменным головным убором того или другого, по народностям же, покрою. В степи более простой образ жизни, больше близости между хозяином и батраком. Окружающая природа и обстановка тоже оказывают влияние: в долине туземная постройка чисто глинобитная на каркасной основе стенок, а в горах стены того же типа постройки кладутся из перемежающихся смазываемых глиной рядов камня и поленьев дров длиною в толщину стены: такие стены лучше противостоят разрушительной силе обычных в горах землетрясений. В горах существует только мелкая мера сыпу-

чих тел „сир“ вместимостью от 20, по местностям, до 30 фун. пшеницы. Что касается долины, то здесь фигурирует „батман“, по местностям же, колеблющийся весом от 8 до 16 пудов, как подъемный груз верблюда, в зависимости от рельефа местности и трудности путей сообщения. Та-нап (площадь захватываемая известным количеством зерна при посеве) тоже не везде одинакова и равняется, по местностям же, от 400 до 3600 кв. сажень. Все зависит от обстановки, создающей экономические и общежизненные условия, и эта обстановка предъявляет одно основное требование: всюду народ одинаково нуждается в культурной помощи как для изжития навеванной бытовыми предрассудками косности, так и для подъема просвещения в целях развития экономических сил и жизненности страны. Школа, трактор, ирригация, облесение, здравоохранение, правильная постановка труда — вот основные факторы, одинаково всем и всюду необходимые безотлагательно.

Все это уже приближается, все шире и шире разворачиваясь в пользу народа, но много еще есть препонов на пути культурной помощи вообще, а в смысле преодоления уз, наложенных бытовыми традициями и религией, — особенно.

Более 90% населения Туркестана — мусульмане, причем мусульманская религия влияет решительно на все проявления домашней и общественной жизни своего последователя. Всюду на первом месте сжатое учение корана и „шариат“, т. е. сборник толкований корана разными представителями мусульманской науки. „Мусульманское право“, которое зиждется именно на коране и на вытекающих из него юридических толкованиях, уже давно, постепенно и неуклонно, вытесняет собою „адат“, т. е. устои обычного права старины, но, вместе с тем, само является естественным противником всякого просвещения. Это усугубляется еще и тем, что язык корана — арабский, т. е. совершенно и всему решительно населению чуждый. Образованный мусульманин должен знать этот язык, хотя бы в размерах чтения и понимания корана, а между тем это вредно отражается на изучении и на чистоте языка родного, испещряемого арабскими словами. Коран и шариат внедрили в самую жизнь мусульманина, которая идет по шаблонному пути, т. к. всякий шаг этой жизни предусмотрен шариатом.

Таким образом, влияние религии вообще велико, хотя, опять же, не всюду одинаково: продолжается еще борьба религии с родовыми традициями и шариата с адатом.

Хотя мусульмане всюду и вообще являются очень ревностными борниками своей религии, но, независимо от этого, соблюдение внешней стороны религиозных обрядностей, по мере удаления от городских центров в сторону гор и степей, постепенно ослабевает. Наряду с тем, смешение шариата с адатом или преобладание одного из них над другим проявляются, смотря по местностям, тоже совершенно по разному. Чем дальше от культурных центров ислама, тем более еще проявляет себя родовой быт, хотя и находится вообще на пути разложения.

Г Л А В А IV.

Краткие сведения о национальном большинстве сопредельных с Туркменистаном Средне-Азиатских республик.

1. У з б е к и.

Узбеков всего насчитывается более трех с половиной миллионов человек, но к Узбекистану их относится менее трех миллионов. Остальные размещены по частям в других Средне-Азиатских республиках и автономных областях: в Таджикистане, в Туркменистане, в Кара-Киргизии, в Кара-Калпакии и в областях, отошедших к Киргизии.

Начало их организации относится к первым временам после смерти Чингиз-Хана и распада его (Монгольской) империи.

Дело в том, что часть воинственных туркестанских тюркских и монгольских племен попала в состав надела роду одного из сыновей Чингиз-Хана, именно Джучи или—Жочи, а династия последнего в конце концов образовала историческую „Золотую Орду“. Последняя достигла наибольшей своей славы при правителе Узбек-хана (1312-1342). От его имени и названы узбеками поддерживавшие его род и славу тюрко-монголы в отличие от вышеупомянутых и оставшихся в Туркестане чагадаев, а также в отличие и от казаков, т. е. вольницы, ушедшей на простор вольных степей.

Впоследствии Золотая Орда раскололась на части, а узбеки ушли в Туркестан (1451 г.), где в конце концов (1503) г. и взяли всю власть в свои руки. Со временем все тюркские племена, оставшиеся в Туркестане и недавно бывшие для узбеков политическими врагами (чагадаи), вполне им подчинились, слились с ними и стали именовать себя тоже узбеками. Таким образом, нынешние узбеки—это политически-сплоченные и совершенно слившиеся воедино тюрко-монгольские племена, в разное время постепенно, начиная с первых веков христианской эры, проникшие в Туркестан и занявшие в нем окончательно господствующее положение в начале XVI века.

Узбеки бывшего генерал-губернаторства в значительной мере были русскими обезличены; что же касается узбеков Бухары и Хорезма, то эти все время играли серьезную политическую и экономическую роль в стране и были в этом отношении объединены. Независимо от этого все узбеки сохранили твердое воспоминание о родовых устоях.

Как бы то ни было, узбеки, не так давно бывшие поголовно кочевниками с небольшим лишь (высшая администрация) представительством в городах,—ныне, по большей части,—являются населением оседлым и составляют большинство городского населения в главнейших местах их оседлости.

Тяга узбеков к городской жизни увеличилась по мере возрастания их политического значения. Ныне узбекский кадр кочевников и полукочевников сравнительно очень невелик, но узбеки вообще отлично

помнят свой родовой уклад жизни и делятся на целую серию родов, имеющих много последующих подразделений.

Главными узбекскими родами являются мангиты, мынги, найманы, юзы, кенегезы, кырк, багыш, сарай, каттаган, джалаир, часть кураминцев и мн. другие. Всего навсего родов, по преданию,—92.

Родоначальниками их являются чудесно родившиеся 92 сына тюркского хана Узген-Пайгумбара, существование которого относится, легендой к началу мусульманской эры.

С другой стороны, существует целый ряд легенд, поясняющих не только происхождение тех или иных родов, но и причины их проникновения в Туркестан. Роды кырк (в переводе значит—40), юз (100), и мынг (1000), по легенде, произошли от групп в 40, 100 и 1000 витязей, отправившихся в Туркестан для борьбы с охранявшим его драконом: они победили и остались в Туркестане.

Ввиду таких противоречий легендарного характера, отсутствия надлежащей литературы и объединения под именем узбеков очень многих родов, проникших в Туркестан в разное время, начиная за два века до хр. эры, мнения ориенталистов о числе узбекских родов расходятся. Однако, большинство останавливается именно на цифре 92, по числу сыновей вышеупомянутого Узген-Пайгумбара.

Общее национальное чувство узбеков по отношению Туркестана во всем его целом, вообще, всегда было слабым: они более тяготели к трем разным центрам—или к Каканду или к Хиве или к Бухаре, но устои их родового быта всегда оставались прочными.

Конечно, в смысле приверженности к устоям родового быта, узбек-горожанин мало чем выделяется из общегородской мусульманской среды, но по мере удаления от города все резче и резче проявляются отличительные черты чисто-родового характера и родовой гордости.

Узбек брал, например, в жены таджичку, но свою дочь, еще не так давно, за таджика не отдавал. В отдаленных кишлаках еще и теперь сговор имеет больше значения чем брачный обряд. Среди своих единоплеменников узбекская женщина лица не закрывает, а в некоторых родах (напр., Кипчак, Кытай) не закрывает его и вовсе. Некоторые роды (напр., Мынг), по обычаю, не признают многоженства, и узбек этих родов имеет только одну жену. В иных родах (напр. Сарай) вошло в обычай калым за невесту выплачивать личным трудом жениха и т. д.

Все хозяйство и вся работа по дому лежат исключительно на женщине: сам узбек даже о детях мало печется, слагая и эту работу на женщин.

Родовая гордость не ограничивается принципами обще-узбекского происхождения: некоторые узбекские роды еще и теперь отличаются проявлением местничества даже по отношению к другим узбекским родам.

Еще, видимо, сохранилась приверженность всех вообще узбеков прежней кочевой жизни и к юрте. Последняя, зачастую, имеется у многих оседлых узбеков в кишлаках, а городской узбек обязательно выезжает хоть в пригород на летовку. Таким образом, городское жилище узбека носит как-бы временный характер (лишь бы пережить в нем зиму): возможно, что именно этим обстоятельством объясняется неблагоустройство жилища даже городского узбека, вплотную глядящего на оборудованные европейские постройки.

Детальнее останавливаться на характеристике узбеков казалось бы излишним: городской тип общеизвестен, а в кочевом быту, кроме вышеотмеченных типичных штрихов, узбек ничем не отличается от преимущественного кочевника-киргиза. Разговорный язык узбеков тоже бли-

зок к языку киргиз-казаков, но с большей примесью арабских и персидских слов.

Кроме того, историческая сторона жизни узбеков, как вообще тюрков, а после и доминирующего народа, уже в достаточной мере освещена обще-историческим очерком в данной работе, а также видна по очеркам отдельных народностей и разных частей (Хорезм, Бухара, Мерв) Туркестана.

2. ТАДЖИКИ.

А. Происхождение, наименование и религиозное отличие таджиков.

Происхождение таджиков уже очерчено в 1-ой главе настоящей работы. Что касается наименования „таджик“, то таковое связано с древним вероучением Зороастра и производится от древне-персидского слова „тадж“, что значит—корона, венец, а отсюда—коронованный, имеющий соотношение к короне. В переносном смысле слово „тадж“ имеет в основе мистическое значение в связи с древним вероучением этого народа и как отличие последователей именно этого вероучения (подобно тому, как „крест“ отличает христиан, последователей учения Христа).

У персов и родственных им таджиков магометанство вылилось в особую форму „шиитского“ толкования в отличие от „сунизма“, исповедуемого другими мусульманами Туркестана.

Из этого, конечно, не следует, что и теперь все таджики непременно шииты. Напротив, очень многие из них и в Туркестане и в Афганистане исповедуют сунизм даже целыми киблаками, но, все же, основной мусульманской религией таджиков является именно шиизм с его многочисленными подразделениями.

Впервые шиитское движение возникло в 720¹ году в Хоросане; вскоре оно перебросилось в Туркестан и начало распространяться в противовес проводимому арабами сунизму. Временами, вплоть до XII века, шиизм был вероучением тайным, а с XII века он постепенно начинает исповедываться открыто, не вызывая уже прежней резкой религиозной борьбы. Один из видов шиизма, а именно „Измаиля“ (по иному „Моуляй“ или „Пяндж-гени“) ныне в Туркестане держится совершенно обособленно. Он мало известен, но к нему принадлежит большинство горных таджиков Туркестана, а потому кажется не лишним очертить существенные его основы.

Учение измаилитов перебросилось в Туркестан, как гласят предания, через Персию же, но из Египта. Основана секта Магометом-Магди, рода Имам-Джафара,—потомка одной из дочерей Али.

Коран и его значение не отрицаются, но обычно руководящей считается книга персидского происхождения „Калям и пир“. Книга эта является обобщением выводов из пятикнижия, евангелия, псалмов и корана.

Обрезание у измаилитов существует; никакие обрядности не запрещаются, но признаются совершенно излишними: был бы человек добрый, честен и братски расположен к другим.

Брак может быть скреплен и благословлен любым достойным стариком. Особо отличительные черты или обрядности своей религии измаилиты хранят в секрете, изредка, для таких надобностей, уединяясь целыми киблаками в горы. Наряду с этим открыто, но тоже редко, блюдутся обряды, соотносящиеся к почитанию Мазара (т. е. могилы или места остановок почитаемого святого). Такое общественное моление сопровождается молчаливыми дружными всей толпы коленопреклонениями,

земными поклонами, вставаниями и опять повторением всего этого по примеру стоящих впереди в один ряд стариков. Тут же кругом горят специального устройства чадливые факелы, а кругом по деревьям развешиваются шкуры и полосы мяса зарезанных баранов и коз. Вообще наблюдаются признаки былого огнепоклонства и жертвоприношения. Часть этого мяса идет на общую трапезу, а другая часть оставляется на деревьях около мазара для перелетных птиц.

Главой религии для всех измаилитов является живущий в Бомбее „Ага-Хан“, пользующийся безграничным авторитетом, а помощниками его на местах являются пиры (ишаны). Звание пира наследственно в его роду, но наследство это не прямое: народ сам выбирает „наследника“ из рода умершего пира. Если не найдется достойного, народ может заново выбрать пира из своей среды, но пир во всяком случае должен быть утвержден Ага-Ханом.

Духовная паства всякого ишана не ограничивается каким-либо определенным районом и не связана расстоянием: приверженцы любого пира могут выселяться в другие места и, даже, в другие государства, но, все же, чтут именно своего пира и подчиняются только ему, а через него, — Ага Хану.

Слово Ага-Хана приемлется всеми измаилитами и всеми их пирами как непреложная истина и безапелляционный закон.

В пользу пиров и Ага-Хана каждый измаилит теоретически должен отдать одну десятую долю своих доходов, причем этот духовный побор производят „халифа“, прямые и единственные помощники ишанов и передатчики их распоряжений.

Халифа выбирают и назначают ишанами из общего числа паствы. Халифа эти именно и являются ближайшими к народу представителями духовенства; они же выполняют, если имеются в нужный момент, традиционные обрядности венчания, погребения и т. д.

Всякий измаилит лелеет мечту пройти паломником в Бомбей к Ага-Хану, поклониться ему и пожить в его громадном странноприемном доме.

Считается, что сам Ага-Хан ведет свое родовое происхождение от Али и является его воплощением на земле.

Имя „Ага-Хан“ не собственное, а нарицательное, сохраняющееся из рода в род. Подлинное имя Ага-Хана обыкновенно известно очень немногим измаилитам, но тем не менее известно европейским ученым и встречается в их литературных трудах.

Секта „Измаиля“ распространена, главным образом, на острове Цейлоне, в центральной и Северо-Западной Индии, в при Гиндукушской части Афганского Бадахшана и в Таджикистане: западные Памиры и прилегающая к ним часть гор бывшей Восточной Бухары, т. е. район горных таджиков.

*Б. Численность таджиков, их селение и общая характеристика.
Таджики долинные.*

Всего в Туркестане таджиков насчитывается более 1.000.000 человек (не считая того, что почти миллион находится в пределах Афганистана). Однако, более $1\frac{1}{2}$ миллиона обитает в разных местностях Узбекистана, $1\frac{1}{2}$ —2 десятка тысяч — в районах отошедших к Киргизии и небольшие вкрапины среди кара-киргизов и кара-калпаков. Вся остальная масса таджиков относится непосредственно к Таджикистану.

По наружному виду таджик вообще изящен и грациозен, имеет густую (слегка вьющуюся) бороду, сохраняя иранские отличительные

черты лица. По мере углубления в горы, все сильнее отмечается коренастость телосложения, более широкое устройство головы, меньшая приплюснутость висков и светлый цвет волос и глаз.

Таджик, как таковой, по природе трудолюбив, нетребователен и поразительно способен ко всякому физическому труду и к земледелию. Из века в век таджики постепенно, но не равномерно, утрачивали свои природные черты вследствие сближения и смешения с пришлыми народностями, а с другой стороны—экономические условия и окружающая природа, в свою очередь, помогали этой утрате в большей или меньшей мере. В конце концов, все это привело к тому, что теперь горный таджик в известной степени отличается от таджика долинного и по характеру и по образу жизни.

Долинные таджики, живя непосредственно среди вновь приходящих в Туркестан элементов, больше сблизились, смешались и породнились с ними, а потому в конце концов и больше утратили свои характерные черты старины, больше заимствовали у соседей, больше уделили им от своей собственной культуры. Тип долинного таджика общеизвестен и относится, главным образом, к самому Узбекистану, где таджики национальным большинством, конечно, не являются. Поэтому более подробного описания в настоящей работе относительно их и не делается. Что касается Таджикистана, то здесь обитают по преимуществу именно *горные таджики*, являющиеся, конечно, национальным большинством.

В. Таджики горные (гальча).

Нет сомнения, что и у горного таджика не целиком проявляются отличительные черты таджика старых времен, но, все же, эти типичные черты лучше сохранились по мере углубления в горы. В наиболее отдаленных горах (западные Памиры и смежный с ними район) нет смешения с другими народностями, и чистота родового быта здесь обрисовывается резче. Здесь резче замечается уважение к старикам без раболепства, уважение к труду и к добываемой трудами целых поколений родовой собственности, терпеливость и выносливость в борьбе с природой, отличная память и понятливость, быстрота и зоркость взгляда.

Гальча (прозвище горных таджиков, как хлебобобов)—чрезвычайно трудолюбивы.

Воспоминаний об'едином родовом происхождении гальча не сохранили. Они делятся на массу групп более позднего и узкого кровного родства, но этих групп держатся неукоснительно и имеют свою историю позднейших времен.

Еще 150 лет тому назад в горах жило много таджиков, и условия их жизни были много лучше. Однако, войны с Китаем, Дарвозом, Каферистаном и Бухарой сильно поубавили численность населения, гибнувшего в боях и уводимого в плен. С другой стороны, горные сили (грязевые катастрофического характера потоки), каменные обвалы, землетрясения и пр. очень и очень поубавили пахотную площадь. Значительную часть населения приходится переселяться в новые горные долины и ущелья, не взирая на их отдаленность и труднопроходимость дорог.

Такие выселки всегда помнят о кадре своего рода, по возможности имеют с ним связь и долго говорят со всей чистотой его наречия. Современем, конечно, новая обстановка и новые соседи, дав примесь новых слов или искажения слов старых, способствуют выработке своего местного наречия. Так дробятся и разбрасываются роды, так изменяются и возникают новые наречия. Так, например, на одних Западных Памирах

(280 верст узкой долины правого берега Пянджа и ближайшие районы его притоков) мы находим 3 основных языка (Веханский, Ишкашимский, Шугнанский) и целый ряд вытекающих из них наречий.

При всем этом, именно в таких отдаленных уголках наилучшим образом сохранились отдельные слова глубокой арийской старины и проявления ее родового быта наряду с вновь возникшими обычаями узко-местного характера.

Колоссальные труды затрачивает горец и кропотливо работает из поколения в поколение над клочком земли. Он беспрестанно очищает грунт от наваливающихся с гор все новых осыпей больших и малых камней, терпеливо вытаскивает камни из самого грунта и зачастую издавелека натаскивает землю на сплошь каменистую основу, чтобы создать клочек пахоты. Мало того, он должен еще провести оросительный арык, нередко за несколько верст, по высоким скалистым карнизам или по откосам гор. Нередко такие арыки надо перебрасывать желобами со скалы на скалу или через ущелья. Все это приходится делать примитивными средствами, без хорошего инструмента и без хорошего пороха.

При таких условиях, естественно, права землеводопользования и наследства вырабатываются и осуществляются по указаниям обычая, а не шариата или писанных точно законов: слишком уж разнообразны условия той или другой местности.

Земли и травы вообще мало, а потому горец беден. Во многих местах он едва собирает в год на каждого члена семьи по 10 пудов хлебных зерен, считая в том числе и ячмень, из коего должен часть уделить рабочему коню. Скотине кормов не хватает, и ее можно держать только в строго-ограниченном количестве, да и то она перед весной голодает наряду с семьей своего хозяина. Люди с весны и до нового урожая, — сплошь да рядом пробавляются жиденькой мучной болтушкой, выкапываемыми корешками разных горных растений (в частности — „мист“, род щавеля) и засушенным с осени тутом.

При таких условиях население подвержено разным соответствующим (особенно цынга) заболеваниям, а скотина мельчает заметно из года в год: баран в 25—30 фунтов или корова в 3½ пуда весом чистого мяса считаются теперь, по многим местам, — очень крупными.

Тем не менее горец сильно поддерживает свое существование именно при помощи этого скота: немного (далеко недостаточно) молока — достается детям; из шерсти делаются чулки, паласы и сукно для верхней одежды. Из шкур домашних (иногда и диких) козлов выделываются кожи для обуви и пр.

Охота на горных козлов (киик) или баранов (архар), на барсов, рысей, лисиц, волков, а иногда и выдр, служит слабой поддержкой, так как уделять время такой охоте не всякий может и не всюду есть сбыт трофеев охоты.

В обще-азиатском типе одежды у горного таджика имеются свои вариации: халат и чалму может купить далеко не всякий, а в обиходе приняты домашней выработки холщевые рубаха и брюки, да короткий суконный кафтан. Сверху — широкий „чапан“ (род халата с закрытым воротом) или узкий бешмет. Шерстяные чулки и козловая обувь дополняют одежду горного таджика. На голове тюбейка или войлочная шапка кашгарского образца или, попросту, клочек цветной материи.

Одежда обыкновенно пребывающей дома женщины — еще того проще: „курта“ (длинная рубаха) да „тамбоны“ (шальвары) своей же выделки и работы. Верхняя одежда частенько ограничивается какими-либо лохмотьями.

Горная таджичка лица не закрывает, но все же, прячет его от впервые встреченного мужчины. Она наряду с мужчиной работает и на пашне и на клеверном поле, очень много работает по дому, умеет вышивать без помощи канвы очень тонкими старинного изобретения узорами, а по выделке сукна является специалисткой.

Гальча бесстрашен и поразительно ловок в своих горах. Он легко преодолевает кажущиеся недоступными кручи и даже втаскивает на них кладь или непривычного к ним путешественника, пробирается по едва заметным и прерывающимся тропам „оврингов“ (разработанные балконы, подвесы и мостки) и легко переплывает бурную реку или часами плывет вниз по течению на „турсуке“ (надутая воздухом баранья шкура). На легком плоту, устроенном на нескольких таких турсуках, он ловко и быстро везет несколько пассажиров или кладь, хорошо стреляет, отлично ездит верхом, не затрудняясь втаскивать или спускать арканом в трудных местах своего привычного к тому коня, чрезвычайно находчив перед угрозой обвалов и является отличным проводником громадной выносливости.

При всем этом—горный таджик очень суеверен, выказывает уважение первобытного человека к огню и полагает, что ладонки с молитвой или с разными специальным травами могут его от многого предохранить. Женское молоко тоже помогает от некоторых болезней. Местные мазары очень чтимы и, проезжая мимо их, горец обязательно, на почтительном расстоянии, слезает с коня. Даже некоторые выступы скал и отдельные камни служат предметом постоянного почитания и уважения: ни один таджик мимо таких не проследует без того, чтобы не возложить на них подобранный по пути мелкий камушек.

Молочное родство в горах имеет большую силу. Женщина здесь не замкнута, но и большим почетом не пользуется.

Калым существует, но он (по общей бедности) сравнительно мал, и таджик привыкает иметь только одну жену, так как и такой калым для него обременителен.

Обрядность сватовства и брачные церемонии разнообразятся смотря по местности. Оригинален еще недавно существовавший обычай „увещивать“ всем обществом неизвестного вора денег или мелких вещей. Такое, ни к кому персонально не обращаемое, увещание происходило перед домом потерпевшего, а затем всем присутствующим предлагалось принести сюда же в полах халата по кучке земли со своих дворов.... В нанесенной, таким образом, куче земли потерпевший зачастую находил украденные у него вещи... (обычай этот наблюдался и у узбеков, но лишь как заимствованный от таджиков).

Горный таджик любит устраивать в горах тайники и прятать в них любимые свои вещи: последние часто для семьи пропадают вследствие неожиданной смерти спрятавшего их или случайного обнаружения тайника посторонним лицом, но пристрастие к устройству тайников остается в силе.

Очень оригинально приветствие при встрече знакомых: равные по положению лица очень быстро и ловко, почти незаметно, целуют друг друга в левое плечо и правую руку или же—только дотрагиваются до руки друг друга, а затем каждый целует концы собранных вместе пальцев своей руки. При встрече лиц разного положения и возраста (тоже и при встрече с ишаном) обряд целования делается лишь младшим, а старший только делает вид, что целует, да и то в плечо.

Горец любит обычную в Туркестане скачку и козлодрание, но последнему предшествует упражнение в стрельбе на всем скаку коня: только

пристреленный в таком порядке (привязанный к столбу) козел обрабатывается соответствующим образом для самого козлодранья.

Горный кишлак—эта группа домов с прилегающими дворовыми или садовыми участками, отгороженными друг от дружки низенькими стенами каменной (часто без глины) кладки с извилистыми проходами между таких стен. Плана или системы вовсе нет, а постройки зачастую кажутся прилепленными к отвесу скалы или громадного камня, причем дворы и сады сплошь да рядом загромождены тоже громадными глыбами упавших с гор камней. По этим лабиринтам „удобно“ могут пробираться лишь горный таджик да его привычный к тому домашний скот.

О кладке стен дома в горах—уже говорилось. (См. глава III).

Крыши—плоские и, в общем порядке по Туркестану,—служат для сохранения запасов клевера. Печей вовсе нет: посредине комнаты делается несколько углубленный очаг, а над ним закрывающееся или открывающееся, по мере надобности, отверстие в потолке. Окон нет. Дверь на деревянных шарнирах и не плотно прикрывается. Земляной пол вдоль стен приподнят, образуя ряд невысоких нар вокруг очага: такое чадливое, темное и холодное жилище очень способствует развитию кожных и глазных заболеваний.

3. К и р г и з - к а з а к и .

В обыденной жизни Туркестана под именем киргиз было принято объединять два совершенно разные наименования: кара-киргизы и киргиз-казаки.

Киргизами или, вернее, „кыргызами“ можно именовать только кара-киргиз. Что касается киргиз-казаков, то эти, в действительности, должны называться—„кайсаки“ или, вернее, „казаки“.

„Казаки“—это те разные группы тюрко-монгол, которые в былое время отделились от ханов Золотой Орды и ушли на простор степей.

По отношению к Джеты-Су (Семиречье) казаки являются аборигенами страны, так как в их состав вошли разные племена „усуней“, обосновавшихся здесь еще во 2-м веке до хр. эры. Кроме того, ко времени нашествия монголов,—в Джеты-Су же обитали и многие другие племена, ныне входящие в состав киргиз-казаков. Подчинившееся добровольно монголам Семиречье (Джеты-Су) несколько не пострадало от их нашествия, и те племена, которые впоследствии стали казаками, вошли в состав разных улусов сыновей Чингиз-Хана, главным образом—Жочи и Джатай.

Вообще племена поделились между монгольскими династиями, владевшими отдельно Золотою Ордою, Туркестаном и Джеты-Су. Занимавшая Джеты-Су монгольская династия все время враждовала и с монгольской же, а после и с тюркской династиями Маверанагра, благодаря чему Джеты-Су сразу обособилось и имеет свою историю независимо от остального Туркестана. В порядке вышеупомянутой вражды, Джеты-Суйская династия в 1360—1362 г. г. даже овладела Маверанагром, но впоследствии сама подпала под владычество Тимура.

В 1456 году 2 Чингизида—Джаныбек и Гирей, сыновья Барака (из дома Орда-Ижен, старшего сына Жочи) поссорились с приведшим узбеков в Туркестан узбекским ханом Абуль-Хаиром и отделились от него. Уйдя от узбеков, они поселились на границе теперешних Алма-Атинского, Пишпекского и Кара-Калинского уездов, каковая местность тогда являлась западной частью „Монголистана“. С момента именно этого отделения соответствующие племена и получили название „каза-

ков", которые, как выходцы из Джеты-Су, в сущности, вернулись на свои прежние места.

В 1465 году (после смерти узбекского правителя Абуль Хаира) казаки сильнее завраждовали с узбеками и даже разбили их, причем часть узбеков присоединилась к казакам.

В конце того же XV века казаки и все слившиеся с ними племена объединились в 3 орды—Большую, Среднюю и Малую. Так как эти наименования даны не по величине, а по старшинству, той или другой орды, то эти же орды можно и будет правильнее именовать: „Старшая“, „Средняя“ и „Младшая“.

1. *Старшая* (Большая) Орда состоит из 3-х поколений:

а) *Уйсун*, каковое поколение делится на роды—Дулат, Албан, Суан, Чапрошты и Сары Уйсун;

б) поколение *Канлы* и в) поколение *Джалаир*, причем последнее тоже имеет подразделения на Балгалы, Андас и др.

2. *Средняя* Орда подразделяется на Аргын, Найман, Кипчак, Кунграт, Уак и Кирей, а

3. *Младшая* (Малая) Орда состоит из поколения Алчин, каковое поколение делится на Бай-Уллы, Алим и Джетру.

Конечно, каждое из этих главных подразделений имеет еще целый ряд более мелких родовых делений. Вообще казаки являются продуктом смешения разных народностей тюрко-монгольского типа, причем, смотря по местностям, получается большее или меньшее приближение к чистому типу или монгол или тюрков.

Сначала „казаки“, придя по вышеизложенному в Джеты-Су, даже помогали местной монгольской династии в борьбе ее и с Маверанагром и с наседавшими извне калмыками (джунгарами). Со временем, однако, все три орды объединились в одно политическое целое и вытеснили монгол из Джеты-Су. Упомянутое объединение всех трех орд произошло в 1527 году, а в 1537—38 гг. киргизами были отбиты последние попытки монгол вернуть утраченную в Джеты-Су власть. С этого времени казаки (совместно с кара-киргизами) всецело завладели Джеты-Су и успешно (напр., 1552 г.) отбивали калмыков.

Однако, наряду с объединением орд, среди казаков все время происходили междоусобицы удельного характера, спайка становилась слабее, и этим обстоятельством сумели воспользоваться те же калмыки. Под натиском последних джетысуйские казаки принуждены были продвигаться (1598) в пределы Сыр-Дарьинской области, причем города Ташкент и Туркестан стали центром их могущества.

Новый набег калмыков завершился полным разгромом киргиз в 1723 году; киргизские роды разошлись во все стороны, причем около Ташкента сгруппировались лишь их остатки („Курама“). Все-таки Ташкент остался в руках киргиз. Расходящимися в разные стороны киргизами, конечно, были потеснены разные другие народности, а в том числе и туркмены (Мангишлак). Правда, калмыки (джунгары) в 1758 году были разгромлены китайцами, а в 1771 году почти уничтожены преследовавшими их по пути отступления киргизами, причем киргизы опять, и на этот раз окончательно, заняли Джеты-Су, но былая мощь объединенных киргизских орд уже не могла восстановиться. Это обстоятельство и дальнейшая обстановка заставили их поодиночке искать союза и поддержки соседних государств вообще, а соприкасавшиеся с Россией части всех трех орд начали постепенно принимать ее подданство. Первыми приняли данное подданство Малая Орда и часть территориально примыкавшей к ней Средней Орды: окончательное оформление принятия ими подданства произошло в 1738 г., т. е. еще до разгрома

калмыков. Остальная главная часть Средней Орды начала переговоры о подданстве в 1781 году, начала переходить в это подданство с 1798 г., а фактически закончила этот переход только после смерти своего последнего Хана (Вали, сын Аблая) в 1821 году.—Большая Орда приняла частично это подданство в 1819 г., а окончательно в 1845 году. Это последнее обстоятельство и послужило сначала (1854 г.) к постройке русскими Вернинского (Алма-Ата) укрепления, к образованию ими Семиреченского края, к разрушению (1860 г.) Пишпека и Токмака, опорных пунктов угрожавших в это время семиреченским киргизам кокандцев, и, наконец, (1867 г.)—к образованию Туркестанского генерал-губернаторства в первоначальном составе Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей.

Во время всех очерченных многочисленных передвижений и непрерывных войн киргиз-казакские роды неоднократно разрывались, расходились в разные стороны и соединялись с разными другими родами. Этим именно и объясняется как многочисленность мелких родовых подразделений и их разбросанность, так и наличие одинаковых родовых наименований среди казаков, кара-киргизов и, даже, узбеков. Этим же объясняется и разбросанность казаков не только по Туркестану, но и далеко за пределами его. Однако, все казаки вообще очень строго придерживались и придерживаются деления на родовые единицы, равно как придерживаются и родовых традиций.

Русско-колонизаторские культурные начинания ничего не дали свободолюбивому кочевому казаку, привыкшему к степному простору. Средний процент грамотности среди кочевых казаков-мужчин едва дает 2,2%, а среди женщин—0,2%; в то же время среди городского киргизского населения грамотность стоит довольно высоко. Современное стремление казаков к просвещению общеизвестно.

Киргиз-казаки сравнительно склонны к сближению с окружающими инородцами, склонны вообще к образованию, очень переимчивы и не лишены дарований. Просвещение кочевых киргиз никогда не носило узко-религиозного характера; всегда наблюдалось стремление к просвещению общему, и из народной среды киргизских масс неоднократно выходили ученые представители европейской науки.

Лицо женщины проявляет более резкие штрихи принадлежности к монгольской расе. Казак очень мало чувствителен к чужим и, даже, к собственным физическим страданиям и имеет суровый вид, но любопытен и любопытен.

Наряду с тем вырисовываются действительное понимание культуры без утери своей национальности, гостеприимство и большое уважение к старикам.

Обычное право („адат“) стоит у киргиза на первом месте: выборные для суда по адату судьи называются „биями“. По соответствующим 1923-го года декретам советского правительства, суд биев, в порядке определенной этими декретами подсудности, действует наряду с единым народным судом.

Решение суда биев идет не по писанным, а по хранимым биями же в памяти, законам: считается, что законы эти всенародно были установлены еще во время политического обединения всех орд.

Возмездие за преступление по этим законам определялось просто: „око за око, зуб за зуб“... (Крафт: „Судебная часть в Туркестанском крае“). Впрочем, за убийство допускался „хун“ (выкуп крови). Для решения споров и тяжб были тоже свои установления. Семейные права регулировались тоже обычным правом. Присяга на суде была не в по-

чете, и, даже, бий считался плохим судьей, если разбирал дела, прибегая к присяге.

Так как решение суда биев не всегда обеспечивалось за отсутствием исполнительной власти, то развилась „баранта“ или „барамта“, т. е. обычай, по которому выигравшая дело сторона могла своими силами принудить другую сторону к исполнению приговора. Барамтой же назывался обычай, по которому ограбленные скрывшимся грабителем отбирали своей силой скот у родственников этого грабителя. Держали они отобранный таким образом скот до той поры, пока родня сама не найдет скрывшегося грабителя и не заставит его возвратить награбленное.

Как кочующие, так и осевшие киргизы обыкновенно объединяются в кровно-семейные группы, составляющие кочевой или оседлый аул, подчиняющиеся своему выборному старшине. Главою в каждой отдельной семье считается старший из совместно живущих братьев. Фактические разделы имущества случаются редко, а принципиально каждый сын имеет всегда свою долю, причем наделение имуществом сыновей и их выделение происходит в порядке их старшинства.

Дороги кочевого передвижения аулов с зимовки на простор степей и обратно строго и точно определены узаконенным обычаем. Таким же образом распределена для зимнего пользования неприкосновенная летом травяная площадь вокруг зимовок.

Обще-мусульманские праздники киргиз не выделяет особым торжеством, но праздники семейные проводит чрезвычайно торжественно и не жалея расходов. Тут устраивается целый ряд развлечений, а всем этим и вообще церемониалом торжества руководит специально избранное почетное лицо. Обыкновенно именно этому лицу или наиболее почетному гостю подносится во время трапезы вареная голова барана, как знак особого почета.

Так же торжественно справляются и поминки, причем они устраиваются обыкновенно осенью, после окончания летних работ независимо от официальных поминок, справляемых на 40-ой день после смерти. Наряду с тем, жена умершего обязана целый год по утрам и вечерам громогласными воплями оплакивать усопшего.

Новорожденному ребенку принято давать имя в зависимости от вдохновенной изобретательности отца, вне всякой зависимости с перечнем обще-мусульманских имен.

Свадебные обрядности и церемониал имеют целый ряд своих отличительных, обычаем освященных, особенностей и старинного и более нового происхождения. Во многих местностях практикуется показное, — по соглашению жениха и невесты, — „умыкание“ невесты. Свадьбе обыкновенно предшествует целая серия установленных обычаем пиршеств, брат невесты может воровать у жениха понравившиеся ему вещи (ясно, что жених торопится скорее жениться), подруги невесты имеют право совершенно его ограбить во время последнего его приезда к невесте и т. д.

Самое супружество отличительных особенностей не имеет, но вдова может выйти замуж на сторону лишь в том случае, если избранный ею родственник умершего ее мужа не пожелает взять ее себе в жены. При совершении браков вообще существует ограничение, по которому нельзя брать жену из своего рода ближе 7 колена родства. (У некоторых родов данное ограничение еще больше).

Калым существует и брак вообще является практической сделкой родителей жениха и невесты. Однако, — случаев развода мало и брак обыкновенно является прочным, базируясь единственно на родовые взгляды и устои.

При всем этом, по сравнению с оседлым населением, киргизская женщина пользуется значительной свободой и значительно ближе соприкасается с общественной жизнью. Лица она не закрывает, безбоязненно одна ездит в степи, принимает участие в празднествах, может участвовать в состязаниях и сравнительно самостоятельна в своем домашнем обиходе, хотя обычаем и принуждена частично демонстрировать свое зависимое положение, например,—есть и пить после трапезы мужчин и немного в стороне от этой трапезы и т. д. Независимо от этого бывали случаи, когда женщина управляла не только тесно-семейной общиной, но даже целым родом, как, например, известная в свое время царица Алая Курбан-Джан-Датха. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что 45-тилетний возраст имеет для женщин в степи решающее значение: дожившая до этого возраста женщина как бы закаляется, отличаясь после 45 лет особой выносливостью и исключительным здоровьем.

Отличительными от обще-мусульманского типа являются головные уборы у киргиз: чалма встречается лишь в праздничном обиходе и вообще не сильно распространена, а обычно киргиз носит или высокую теплую шапку с меховой оторочкой или войлочную шляпу кашгарского покроя, или „Тмак“ (иначе—„Малахай“—меховая шапка с спускающимися большими наушниками). Головной убор женщины специально-типичен: оригинально наматывается очень высокий тюрбан из большого куска белой материи.

Образ жизни казака вообще очень простой, также просты домашняя утварь и украшения. Даже богатый „казак“ ест и пьет одно и то же и совместно со своими батраками, от которых мало отличается даже и в одежде. В сущности, батрачества, в подлинном значении этого слова, в степи не имеется. Здесь, попросту, около богатого человека кормится беднота, во кормится она с полным сознанием своего достоинства, нисколько не заискивая и не подбострастничая. С одной стороны она усердно помогает своему покровителю в его хозяйстве, а с другой стороны, по родовому праву,—уверенно пользуется всем необходимым из достатков этого хозяйства.

Между-родственные отношения казаков очень прочны, обуславливаются принципом круговой поруки и, кроме того, отличаются тем, что богатый, особенно в вопросах калыма, обязан помочь бедному родственнику.

Наряду с тем, гостеприимство столь развито среди казаков, что можно проехать через всю степь совершенно без денег.

Всякое домашнее торжество казака является праздником для всего аула,—а приглашенные издали гости одариваются подарками. У богатых такое торжество обыкновенно продолжается несколько дней и сопровождается типичными развлечениями—своеобразные игры, песни и танцы, музыка на оригинальных инструментах, а также козлодрание (байга, улак) и скачки. В конном спорте резко выделяется природная лихость и коня и всадника.

Байга нередко продолжается целый день, а скачки ведутся на несколько десятков верст, причем роль жокеев на этих скачках падает на долю столь малолетних ребяташек, что их надо привязывать к седлу. Взятые по несколько призов на таких скачках кони особенно ценятся, являются предметом особого ухода, становятся известными даже за границей (Китай, Афганистан) и за-границу же водятся на состязания с тамошними такими же скакунами.

Такие же скакуны из-за-границы приводятся и в Туркестан для скачек на празднествах у богатых здешних казаков. Вообще, казак

чрезвычайно лихой наездник, вполне полагающийся на своего коня, и конь этот его никогда не обманет.—Это особенно отчетливо замечается в туманную погоду, зимою, по совершенно занесенным снегом и кажущимися непроходимыми горным карнизам, перевалам и ущельям.

Конечно, все вышеописанные отклики родовых обычаев старины не являются ныне обычной и одинаковой принадлежностью всех киргиз.—Наоборот, все это разнообразится и проявляется в большей или меньшей степени смотря по местностям, а, кроме того, уже несколько десятков лет идет по пути вымирания.

То же самое можно сказать и относительно суеверия. Амулеты, заговоры и гаданья носят колорит глубокой старины.—Есть страх колдовства и дурного глаза, есть вера в хорошие и дурные сны. Внезапные и произвольные подергивания лица или членов тела имеют смысл предзнаменований того или другого значения. Нельзя плевать в огонь и перешагнуть через привязь, где доят коров; мучения роженницы можно облегчить, если брызнуть на нее кровью только что зарезанной овцы и т. д. Все это можно наблюдать и теперь по разным местностям, а особенно в отдаленных предгорьях и горах и в пределах Китая. Таковы естественные результаты воспитания в трудовой кочевой обстановке, бывшей в до-революционное время очень далекой от влияния культуры извне. Детей киргизы не быют, но и не носят с ними так изнеженно, как „сарты“. Десяти лет ребенок уже совершенно предоставлен самому себе, ходит оборванный, где хочет, и нередко засыпает среди своих любимцев—лошадей и баранов, а еще через год-два он становится определенно нужным в доме работником.

Орды казаков размещены не только по Туркестану, но и далеко за пределами его, а именно:

1. Большая Орда.—В Джеты-Су, в Аулие-Атинском и Чимкентском уездах, частично в Ташкентском уезде и (отчасти) в Афганистане.

2. Средняя Орда.—В Джеты-Су, в Туркестанском уезде, в Семипалатинской, Акмалинской, и отчасти, в Тургайской областях, в Китае, в Афганистане, а также Самаркандской области, в Ташкентском уезде и в отошедших к Узбекистану и Кара-Калпакии частях быв. Хорезма.

3. Малая Орда.—В Афганистане, в Тургайской и Уральской областях, на Мангишлаке, в Туркменистане, в Таджикистане, в отошедших к Узбекистану и Кара-Калпакии частях Хорезма, в Самаркандской области Узбекистана, в Казалинском и Перовском (Ак-Мечетском) уездах и, отчасти, в уезде Ташкентском.

Подводя те же итоги, по местностям размещения казаков,—получаем следующую картину:

- 1) Афганистан—представители (роды) всех трех орд;
- 2) Китай (местности Кульджа и Чугучак)—Средняя Орда;
- 3) Семипалатинская и Акмалинская обл.—Средняя Орда;
- 4) Уральская область и Мангишлак—Малая Орда;
- 5) Таджикистан и Туркменистан—Малая Орда;
- 6) Кара-Калпакия и Тургайская область—Малая и Средняя орды;
- 7) Узбекистан—Малая и Средняя Орды; (причем в Джизакском уезде, Самаркандской области обитают род Кунград Средней орды и род Джетру Малой Орды).
- 8) Бывшая Сыр-Дарьинская область:
 - а) Аулие-Атинский и Чимкентский уезды: Большая Орда;
 - б) Туркестанский уезд—Средняя Орда;
 - в) Казалинский и Перовский (Ак-Мечеть) уезды—Малая Орда;
 - г) Ташкентский уезд—роды всех трех орд.
- 9) Джеты-Су (Семиречье)—Большая и Средняя Орды.

Казаки всюду крепко держатся родовых делений и обычаев, но наиболее четко это обрисовывается в Джеты-Су, где (для Туркестана) казаки сгруппированы болсе компактно.

Здесь (в Джеты-Су), как уже сказано, обитают казаки Старшей или Большой (Улу-юз) и Средней (Урта-юз) орды.

1. К Большой Орде здесь относятся следующие девять родов: Джа-лаир, Исты, Сары-Уйсун, Дулат, Чапрашты, Канлы, Кыстык, Суван и Албан. Они занимают среднюю и южную часть Копальского (Талды-Курганского) уезда и целиком Алма-Атинский и Джаркентский уезды.

2. Казаки Средней Орды (в Джеты-Су) относятся к поколению „Найман“ и делятся на роды: Кара-Гирей, Садыр, Матай, занимающие Лепсинский уезд и северную треть уезда Копальского (Талды-Курганского).

Всего навсего киргиз-казаков несколько миллионов, а непосредственно на территории бывшего Туркестана их насчитывается 1 120.000 человек.

Вполне понятно, что итоги эти до некоторой степени преуменьшены, т. к. последние годы статистический учет вообще, а в степи тем более, производить было затруднительно.

4. К а р а - к и р г и з ы.

Сами кара-киргизы называют себя „кыргызами“. —Предположительно, что это название происходит от слов „кырк-кыз“, т. е. „40 девушек“. Дело в том, что, по легенде, во времена глубокой древности, 40 витязей захватили в плен 40 девушек —сестер, на коих и поженились... От этого одновременно состоявшегося брака сорока пар и разрослось племя „кара-киргиз“.

Как бы то ни было, но это именно совершенно отдельное племя лишь родственное казакам и не столь близкое к узбекам, как казаки.

В научном мире именно кара-киргизы называются „дико-каменными киргизами“. Они, наряду с казаками и по тем же, что и казаки причинам, являются аборигенами Джеты-Су: в их состав точно также вошли отдельные роды усуней. Конечно, и кара-киргизы являются продуктом смешения разных народностей тюрко-монгольского типа, но, все же, в Джеты-Су они пришли (с Алтая) народом уже определенной формации. Первые заметные их группы начали проникать в Джеты-Су еще в XI веке, а главная масса пришла сюда в XVI веке. По приходе в Джеты-Су казаков, кара-киргизы объединились с последними, действовали с ними совместно, и дальнейшая их история целиком связана с очерченной уже историей казаков.

Все кара-киргизы делятся на две группы — „Он“ (правая) и „Сол“ (левая) применительно к фронту их расположения для постоянной обороны против нападения калмыков.

Вообще кара-киргизы занимают целиком Кара-Кульский и Нарын-ский уезды и на $\frac{3}{4}$ Пишпекский уезд Джеты-Су, отчасти Аулие-Атин-ский уезд, а также сопредельные местности Китая, Восточной Ферганы, Восточных Памиров и Афганистана, т.е. живут вообще очень компактно.

В Таджикистане кара-киргизов вовсе нет, в Туркменистане и в Кара-Калпакии лишь незначительные вкрапины. Только в соприкасающихся с Кара-Киргизией местностях Узбекистана (Ферганская, Самаркандская области и часть области быв. Сыр-Дарьинской) их насчитывается более 80.000, да еще тысяч 15 живут в ближайших местностях территории, отошедшей к Казакской республике. Таким образом,

вне Кара-Киргизии, на территории сопредельных с нею Ср.-Аз. республик, живет всего около 100 тысяч кара-киргизов. Что касается самой Кара-Киргизской автономной области, то в ней кара-киргизов насчитывается до 505.000 человек. Кроме того, как уже сказано, есть кара-киргизы только в Китае и Афганистане.

Джетысуйские кара-киргизы принадлежат к правой („Он“) группе, в которой здесь имеется 7 главных родов: Солты, Саяк, Бассиз, Сары-Багыш, Багыш, Черик и Багу (или Бугу). К этой же правой группе относятся и еще 4 находящиеся вне Джеты-Су рода—Адыгиве, Джадыгир, Тунгатар и Манандыр.

Левая („Сол“) группа, в свою очередь, делится на 4 рода:—Кокча Сару, Мундус и Кытай.

Кара-киргизы тоже строго держатся родовых делений и обычаев, а от казаков только тем и отличаются, что живут более уединенно, ютась в предгорьях и горах, и менее склонны к сближению с окружающими их инородцами.

Кара-киргизские родовые общины изстари управлялись выборными старейшинами „манапами“ и „аристократии“ в своей среде не имели. Впоследствии манапы, все же, добились наследственности своей власти (наименование „манап“ получилось от собственного имени „Манапа“, одного из выдающихся таких родовых старейшин).

Во всем остальном кара-киргизы вполне подходят под сделанную уже характеристику казаков. Русское подданство кара-киргизы приняли в 1855—68 годах.

5. К а р а - к а л п а к и .

Главная масса кара-калпаков, в количестве около 200.000 человек, обитает в Кара-Калпакской автономной области. Кроме того, на стороне имеется тысяч 14 в Узбекистане, причем более половины этого количества относится к Фергане.

Кара-калпаки известны в истории под именем „печенегов“ и „черных клобуков“. В первые века хр. эры они жили родовым порядком в Средней Азии, а затем перекочевали в низовья Волги и Дона. В X веке они разделились на две ветви—Западную и Восточную.

Западная ветвь частью ушла в Венгрию, а частью соединилась с кипчаками. Восточная ветвь продолжала пребывать в пределах современной европейской России, причем ее история соприкасалась с историей России княжеских времен, до того времени пока кончилось владычество монгол. После этого последнего,—данная (Восточная) ветвь кара-калпаков откочевала обратно в Среднюю Азию, а именно на низовья Сыр-Дарьи. Здесь кара-калпакам пришлось выдержать длительную борьбу с разными другими кочевниками вообще, а в частности с киргиз-казаками. В конце концов эти кара-калпаки распались на три части и, разойдясь, обосновались в трех местах—низовья Сыр-Дарьи, Зеравшан и дельта Аму-Дарьи.

В конце XVII и в начале XVIII века кара-калпаки вошли в состав общего киргиз-казакского союза орд, представляя из себя 4-ю орду этого союза. Когда союз этот ослаб и потерял свое значение, а казаки начали переходить в русское подданство,—то же самое попробовали сделать и кара-калпаки. Однако, Россия никакой помощи им не оказала: тогда они, по частям, вступили в подданство Хивы и Бухары, в каковом положении и застал их приход русских в Туркестан. Таким образом, современная Кара-Калпакская автономная область состоит из соответствующих сопредельных районов б. Хорезмской и Бухарской республик.

Кара-калпаки отличаются особо-высоким ростом, длинной бородой, большими глазами, плосковатым лицом с выдающимися скулами и тупым носом. Вообще они заметно, по наружному виду, выделяются из среды узбеков, киргиз и туркмен. Кроме того, в движениях кара-калпаков наблюдается некоторая типичная неуклюжесть.

В отношении родового уклада кара-калпаки делятся на родовые общины, отлично помнящие и чтящие свое происхождение, а землю они пользуются на общественных началах. Кара-калпаки вообще народ оседлый, а потому особых, кочевого характера, проявлений родового быта у них не наблюдается, и, по укладу жизни, они близко подходят к оседлым туркменам.

Часть II-я.

ТУРКМЕНИСТАН.

Краткие сведения о прошлом современного Туркменистана.

Поскольку современный Туркменистан (ТССР) составил из окраин разных бывших государств, постолько его прошлое связано с прошлым этих государств, т. е. в данном случае—Бухары и Хорезма, а также древней „Маргианы“ (Мерв) и Атек-Ахалского оазисов. Относительно всех этих местностей имеются различные исторические справки разной давности до первых исторических времен включительно. Кроме исторических справок, общая картина дорисовывается многочисленными древними развалинами. Наконец, существует ряд научных гипотез, еще окончательно не удостоверенных, но вместе с тем и не опровергнутых.

В конце концов;—факт несомненный, что ныне культурная полоса крайне незначительна и пустыня громадна, вследствие нехватки воды а прежде было, пожалуй, наоборот. Азия вообще является колыбелью, культуры, и Туркменистан в этом отношении занимал далеко не последнее место; нет никакого сомнения в том, что земледельческая культура и отлично поставленное искусственное орошение существовали здесь в глубокой древности.

Прямые указания на это мы видим в древних священных книгах Ирана, в которых Мерв (Маргиана, Мар, Моур) упоминается в качестве страны особо-благодатной. С другой стороны, к району Туркестана вообще и Туркменистана—в частности научной гипотезой относится и величественная библейская река древних евреев—„Гихон“. Представление о ней, повидимому, связано с уже упомянутой в своем месте геологической катастрофой, повлекшей за собой исчезновение Монгольского моря, ибо о такой катастрофе, могущей относиться именно к данным местам, упоминается в главе XXXI пророка Иезакииля. Возможно, что Сыр и Аму-Дарья были только левыми притоками этой громадной реки, протекавшей (если она действительно протекала) через весь Туркестан с востока на запад. Исчезло море, исчез и Гихон, а его притоки постепенно, в конце концов, прорыли себе русло дальше, по прямому направлению.

Наконец, по некоторым эпическим преданиям Хорезма, очевидно относящимся к более поздним временам, можно полагать, что Аму-Дарья очень давно уже протекает приблизительно, в нынешнем направлении, но от Хорезмского оазиса был отводный канал непосредственно в Каспийское море. Относительно самого Каспийского моря есть предположение, что оно покрывало значительную часть современного своего Туркменистанского побережья. Таким образом, возможно, что „узбой“, считающийся старым руслом Аму-Дарьи, действительно показывает путь низовьев Гихона или, хотя бы, упомянутого отводного канала, соединявшего Аму-Дарью с морем.

Все эти вопросы подлежат еще разрешению людьми науки, но нет никакого сомнения, что раньше страна была орошена богато. Достоверные об этом исторические сведения относятся к IV-му веку до христианской эры, именно ко времени прихода сюда греков (Александр Македонский). В это время здесь уже были и знаменитые оросительные „кярizes“ и цветущие города, т. е. все это, значит, возникло гораздо раньше.

Греки, в свою очередь, построили здесь несколько городов. Вообще целый ряд развалин разных древних городов свидетельствует о том, что многие пустынные современные пространства были орошены и густо заселены.

Даже на Атреке ныне выяснена и предполагается к восстановлению старая оросительная сеть.

Захолустный современный Куния-Ургенч стоит почти на развалинах Гурганджа, древней столицы Хорезма, потерявшей свое значение и постепенно замершей только в 1575 г., когда Аму-Дарья значительно отклонилась в этих местах к востоку, а тем самым заставила перенести столицу в г. Хиву. Не только развалины Гурганджа, но и целый ряд развалин других населенных пунктов, каковы развалины, расположенные полукольцом с западной и южной стороны Куния-Ургенча показывают, что на значительном пространстве современной пустыни Ташаузского округа были земли культурные.

С другой стороны, по развалинам старого Мерва и далеко от него, вполне устанавливается, что когда-то посевная площадь покрывала теперешнюю песчаную пустыню (к северу) верст на 180 дальше полотна существующей ныне железной дороги. Предположительно, что культурной же полосой было и все пространство между Мургабом и Аму-Дарьей. Возможно, что это последнее предположение и гиперболическое, однако несомненно, что площадь Мервского оазиса была громадна, ибо район развалин лишь древнего города Мерва и примыкающих к нему окрестностей покрывает собой пространство в 100 кв. верст (по обе стороны ж. д. к востоку от Байрам-Али). Возможно, конечно, что эта площадь не обуславливает сполна нахождения древнего города Мерва именно в ее полных границах, т. к. город разорялся до тла неоднократно и мог заново воздвигаться не точно на том же (своем) месте, а каждый раз несколько в стороне от своих предшествовавших восстановлению развалин, но, тем не менее, сам по себе город был очень большой, многолюдный и являвшийся важным центром. С одной стороны он был узлом торговли Китая и вообще всего Востока с тогдашним Западом, а с другой стороны—служил оперативной базой для распространявшихся в ту или другую сторону завоевателей. Немудрено что все завоеватели им интересовались и всячески увеличивали его значение.

При таких условиях он изстари неоднократно входил в состав разных государств, освобождался, опять попадал под иго и т. д. При всем этом Мерв еще за 2 века до хр. эры был известен отличной оросительной сетью и, даже, как культурный центр. Персия (династия сассанидов), начиная с 230-х годов, ликвидировав власть Парфян, вплоть до того времени (642 г.) как сама подпала под власть арабов,—уделяла Мерву и его оросительной сети очень много внимания.

В результате всего этого,—перед приходом арабов и во время их владычества Мерв являлся даже главнейшим городом всего Хоросана, но после арабов, именно с 820 года, обособился, а вместе с тем стал заметно терять свое значение.

Со времени образования Сельджукской империи (Хоросан был завоеван сельджуками в 1035 г.) Мерв опять становится видным центром: сельджуки, как в своем месте сказано,—огузы (туркмены). Это первый момент их пребывания здесь. Особенное возвеличение Мерва приписывается сельджукскому султану Санджар-Хану, с именем которого предание связывает и постройку знаменитой Султан-Бентской плотины. В 1153 году город был razoren тюрками—гузами (уйгурского происхождения). Далее, во время борьбы кара-китаев, сельджуков и Хорезма, победителем в каковой борьбе оказался хорезмский шах,—разграбленный

Мерв не имел почти никакого значения, но, подпав под власть Хорезма, стал опять развиваться и к 1221 году опять достиг полного блеска, сделался умственным центром и прославился своими библиотеками. Предел этому развитию положили монголы: в 1221 году Мерв был ими разрушен до основания, причем было перебито (средняя версия) около 1.000.000 жителей. Одна эта цифра красноречиво показывает, сколь велико было население всего оазиса, а вместе с тем, — как велика была его культурная площадь, как была поставлена оросительная сеть и каким ключом была здесь тогдашняя жизнь. Монголы почти на 2 века прервали эту жизнь, разорвав оазис и его ирригационную систему. Лишь в 1409 году (династия Тимура) была восстановлена Султан Бейтская плотина: рассеявшиеся жители могли вернуться к своим местам, а город Мерв начал опять возрождаться. К этому же времени относятся и первые ирригационные работы в верхнем течении Мургаба, благодаря чему образовался нынешний Пендивский оазис. Династия тимуридов пала под натиском узбеков, которыми тотчас был захвачен и Мервский оазис. Годом установления владычества узбеков в среднем Туркестане считается 1503 год, но вслед затем началась их борьба с персами, причем в 1510 году персы овладели Мервом и избили около 70.000 его жителей. Временами узбеки отбивали у персов на короткий срок Мервский оазис и способствовали (Хан-Абдулла) улучшению его оросительной сети, но, в общем, оазис пребывал главным образом в руках персов до 1747 года. Следующие три года (1747-1749 г.) Мерв был самостоятелен, но в 1750 г. его ненадолго захватывают афганцы. — Он скоро от них освобождается, но в 1785-90 годах его начинает теснить царственная Бухара. На протяжении этих почти 3 столетий борьбы и частого перехода оазиса из рук в руки — его ирригационная система и общее благосостояние постепенно разрушались вообще, а в 1785 году особенно. Однако, главный и решительный удар был нанесен Мерву в 1790 году, когда Бухара вторично и окончательно разрушила Султан-Бентокую плотину, увела в плен около 17.000 семейств, а разоренный город Мерв обратила в место бухарской ссылки. Этим собственно и заканчивается история старого цветущего Мерва. За отсутствием оросительной сети город опустел и обратился в развалины; обратился постепенно в пустыню и весь район тогдашних низовьев Мургаба, а население продвинулось вверх по реке к месту современного Мерва. Этот последний момент относится уже специально к передвижению туркменских племен, о каковом передвижении будет сказано ниже в своем месте.

Река Теджен никогда многоводием не отличалась, а развалины в ее долине говорят за то, что культура здесь концентрировалась, главным образом, в районе Серахского оазиса: — это видно также и по документам еще IV века до хр. эры. В эпоху нашествия арабов Теджен уже пересыхал летом, и население, не удовлетворяясь посевами сравнительно незначительной орошаемой культурной полосы, прибегало к багарным посевам и занималось преимущественно скотоводством. Впоследствии, когда были заселены и низовья, здесь начали делать запруды для поднятия уровня воды в реке, но это относится к периоду не большой давности (лет 200 тому назад), уже при туркменах.

Что касается Ахал-Текинского и Атекского оазисов, то они тоже изобилуют развалинами древних городов (напр., Ниса, Анау, Шахристан и др.) и рядом еще более древних курганов. Есть основания предполагать, что данная местность была обитаема даже в доисторические времена, а потому вполне возможно, что земледелие здесь развилось столь же давно, как и на Мургабе. Предполагают, что здесь Александр Македонский по-

строил город Алакسانдрополь, но более точных исторических справок, повидимому, не имеется. Точные исторические сведения относятся к X веку. В это время центральный город оазиса—Ниса (Неса) был приблизительно в 2 раза меньше Мерва, изобиловал водою и решительно утопал среди зелени повсеместной и разнообразной растительности. Культурная полоса так же, как и теперь, тянулась лентою по-над горами от места нынешнего Кизил Арвата и до конца Атекского оазиса. Можно думать, что граница тогдашних оазисов и песков почти совпадала с ныне существующей таковой,—но таких громадных, как теперь, песчаных перерывов оазиса не было, и вся местность до гор засеивалась. Нашествие монгол прервало культурную жизнь, оазис пошел к упадку и уже в таком виде попал впоследствии в руки туркмен.

Из всего вышеизложенного мы видим, что на протяжении многих веков песчаная пустыня действительно „завоевала“ очень большие площади, прежде орошавшиеся, изобиловавшие городами и густо заселенные. Это одинаково относится к пустынным окраинам всех современных оазисов, а к оазису Мервскому и Ташаузскому—особенно. Где была вода—там или вовсе нет ее или остается мало, а надо, чтобы ее всюду было достаточно.

В этом направлении уже идут соответствующие работы: в верховьях Теджена производятся работы по устройству специального водохранилища и мощной плотины, в Иолотани и в низовьях Мургаба перестраивается ирригационная сеть, на Атреке и по Аму-Дарье делаются изыскания, в Ташаузе уже сильно продвинута капитальная чистка каналов и, наконец, обращено внимание на специальное сохранение полностью всей воды, ниспадающей со склонов Копет-Дага.

Уже эти одни мероприятия, по их окончании, увеличат посевную площадь в значительной степени, но на этом не предполагается остановиться: будущее Туркменистана всецело зависит от улучшения и расширения ирригационной сети, а потому на этот вопрос обращено специальное внимание.

Г Л А В А II.

Границы и площадь Туркменской С. С. Республики.

Размежевание средне азиатских республик, в том числе и отмежевание Туркменистана,—фактически совершилось осенью 1924 года. Торжество провозглашения Туркменской Социалистической Советской Республики состоялось 20 февраля 1925 года на 1-м Всетуркменском Съезде Советов, открытом в гор. Полторацке 15-го того же февраля и оформившем исторический факт отмежевания.

Новый самостоятельный Туркменистан соприкасается на севере с Р. С. Ф. С. Р. (Казакская Республика и Кара-Калпакская Автономная Область), на востоке с Узбекской Республикой, а на юге—с Афганистаном и Персией. Западной своей окраиной он примыкает непосредственно к Каспийскому морю.

Западная, т. е. вдоль берега Каспийского моря, граница идет от середины Кара-Бугазского пролива (на юг) до устья реки Атрек, сходясь здесь с границей южной. Протяжение западной границы—около 700 верст. Граница южная, от берега Каспия, отграничивая Туркменистан от Персии, идет сначала (135 верст) вверх по Атреку, после (25 в.) вверх по его притоку—Сумбару, а затем—по горной цепи Копет-Дага (720 в.) до реки Теджен и, наконец, (120 верст) вверх по Теджену, т. е. всего около 1000 верст. С этого места идет дальше та же южная граница, но отграничивает она уже не Персию, а Афганистан, т. к. здесь Персия соприкасается с Афганистаном. Туркменистан—афганская граница верст 700 идет по увалам Парапаминского горного массива до берега Аму-Дарьи, а затем (верст 70)—по Аму-Дарье до переправы Кала-Камар, находящейся в 20 верстах вверх по реке от Келифа.

Южная граница—старая, оформленная соответствующими договорами: с Персией в 1881 и 1895 г., а с Афганистаном—в 1885 году.

Остальная часть внешней границы (восточная и северная) отделяет Туркменистан от Узбекистана с Таджикистаном и от Р. С. Ф. С. Р. (Кара-Калпакия и Казакистан).

Граница с Узбекистаном, начинаясь на правом берегу Аму-Дарьи около упомянутой уже переправы Кала-Камар,—сначала, верст 60, идет прямо к северу на горы Куг-и-Танг, а затем сворачивает налево и, в северо-западном направлении, проходит по правому же берегу реки вплоть до места, которое находится против расположенного на левом берегу Питняка: здесь граница переходит на левый берег. Главнейшими ориентировочными пунктами очерченного участка границы по правому берегу Аму-Дарьи являются: перевал Хазрет-Аскар, перевал Кок-Котель, зимовка Чуй-Чак, колодцы Кичикен-Кын и Катта, овраг Куртаб, зимовка Бал, станция Талимарджан (остается в Туркменистане), ряд колодцев и урочище Базынген-Тугай, огибая которое с востока и с севера, т. е. оставляя его на территории Туркменистана, граница и переходит на левый берег Аму-Дарьи на котором и огибает Питняк с юга. Таким образом, участок туркменской территории на правом берегу Аму-Дарьи идет полосой разной ширины, то расширяясь верст до 60, то суживаясь до 20 и меньше верст.

По левому берегу реки граница от Питняка идет: на с.-з. до южной оконечности озера Зой-Чунгаль; отсюда—на запад—к озерам Чарву-

чи и Шуркуль, причем последнее пересекается границей пополам; далее огибает с юга озера Дузлак-Куль, Бады-Ульген и Шейх Джулы, пересекает пополам озеро Есаул-Баши и, в с. в. направлении, идет к урочищу Майжингал, что на старом русле Аму-Дарьи, по каковому руслу и доходит до урочища Кулар. От Кулара граница сворачивает круто на восток и, по южному берегу озера Аусер, доходит до северной окраины урочища Урсукчи, откуда, свернув на северо-запад (через гору Кубатау, бугор Кок-Тюбе и ряд урочищ) подходит к берегу Аму-Дарьи, обогнув с севера урочище Манчи-Кайлы, у которого соприкасается с территорией Р. С. Ф. С. Р.

Таким образом, на протяжении всего этого участка границы, от Питняка и до конца, оба берега Аму-Дарьи выделяются на территорию Узбекистана. Все протяжение границы с Узбекистаном около 1300 в.

Граница (северная) с РСФСР—начинаясь, как уже сказано, около урочища Манчи-Кайлы на левом берегу Аму-Дарьи,—идет вниз по течению до головы арыка Хан-Яб и по этому арыку до ур. Шигырлы-Аба; сворачивает отсюда на с.-з. и, по западной стороне озера Кара-Куль, доходит до протока Кара-Узьяк, по которому идет до озера Карабаш-Куль, огибает его болота, оставляя их на территории Туркменистана, и пройдя между озерами Кара-Куль и Кара-Коль, направляется к могиле Мазар-Худай-Бай, затем берет направление на с.-в. оконечность озера Айбугир, огибает его по северному и западному берегу и доходит до кр. Калак-Кала. Отсюда, по старой хорезмской границе, идет, в западном направлении, к старому руслу Куня-Дарьи, огибает с северной и западной стороны систему озер Сары-Камыш и следует на юг до безыменного сухого озера (почти на уровне середины Кара-Бугазского залива).

От этого сухого озера граница круто поворачивает на запад и, через колодцы Эмпе и Дирен и горы Куландаг, доходит до мыса Кулян-Гурлан на берегу Кара-Бугазского залива; здесь сворачивает несколько на юго-запад и, пересекая названный залив, выходит на середину Кара-Бугазского пролива, т. е. к той точке, от которой мы начали описание западной границы.

Протяжение северной границы около 900 верст.

Границы восточная и северная, т. е. с Узбекистаном и РСФСР установлены Ликвидкомом Средней Азии по соответствующему протоколу 17-го марта 1925 года. Таким образом, к основной бывшей Туркменской области Туркеспублики отошла еще значительная часть бывш. Бухарской и Хорезмской республик, что в целом и составляет современную территорию Туркменской республики.

Как видим, общее протяжение границ Туркменистана достигает 4700 верст, считая по заложению, причем около 1000 верст относится к границе водной. При точном измерении, очевидно, общее протяжение внешней границы достигает до 6000 верст.

Этой пограничной линией охватывается площадь в 417.000 квадратных верст.

Г Л А В А III.

Административное деление и населенные места.

Вся площадь Туркменистана делится на 5 округов: Полторацкий (около 169.000 кв. верст), Мервский (125.000 кв. верст), Керкинский (27.000 кв. верст), Ташаузский (39.000 кв. вер.) и Ленинско-Туркменский (57.000 кв. вер.)

Центрами округов являются города того же наименования, а самые округа делятся на районы, причем в Ленинском и в Керкинском округах имеется по 7 районов, в Ташаузском—5, а в остальных по 6.

Районными центрами, в свою очередь, являются или города или же поселения городского типа или большие кишлаки (аулы), а самые районы состоят из ряда населенных пунктов разного типа.

Районы, по округам,—следующие:

1). Для *Полторацкого округа*: Полторацкий, Красноводский, Кизил-Арватский, Казанджикский, Гинсбургский и Атрекский.

2). Для *Мервского округа*: Мервский, Байрам-Алийский, Серахский, Тедженский, Иолотанский и Тахта-Базарский (Пендинский оазис).

3). Для *Ленинско-Туркменского*: Динаусский, Старо-Чарджуйский, Дарган-Агинский, Кара-Бекаульский, Саятский, Фарабский и Бурда-лыкский.

4). Для *Керкинского округа*: Керкинский, Ходжамбасский, Халачский, Кизил-Аякский, Келифский, Ташрабадский и Карлюкский.

5). Для *Ташаузского округа*: Ташаузский, Куня-Ургенчский, Иль-ялынский, Порсунский и Тахтинский.

В дальнейшем, каждый район делится на территории аулсоветов, причем аулсоветов всего навсего 368: в Полторацком округе—123, в Мервском—125, в Ленинском и Керкинском по 43 и в Ташаузском—34. Всюду получается одинаковая трехчленная система управления: окружные исполкомы, районные исполкомы и аулсоветы, соответственно выше-очерченному административному делению территории.

Обращаясь к общему перечню населенных пунктов, видим, что городов имеется только 7: Полторацк (42.422 чел. населения), Ташауз (2.684), Мерв (16.563), Ленинск (11.775), Красноводск (9.952), Керки (4.884) и Теджен (2.849).

Что касается поселений городского типа, то таковые есть только в Полторацком, Ленинском и Мервском округах,—всего 7, а именно:

а) в *Полторацком округе*: Кизил-Арват (4783 чел. населения) и Гинсбург (940);

б) в *Мервском округе*: Байрам-Али (4.155), Иолотань (1.288), Тахта-Базар (688) и Серахс (174);

в) в *Ленинском округе*: Старый Чарджуй (3.600 чел.).

Кроме того, в Полторацком округе имеются еще и следующие виды селений:

а) один *дачный* поселок—Фирюза (100 чел.);

б) два *промысловых* поселка: Гассан-Кули (2500 чел.) и Кули-Маяк (86 чел.) и

в) четыре *фабрично-заводских* поселка (аулы Кара-Гель, Ага-Мене,

Керт-Яха и нефтяные промысла (на сстрове Челекене—с общим количеством населения в 3000 чел.).

Независимо от вышеперечисленных городов, поселений городского типа, промыслов и фабрично-заводских поселков, есть ряд поселений, имеющих сравнительно смешанное (в смысле разнообразия национальностей) население, но не могущих быть подведенными ни под одну из вышеприведенных (город, поселение городского типа и т. д.) рубрик.— К числу таких селений относятся Чикишляр (на берегу Каспия), Казанджик, Джебель, Бахарден (по линии жел. дороги) и т. д.

И, наконец,—в Полторацком и Мервском округах имеется ряд отдельных поселков, однородно заселенных той или другой европейской национальностью: русские (великороссы), украинцы или немцы.

Вся остальная масса населения располагается по кочевьям или же в поселениях чисто местного типа. Таковых поселений во всех округах насчитывается около 1300, а именно: 300 в Полторацком округе, 430 в Мервском, 370 в Ленинском, 105 в Ташаузском и 190 в Керкинском. Все эти поселения имеют вид скученного или разбросанного кишлака (аула) обще-средне-азиатского типа, причем надо отметить, что поселения Ташаузского округа имеют главным образом вид непрерывной цепи хуторов вдоль ирригационных каналов. В кочевых районах вообще, конечно,—подвижные аулы: таких кочевий около 100.

Вышеприведенные цифры и очерк административного деления можно принять как достоверные для настоящего времени и впредь до лета 1926 года, а далее они, с продвижением начатых в 1925 году специальных работ по районированию,—могут до некоторой степени измениться. Возможные, повидимому незначительные, видоизменения могут произойти вследствие передвижения некоторых районных центров, передачи самых районов из округа в округ или их выделения из округов, перегруппировки некоторых аулсоветов, более точного учета численности населения в городах, поселениях городского типа и т. д.

Г Л А В А IV.

Общий очерк местности Усть-Юрт и Сары-Камышская впадина.

Местность Туркменистана имеет далеко не одинаковый характер. В общих чертах,—представляется громадная пустынная равнина, окаймленная вдоль вышеочерченных границ разнохарактерными горными рельефами и культурными полосами.

Так, самая северо-восточная часть Туркменистана представляет из себя юго-западные окраины Хивинского (Хорезмского) оазиса. Отсюда, по направлению к Каспию, вдоль границы, пролегает громадная Сары-Камышская впадина, а после непосредственно поднимается возвышенное плато Усть Юрт, которое и доходит до береговых возвышенностей над Каспийским морем. В пределы Туркменистана Усть-Юрт входит не целиком, а только южной своей половиной, ограничиваемой с юга Узбоем (старое русло Аму-Дарьи). Усть-Юрт по всему своему протяжению с южной стороны (над Узбоем) поднимается очень круто, местами совершенно обрывисто. Средняя высота этого громадного плато достигает 600 футов над уровнем моря. Общий вид поверхности—громадная в звыше ная равнина, с кое-где разбросанными небольшими отдельными возвышенностями и с группой таковых в самой западной ее части.

Эти (западные) возвышенности Усть-Юрта примыкают к высотам, окаймляющим с южной стороны Кара-Бугазский залив.

Почва Усть-Юрта, главным образом, — известняк и глина, а местами — песок и солончаки. В низинах Усть-Юрта, равно как и вдоль границы по Сары-Камышской впадине, попадаются отдельные и расположенные группами небольшие озера, но озера эти соленые и в большинстве случаев высохшие. Проточной воды вовсе нет; изредка попадаются колодцы, весной на некоторое время сохраняются в низинах остатки воды, накопившейся при таянии снегов. Весной почти всюду появляется весьма небогатая травяная растительность, но она очень быстро засыхает. Лето здесь знойное, дождей чрезвычайно мало. Зима очень суровая: холод достигает 20 градусов. Вообще Усть-Юрт является высоко-лежащей безотрадной и безводной равниной, движение по которой крайне затруднительно.

Что касается Сары-Камышской впадины, то она, в сущности, так же пустынна и безотрадна. Существенной ее отличительной и характерной чертой является лишь то обстоятельство, что она лежит на 48 футов ниже уровня моря.

Обращаясь к уже упомянутому горному южному побережью Кара-Бугазского залива, видим, что его возвышенности связаны с таковыми же, расположенными по северному берегу залива Красноводского, а от Красноводского залива идет уже почти непрерывная и постепенно повышающаяся гряда гор — прямо (вдоль линии железной дороги) до границы с Персией и, затем, вдоль персидской и афганской границ до Аму-Дарьи и вверх по Аму-Дарье. Цепь этих гор входит в то горное кольцо, которое огибает Персию и Афганистан, входит в их пределы и, в дальнейшем, сливается с отрогами Гиндукушского хребта, окаймляющего Северо-Западную Индию.

Г Л А В А V.

Горные массивы.

Цепь гор Туркменистана, в сущности, составляет одно целое, но они, по частям, имеют различные названия.

По берегу Красноводского залива они называются „Куба-Даг“ и нигде (отдельные вершины) не превышают 840 футов высоты. — Дальнейшее их продолжение именуется „Кюраны-Карры“: эти горы значительно выше, причем главная их вершина (Каша-Сайра) имеет 2563 фута высоты.

Далее, приблизительно от железно-дорожного раз'езда, что между станциями Белек и Ягман, верст на 66—70 тянутся „Большие Балханы“ почти до станции Бала-Ишем, местами расширяя свой массив более чем на 40 верст.

Горы эти, в сущности, представляют из себя обширное плато до 5000 футов высоты с хорошей травяной растительностью и с порослями арчи при наличии родниковой воды и пресноводных колодцев. Самая высшая точка — вершина Дюйнеш (6125 фут. высоты). Далее идут „Малые Балханы“ того же типа, что и Балханы Большие. Обладая травяной площадью, т. е. будучи поэтому пригодными для кочевого образа жизни, — и Большие и Малые Балханы издавна исторически известны в качестве мест, излюбленных и спорных между разными кочевыми племенами, родами и даже народностями, принужденными искать пастбищ.

Малые Балханы, начавшись, как уже сказано, у станции Бала-Ишем, небольшими увалами, поднимаются постепенно и увалобразно до станции Айдин, а отсюда до Казанджика имеют вид уже настоящих гор при высоте более 2600 футов. Общее их протяжение—90 верст.

К Малым Балханам, у станции Казанджик, примыкают горы „Кюрен-Даг“, так же пригодные в качестве пастбищ (есть вода, хорошая трава, арча) и возвышающиеся не более 2400 футов. Массив Малых Балханов и Кюрен-Дага постепенно, но неуклонно, расширяется и, при наибольшей своей ширине, сливается с хребтом Копет-Дага.

Таким образом, горная цепь, идущая от Красноводска до персидской границы, отделяет от всего равнинного Туркменистана равнинную же и пустынную его часть, лежащую между этой цепью, берегом Каспия и пограничным с Персией (рекою) Атреком.

Итак,—горы „Кюрен-Даг“ вплотную соприкасаются с хребтом „Копет-Даг“, носящим также название и „Туркмено-Хоросанских“ гор.

Само это название показывает, что эти горы исстари являлись границей между Туркменией и Персией, провинцией коей был Хоросан. По ним же граница проходит и теперь, причем большая часть их массива отходит на сторону Персии.

Горы Копет-Дага, в качестве границы с Персией, тянутся до реки Теджен. Средняя их высота сравнительно не велика, но отдельные вершины достигают 10.000 футов. Горы—дикие и пустынные, воды на них мало, а потому, прилегающие к ним низменные части Туркменистана чрезвычайно бедны орошением. (Далее граница идет вверх по реке Теджену). В верховьях реки Теджена кончается туркмено-персидская и начинается туркмено-афганская граница. Этой последней служат горы, или вернее предгорья, Парапамизов. Главный их массив целиком находится в Афганистане, а государственная граница проходит по холмистой полосе их северных предгорьев,—вплоть до Кушки. Пограничные предгорья понижаются в сторону Туркменистана и постепенно сливаются с его центральной низменностью.

Весной на пограничных холмах появляется трава, но она быстро выгорает.

За Кушкой, вдоль границы, до Аму-Дарьи и (по ней) далее начинаются увалы, скоро переходящие опять в неприветливые горы, а эти последние, как уже ниже сказано, являются отрогами далекого хребта Гиндукуша.

Площадь горных склонов, по отношению к площади всей территории Туркменистана, исчисляется в 23%.

Г Л А В А VI.

Пустыня Кара-Кум.

Оставляя для культурной площади лишь бассейны незначительных речек, полосу вдоль описанного массива гор и прибрежную полосу Аму-Дарьи, вся остальная, кроме Усть-Юрта и Сары-Камышской впадины, территория Туркменистана, захватывая все округа, представляет из себя громадную песчаную пустыню. Пустыня эта покрывает собою площадь около половины всей территории, занимает центр страны и ограничивается: на юго-западе прилегающей к горам культурной полосой, на северо-востоке культурной же при-Аму-Дарьинской полосой, на северо-западе Сары Камышской впадиной и возвышенным плато Усть-Юрта, а на юго-востоке бассейнами рек Теджена, Мургаба и Аму-Дарьи.

Границы эти показаны лишь грубо, в общих чертах: в действительности пустыня местами прорывается широкими „языками“ через культурную полосу, подходит вплотную к горам и заполняет собой пространство между долинами рек Теджена, Мургаба и Аму-Дарьи, способствуя образованию отдельных оазисов.

Пустыня эта называется „Кара-Кум“ или, иначе, — „Туркменская впадина“. Она охватывает с трех сторон наличные оазисы и ведет на них, так сказать, постоянное наступление. Дело в том, что пустыня эта не остается неподвижной: она движется и именно «наступает». Это — песчаное море, причем пески двигаются по направлению господствующих постоянно ветров с северо-запада на юго-восток, т. е. именно от бесплодных мест к полосе культурной. Передвижение песков — это типичная черта Кара-Кумской пустыни или, как ее называют, — „песчаной степи“.

Песчаная Кара-Кумская степь расположена, в среднем, на 300—400 футах высоты над уровнем моря и разнообразится то группами, рядами или одиночками песчаных же холмов разной формы, плотности и величины, то небольшими между ними впадинами и углублениями.

Из больших и глубоких впадин Кара-Кума в настоящее время известна только одна, охватывающая пространство в 20.000 кв. верст при наибольшем понижении ее дна на 140 футов (т. е. в 3 раза глубже впадины Сары-Камышской).

Представляя из себя в тихую погоду как бы застывшее волнистое море песков, Кара-Кум при малейшем ветре начинает „волноваться“. Вздвигаются и лежат по ветру тучи песка. Одни песчаные холмы размываются ветром, другие заново нарастают в любом месте, где только оседающий песок может, так сказать, „зацепиться“ за что либо более — менее устойчивое.

Такие, переносимые ветром с места на место, песчаные холмы называются „барханы“.

Бархан вообще, следовательно, не устойчив. Он обыкновенно имеет форму полукруга. Внешняя его сторона обращена против ветра и отличается пологими, шлифуемыми ветром, скатами, а внутренняя сторона обрывиста. Более-менее устойчивые барханы ранней весной покрываются чахлой и быстро пропадающей травой.

Более устойчивые барханы постепенно еще больше закрепляются корнями развивающейся на них травяной и кустарной растительности, и в конце концов обращаются в овальной и круглой формы холмы или „бугры“. Бугристые пески обыкновенно бывают на окраине пустыни, главным образом на границе с бассейнами Теджена, Мургаба и Аму-Дарьи. Нередки случаи, когда „бархан“ наносится ветром на „бугор“, на верху или на скате которого и нарастает в своей типичной форме. Высота барханов и бугров колеблется от 15 до 35 футов, а общее расположение их, как уже упомянуто, — различно: одиночки, ряды и цепи, разные группы и т. д. Мелкие барханы, при хорошем ветре, легко переносятся с места на место саженой на 10 в течение лишь одних суток. Чем крупнее бархан, тем „движение“ его медленнее. Еще медленнее передвигаются целые группы и цепи барханов, но в общем движение пустыни и „наступление“ ее на оазисы постоянное и неуклонное, в среднем 1—1½ сажени в год.

Местами вообще, а особенно между большими барханами и буграми, образуются — „Такыры“: это глинистые площадки и углубления, куда стекает вода от таяния, а также от редких здесь дождей.

Как бы то ни было,—площадь песков вообще громадна: на их долю отходит 52 с полов. проц. всей площади республики.

Такыры изобилуют редкой, но питательной и разнообразной травяной растительностью, которая, впрочем, к концу весны уже выроет.

Все пространство пустыни, за исключением такыров и сравнительно плотных „бугров“, покрыто мягким сыпучим песком: конь и верблюд в нем вязнут и оставляют глубокие следы, но следы эти совершенно заносятся при малейшем ветерке.

Таким образом, заметных „дорог“, даже тропинок, здесь вовсе нет, равно как нет и проточной воды. Кое-где по самой пустыне, а чаще по окраинам ее, попадаются лишь колодцы разной глубины и разного достоинства воды. Совершенно пресной воды в этих колодцах не имеется: вода в них солоноватая или соленая или, даже, горько соленая. Вся суть лишь в том, насколько этой водой, при крайней нужде, можно пользоваться для питья человека или животного. Однако, при помощи этих колодцев и застоев в ложбинах дождевой воды, люди двигаются по пустыне.

Мало того,—в песках живут не малочисленные группы скотоводов, использующих „такыры“ с их травяной площадью и совершенно невидимых для постороннего взора среди сложного лабиринта однообразных барханов и бугров.

ГЛАВА VII.

Большие такыры, степи и солончаки.

Если, как упомянуто, песчаная пустыня местами врезывается не только между оазисами, но даже и прямо в них, то, с другой стороны, и оазисы своими окраинами врезываются глубоко в пустыню в виде перемежающихся друг с другом такыров, степей и солончаков.

Полоса таковых местами прорывается проникающими через нее и разделяющими оазисы ответвлениями песчаной пустыни, но во многих местах именно полоса такыров, степей и солончаков отделяет культурную полосу оазисов от сыпучих песков Кара-Кума, т. е. идет вдоль линии оазисов.

Особо большие солончаки имеются между реками Тедженом и Мургабом, около станции Бала-Ишем, около станции Такыр, почти по всему пространству по обе стороны горной цепи Малых Балханов и, местами, против хребта Копет-Дага.

Дело в том, что склоны Малых Балханов изобилуют выходами наружу подпочвенной горько-соленой воды: стоками таковой и образуются в прилегающих равнинных местах солончаки, достигающие иногда громадных размеров. Такая же картина наблюдается местами и в районе Копет-Дага.

Наряду с солончаками, горные же воды сносят вниз частицы глины, наплаивая их и образуя таким образом свои собственные такыры на окраинах песчаной пустыни. Наиболее обширные такие (между пустыней и культурной полосой) такыры расположены вдоль при—Амударьинской культурной полосы, в низовьях рек Теджен и Мургаб, между этими реками и около культурной полосы, прилегающей вдоль Копет-Дага.

По низинам этих такыров образуется вдоль гравиты с песками ряд пресноводных небольших озер, как от случайного (таяние и дождь) скопления воды, так и от весеннего разлива низовьев горных рек, где таковые имеются.

Что касается естественных степных больших пространств, то они находятся между солончаками западной стороны Малых Балханов и Атреком, отчасти вдоль Атрекского оазиса, а главным образом в нижней части Парапамизских холмов и около них вообще, а в Керкинском округе особенно.

Г Л А В А VIII.

Растительный мир.

Растительность страны разнообразится в зависимости от рельефа и свойств местности. В средней и нижней частях бассейна Мургаба, по р. Теджену и по Аму-Дарье, т. е. вообще по берегам рек, а особенно в заливных их местах, встречаются разной величины, так называемые, „тугаи“. Это, зачастую, очень густые поросли тала, чингала, тополя, тамариска и выющегося кендыря. Наиболее обширный тугай (27 верст длины) имеется в районе Дарган-Ата на р. Аму Дарье. Тугаи, зачастую, изобилуют также и камышом, который, впрочем, встречается по заливным низинам и отдельно стоящими порослями. Мелкие поросли тугайного характера, а тем более отдельные группы деревьев или кустарника и отдельные деревья, попадаются очень часто и по берегам рек и в ближайших к ним горных ущельях. Как особую растительность берега и островов Аму-Дарьи вообще, а в Ленинско-Туркменском округе главным образом, надлежит отметить „солодковый корень“.

Горная растительность, прежде всего, зависит от высоты гор и расположения ущелий, т. е. доступности последних тем или другим ветрам.

Большие и Малые Балханы повсеместно изобилуют разнообразными порослями, а растительный мир Копет-Дага имеет, так сказать, предельную высоту.

Выше 3000 футов попадаются лишь отдельные деревья арчи. Ниже этого предела, обыкновенно на высоте до 2000 футов, по бокам глубоких ущелий, изобилующих отличной водою, — не редкостью являются сравнительно богатые древесные поросли, как очевидные остатки бывшей здесь когда-то вообще богатой растительности. Сравнительным изобилием растительности особенно выделяются ущелия Фирюзы и Чули в горах около Полторацка. Здесь мы встречаем инжир (винную ягоду) и гранатник, дикий виноград и др. ползучие растения, кусты барбариса и ежевики, низкорослую фисташку, железное дерево, клен и карагач. Встречается такого же характера растительность и в других ущельях, но там она и реже и менее разнообразна.

В более возвышенной части увалов Парапамизских отрогов встречаются заросли фисташки, группы деревьев колючего миндаля и поросли осоки. Наконец, по предгорьям над Аму-Дарьей, не считая арчи более высоких мест, а также фисташки и разных кустарниковых и ползучих растений на нижних частях склона гор, попадаются еще тополь, тал, и, даже, береза. Расположено все это перелесками и группами разной величины. Лесов, в подлинном значении этого понятия, конечно, нигде не имеется.

Как видим, поросли фисташки имеются почти по всей границе с Персией и, притом, в значительном размере: это могло бы составить известную статью государственных доходов.

Что касается песчаной пустыни, то и она имеет свой растительный мир, причем ее растения очень своеобразны. Они низкорослы, отличаются уродливой кривизной ствола и веток, благодаря своей тусклой окраске мало заметны на фоне песков, растут редко, далеко друг от друга, хоть и повсеместно, и выделяются среди других древесных пород очень длинными и крупными корнями. К числу таких типичных растений (кустарник и низкорослые деревья) пустыни относятся песчаная акация, колючий чингал, тамариск и основа средне-азиатского топлива — саксаул. Последний особенно хорошо закрепляет пески пустыни, но, к сожалению, его никогда не эксплуатировали планомерно, и по окраинам пустыни, ближе к культурной полосе, он почти уничтожен во вред охране той же культурной полосы.

Травяная площадь Туркменистана, конечно, в значительной мере совпадает с площадью „лесною“, т. е. относится и к соответствующим склонам гор и к прибрежным порослям рек и пескам пустыни вообще, а к ее такырам особенно. Кроме того, как уже выше отмечено, имеются специальные степные пространства и особо учтенные такыры на границе с полосой культурной. Наиболее богатыми травяной растительностью местами являются Большие и Малые Балханы, цепь гор Кюрен-Дага, степи около Атрека и самые нижние увалы Парапамизов. Разница лишь в том, что по низинам (и особенно в песках) трава выгорает скорее, а на возвышенных местах, особенно на Балханах, держится дольше. Разнообразие трав вообще значительное, но особо оригинальными травами известны упомянутые увалы Парапамизов. Здесь, например, растет не поддающийся культуре дикий вид ячменя, совершенно не боящегося засухи и дающего отличное сено.

В общем итоге, культурная лесная площадь, всего навсего, охватывает 6%, а площадь лесистых пустырей — 12% всей территории.

Г Л А В А IX.

Культурная полоса, ее реки и оазисы.

Как можно судить из всего вышеизложенного,—культурными землями, в наличных условиях климата и соседства песчаной пустыни,—могут являться только те, которые возможно оросить искусственно. Такие земли „привязаны“ к бассейнам рек, а этих последних в Туркменистане количество весьма ограниченное. В результате всего этого, культурные земли имеются лишь в районе рек Атрека, Теджена, Мургаба и Аму-Дарьи да по-над предгорьем Балханов и Копет-Дага: все это сравнительно узкие, прерываемые песками пустыни, полосы. Величина их зависит от того, насколько хватает воды соответствующих рек, речек и ручьев.

Местность Атрека отделена от остального Туркменистана грядой гор и является районом непосредственно прилегающим к Персии.

Река Атрек берет начало в Персии, а Сумбар с Копет-Дага. В Сумбар впадает слева речка Чандыр, берущая начало тоже в Персии.

Река Чандыр в пределах Туркменистана течет на протяжении 70 верст, Сумбар—190 верст, а самый Атрек на всем своем пограничном протяжении, т. е. 135 верст. Таким образом, общее их протяжение на территории Туркменистана—395 верст, но 25 верст Сумбара и 135 верст Атрека, являясь границей, уделяют Туркменистану на этом протяжении только один берег.

Орошаемая водами этих рек площадь крайне незначительна и сводится к трем небольшим отдельным и далеко друг от друга стоящим оазисам.

Дело в том, что Чандыр и Сумбар вообще маловодны, а Атрек при выходе из Персии на границу перерезан специальной плотиной, делящей его на рукава, из которых левый целиком отходит обратно на персидскую территорию, а правый служит именно границей.

Берега Атрека местами очень высоки; местами же они столь низки, что вода весной выходит из берегов и образует болота, поросшие камышами.

Притоки Атрека тоже на многих участках имеют сравнительно высокие берега, а такая обстановка, конечно, не оставляет возможности широко устроить примитивными средствами сеть выводных для орошения каналов. По этим причинам на Атреке орошаемых земель сравнительно очень мало. Однако, площадь этих земель, при использовании современной техники, можно увеличить во много раз. Не считая лежащей среди гор Кара-Калинской местности,—следующий участок орошаемых земель находится по другую сторону гор в виде небольших Казанджикского и Кизыл-Арватского оазисов и вытянувшейся далее узкой полосы у подножия Копет-Дага. Полоса эта, местами, прерывается песками пустыни, и таким образом получается ряд тоже разной величины оазисов, объединенных под двумя общими названиями: Ахал-Текинский и Атекский.

Ахал-Текинский оазис отделен от Кизыл Арвата широкой полосой песков, а сам имеет 200 верст длины, на расстоянии которых еще 4 раза прерывается полосами песков в 8-15 верст ширины. Ширина самого оазиса колеблется от 9 до 20 верст, причем кончается он около станции

Гяурс. Далее, за Ахал-Текинским оазисом, верст 40, идут опять пески, а затем начинается оазис Атекский, который, при такой же приблизительно ширине, тянется на 100 почти верст вплоть до станции Душак. Атекский оазис местами тоже прерывается вдвинувшимися в него „языками“ песков пустыни. Ширина обоих оазисов обусловливается величиною ниспадающих в них с Копет—Дага речек и ручьев, каковых на протяжении 435 верст между станциями Казанджик и Душак имеется около 30, но все они незначительны. Вода их, по пути, почти целиком разбирается на посевы. По этой причине некоторые речки едва доходят до полотна железной дороги, другие текут через и дальше ее лишь верст на 15, но все они одинаково заканчиваются: низовые воды их сначала образуют такыр, а после теряются в песчаной пустыне. Характерно то обстоятельство, что весной полые воды в низовьях не вмещаются в своих руслах и разливаются по сторонам, образуя на такырах (т. е. на границе с пустыней) ряд малых пресных озер. Однако, этим подчеркивается то обстоятельство, что вода этих речек используется неумело и не продуктивно: при лучшей постановке дела, несомненно, можно оросить гораздо большую площадь, к чему и направлены современные заботы.

В Ахал-Текинском и Атекском оазисах, хотя и с риском потери от засухи, все же, можно делать по предгорьям богарные посевы. Оба эти оазиса, Атрек и все пространство до Каспийского моря относятся к Полторацкому округу.

Следующим культурным участком является долина реки Теджена, отделенная от Атекского оазиса полосой песков. Река Теджен берет начало в Афганистане, на протяжении 120 верст служит границей с ним, т. е. предоставляет на этом протяжении в распоряжение Туркменистана только один (правый) берег, а затем еще 120 верст течет целиком в пределах Туркменистана. Ниже гор. Теджена река распадается на несколько рукавов, а эти последние, пересекая линию железной дороги, теряются в песках. Очевидно и здесь приходится иметь дело с нерациональным использованием вод реки, и при лучшей постановке ирригационного дела можно оросить гораздо более значительную площадь. Река Теджен вообще малородна: при ширине местами до 25 саженей она несет столь мало воды, что летом во многих местах пересыхает. При современном положении ею орошается не более 11 000 десятин земли, которая относится к 2 оазисам—Серахскому (верхняя часть реки) и Тедженскому (средняя и нижняя часть реки) с большим, не орошаемым между этими оазисами, пролетом.—Вопрос урегулирования водопользования на р. Теджен является теперь предметом особого внимания Туркменистана.

Дальше Теджена (за полосой песков) и параллельно ему течет берущая свое начало тоже в Афганистане река Мургаб с 2 левыми притоками—Кашан и Кушк. Бассейн Мургаба образует три оазиса—Пендинский (верхняя, в пределах Туркменистана, часть реки), Иолотанский (средняя) и Мервский (нижняя часть Мургаба). Эти оазисы тоже разделены неорошаемыми пролетами. Притоки Кушк и Кашан очень маловодны и летом почти высыхают: Кушк течет в пределах Туркменистана 100, а Кашан—60 верст.

Самый Мургаб течет в пределах Туркменистана 350 верст, причем в конце, как и р. Теджен, разбивается на много рукавов, которые теряются в песках пустыни в 40 верстах за полотном железной дороги. Ширина реки колеблется от 10 до 30 саж., а средняя глубина около 1½ аршин, причем есть места глубиной более 2 саженей. Ширина долины Мургаба от 100 до 300 саженей.

При своем сравнительном многоводии и удобных для вывода оросительных каналов берегах,—Мургаб орошает сравнительно же большую площадь: 5000 десятин в Пендинском оазисе, 14.500 в Иолотанском и 35.000 десятин в Мервском оазисе, т. е. всего орошается $54\frac{1}{2}$ тысячи десятин. Эта орошаемая площадь, несомненно, может быть тоже значительно расширена. Бассейны рек Теджена и Мургаба составляют собою Мервский округ.

Далее, опять же за промежуточной полосой песков почти в 200 верст ширины, протекает в направлении с юго-востока на северо-запад широкая, многоводная и прихотливая Аму-Дарья, орошающая культурные земли 3-х округов—Керкинского, Ленинско-Туркменского (Чарджуйского) и Ташаузского.

Аму-Дарья отличается слабыми, часто размываемыми берегами, легко и неожиданно образуемыми и размываемыми мелями, частой, в связи с этим, переменой удобных для судоходства проходов, очень илистой, полезной для орошения, водою и то запаздывающими то являющимися неожиданно весенними паводками. Ширина реки крайне разнообразна. То она суживается (пропорционально средней ширине) почти в теснины 130—180 саженьей, как, например, около Келифа, Керков и Дарган-Ата, то расширяется более чем на версту: Чарджуйский мост имеет $1\frac{1}{2}$ версты длины. Быстрота течения тоже разнообразна. Выше Ленинска (Чарджуя) уклон реки значительно больше и течение ее достигает 7 и, даже, 10 верст в час. Ниже Чарджуя уклон становится значительно положе, и отсюда река течет все медленнее и плавнее. За Дарган-Атинской тесниной течение реки не превышает 4 верст, а местами, особенно в низовьях, ослабевает до 3 верст в час. Силой течения более подмывается правый берег, который, к тому же, вообще слабее берега левого. В результате всего этого,—на всем протяжении от Келифа, и особенно от Керков, до Чарджуя правый берег заметно разрушается и не гарантирован от неожиданного отмыва целых площадей культурной земли в любом месте. Кроме того, в самых низовьях, Аму-Дарья имеет определенное стремление уклоняться вправо от своего современного русла. При этом надо отметить, что и современное в этих местах русло реки, само по себе, является результатом такого уклонения реки: в прежние времена Аму Дарья, в своих низовьях, протекала значительно левее. Лишь крупными гидротехническими сооружениями можно покорить своенравную реку и всецело обратить ее на пользу орошения.

В настоящее время, при условиях примитивных способов борьбы с своенравною рекою, последняя, наряду с приносимой пользой (орошение), приносит также много затруднений и бедствий.

По условиям местности,—не все побережье Аму-Дарьи является полосой культурной. Таковая, пройдя весь Керкинский округ и часть Ленинско-Туркменского, за Дейнау прерывается. Далее, верст 80, орошаемых земель нет до самого Дарган-Ата. Здесь сравнительно небольшая орошаемая площадь, а затем—опять идут земли не орошаемые вплоть до заселенных мест Ташаузского округа. Эти последние (в Ташаузском округе) имеют длины до 100 верст при форме эллипса, наибольшая ширина которого достигает 35 верст. Конечно, и эта площадь не вся орошена. Что касается Керкинского и особенно Ленинско-Туркменского округов, то ширина их культурной, фактически используемой полосы, весьма незначительна, а именно, в среднем, 3-4 версты.

По этим и по многим другим причинам, фактически доступную для орошения площадь, по современному состоянию, можно считать не более 60.000 десятин в Ташаузском округе, 44.000 в Ленинско-Туркменском и 25.000 десятин в Керкивском округе.

Это площади годные под посевы при наилучшем состоянии современной оросительной сети и при полном ее использовании. Что касается остальной, охватываемой ирригационной сетью, но не орошаемой ею, земли и земель вообще полезных, то площадь таковых можно по всем округам считать в несколько раз больше, чем площадь орошаемая.

В общей сложности Туркменистан обладает культурной, уже годной под посевы, хотя и не сполна орошаемой, площадью размером около 4000 кв. верст (400.000 десятин), но она, пока что, используется только наполовину. В ближайшее же время эту культурную площадь можно увеличить почти наполовину, а со временем, после сложных и длительных ирригационных работ,—можно увеличить и в несколько раз.

Совсем, повидимому, нельзя оросить лишь ныне существующие, вышеупомянутые, пустынные пролеты выше и ниже Дарган Ата на Аму-Дарье. Остальную культурную полосу Ленинско-Туркменского и Керкинского округов, можно только несколько расширить. Что касается всей вообще культурной полосы Туркменистана, то таковую можно значительно расширить. Вообще же, повидимому, можно достигнуть того, что по всему и Мургабу и Теджену будет идти полезная площадь, далеко вдаваясь в ныне существующие пустыни, а от Теджена пойдет такая же широкая полоса, без перерывов, по Агекскому, Ахальскому и т. д. оазисам (в огиб гор) вплоть до соединения с бассейном Атрека. Наконец, в Ташаузском округе полезную площадь можно расширить почти до линии, проходящей через южный берег Сары-Камышского озера.

Пока что, однако, об этом можно лишь мечтать в зависимости от того, как удастся справиться с современными недочетами оросительной сети.

При настоящем положении вещей всего засеивается около 200.000 дес., что составляет только лишь $\frac{1}{2}\%$ всей площади Туркменистана при наличии вообще годной для посевов (но не орошаемой) земли 2.500.000 дес. или 6% всей территории.

Г Л А В А X.

Система и состояние ирригационной сети.

Постановка и успех использования ирригационной сети зависят от многих причин. Основную роль, конечно, играют культурное развитие и техническая подготовка населения. Не мало зависит также от свойств рек и их берегов, от количества воды в этих реках, от почвы, от влияния господствующих ветров в связи с соседством песчаной пустыни и, наконец, от бытового уклада жизни населения.

Все эти условия, смотря по местностям, проявляют себя разнообразно, и лишь угроза пустыни, да отсталость населения всюду одинаковы.

В связи с устоями родового быта, — всюду замечается стремление к одной ирригационной системе, а именно делать магистральные отводы от реки по числу и местонахождению обитающих здесь главных родовых делений, а затем дробить их распределителями первой, второй, и т. д., степени на последующие родовые подразделения до отдельного аула включительно.

Наиболее типичным образцом этого, а также применения разных систем, является ирригационная сеть Мургаба. По условиям верхней его, протекающей в пределах Туркменистана, части (Пендинский оазис) имеется лишь одна плотина Бенд-и-Надир, служащая для подъема уровня воды, а оросительные каналы ведутся, каждый отдельно, по прямому своему назначению непосредственно из реки. В последующем, Иолотанском, оазисе картина несколько другая. Здесь, в 100 верстах ниже впадения притока Кушк, — Мургаб перегорожен главной плотинной „Казык-лы-Бенд“ и еще двумя плотинами вспомогательными, при помощи которых на левый берег сделан магистральный отводной канал, снабжающий водою весь Иолотанский оазис. Верст через 40 дальше вниз по течению, последовательно одна за другой, устроены две плотины Султан Бендская и Гиндукушская. Однако, эти плотины предназначены, главным образом, для орошения быв. царского Мургабского имения, а потому оборудование их является технически-показательным и, следовательно, к местному примитивному оборудованию отношения не имеет. Наиболее типичной, именно местной, системой представляется оросительная сеть низовьев Мургаба, охватывающая район г. Мерва и его оазиса. Для этого района, в 28 вер. выше гор. Мерва, — устроена Каушут-Хан-Бендская плотина, совершенно загораживающая реку и почти не пропускающая дальше воды. Отсюда отходят два магистральные канала. Каналы эти носят названия по наименованию двух главных родовых разветвлений „Отамыш“ и „Тохтамыш“ обитающих здесь туркмен рода „Теке“ или „текинцев“. Магистраль Отамыш отходит по левому, а „Тохтамыш“ по правому берегу реки. Кроме этих основных магистралей имеется еще несколько вспомогательных, причем на каждом берегу реки магистрали разводятся по распределителям (около 30 на каждом берегу), а от распределителей расходятся на каждом же берегу около 100 оросительных арыков. Этой системой еще не исчерпывается вся вода Мургаба. Через несколько верст почти сухого русла ниже Каушут-Хан-Бендской плотины, — вода опять начинает проникать в русло Мургаба, частью подземными выходами, а

частью вследствие просачивания из вышеочерченных отводных для орошения каналов. Количество этой воды постепенно увеличивается, и около гор. Мерва уже протекает в виде речки со слабым течением.

Ниже Мерва речка еще раз перегораживается плотиной, но это уже последнее усилие: речка разбивается на целый ряд мелких рукавов, которые постепенно иссякают в песках пустыни верстах в 40 за плотным железной дороги.

Ирригационная система Серахского и Тедженского оазисов, т. е. бассейна р. Теджена,—значительно проще, так как река эта обилием воды не отличается.

Что касается всего Полторацкого округа, то он вообще находится в исключительно скверных условиях. Все, ниспадающее с Копет-Дага, речки Атекского и Ахал-Текинского оазисов, как уже в своем месте сказано,—столь маловодны, что почти вся их вода быстро разбирается по пути небольшими отводными каналами на близь лежащие земли, а берега Атрека, по своему строению, не оставляют возможности широко развить сеть ирригации.

Иначе обстоит дело с бессейном Аму-Дарьи, но и здесь многое находится в зависимости от свойств и берегов реки: Керкинский и Ленинско-Туркменский округа, с одной стороны, а Ташаузский, с другой,—имеют свои отличительные особенности. Как в своем месте уже упомянуто, течение реки ниже Ленинска (Чарджуя) значительно слабее вообще, а от Питняка—особенно. Ниже Питняка же по левому берегу реки отходит целая система каналов. Вся эта водная сеть охватывает полосу от 70 до 90 верст ширины, образуя исторически известный и богатый Хивинский оазис. К Туркменистану относится только западная часть этого оазиса, т. е. северная и восточная части Ташаузского округа, лежащего на хвостах вышеупомянутых каналов левого берега Аму-Дарьи. Слабый уклон реки не позволяет здесь делать отводные каналы далеко на сторону, и эти древние каналы отходят от реки под небольшим углом и отличаются длиной, глубиной и шириной: некоторые из них столь значительны, что тянутся на несколько десятков верст и являются доступными для движения местного типа судов. Таким каналом, например, является Шах-Абад (Шават), на правом берегу которого расположен административный центр округа—гор. Ташауз. От главных каналов есть много разной величины ответвлений, но все они или незначительны по длине, или длинны, но отходят от магистралей тоже под небольшим углом, так как, вследствие упомянутого слабого уклона реки и местности,—далеко в сторону воду отвести нельзя. Между каналами остаются обширные не орошенные пространства, для посевов не годящиеся. Однако, пространства эти являются землями полезными, очень пригодными в качестве пастбищ. Здесь пастбищный вопрос облегчается еще тем обстоятельством, что во многих местах изливающаяся из каналов излишняя вода образует целую сеть мелких озер и болот (в юго-западной части орошаемого района есть озера и крупные)

Вообще воды здесь изобилие, но далеко не вся она находит себе надлежащее применение: перестройка водной сети в целях рационального водопользования—является насущным вопросом для Ташаузского округа.

Много воды также в Ленинско-Туркменском и Керкинском округах, но обстановка здесь совершенно другая. Быстрое течение реки систематически подмывает правый берег, размывая целые площади, а потому оседать здесь прочным хозяйством и обзаводиться обширной ирригационной сетью более менее рискованно. По этой причине центр исполь-

зования земли под посевы и устройство ирригационной сети относятся, главным образом, к берегу левому. Система оросительной сети заключается в ряде коротких (верст 10—12) магистралей с распадением их на такие же короткие распределители, расходящиеся мелкими арыками для непосредственного орошения земель, распределенных в родовом порядке.

Магистральные каналы обоих округов в общей сложности имеют протяжения около 500 верст, а их всевозможные разветвления более 4000 верст. При всем этом, такая громадная сеть отнюдь не удовлетворяет всей сравнительно узкой орошаемой по обоим берегам полосы: остаются вовсе не орошаемые пролеты, а в местностях орошенных наблюдается громадная скученность населения. Это зависит от свойств берегов, не всюду позволяющих делать отводные каналы.

Уже по самой величине ирригационной сети во всех округах можно судить о гигантском труде, затраченном на ее устройство и затрачиваемом на содержание ее в доступном населению порядке даже при самых лучших обстоятельствах. Однако, этой видимостью не исчерпывается житейская действительность. Дело в том, что надо упорно и неотступно бороться с песком во всех видах его наступления, надо оберегаться быстроты течения рек, надо каждый клочек земли отвоевывать неимоверными усилиями. Песок наступает со всех сторон: он надвигается вместе с движением самой пустыни, он наносится со стороны пустыни господствующими ветрами и, наконец, он наносится быстрым течением рек вообще и Аму-Дарьи особенно. Реки же, и главным образом—Аму-Дарья, по свойству своих вод, наносят и осаждают очень много ила. Мало того, течением рек портятся, а зачастую и совершенно сносятся во время половодья разные вспомогательные запруды и, даже, места вывода каналов из реки и основные плотины. Приходится без конца ремонтировать и чистить каналы. Чистка влечет за собою на ростание по бокам каналов более менее высоких валов, а эти последние мешают арычному распределению воды по полям. В результате всего этого развивается совершенно уже примитивный способ подема воды на поля и поливки последних. Это явление почти повсеместное, но более всего оно дает себя чувствовать на Аму-Дарье. Чем выше по течению в пределах Ташаузского, Ленинско-Туркменского и Керкинского округов, тем чаще и больше приходится прибегать к „чигирям“ (примитивные колеса), „нава“ (такие же примитивные рычаги), „машкаб“ (водоносные мешки из шкур) и к обыкновенным ведрам, чтобы вручную или при помощи силы какого-либо животного поднимать воду на значительную высоту и, через упомянутые валы, передавать на поля по сторонам каналов. Каких чудовищных размеров достигла эта неблагоприятная и мало полезная работа,—видно уже из того обстоятельства, что в одном Керкинском округе более 2000 чигирей, а „нова“ чуть ли не в 3 раза еще больше того. Такими примитивными средствами много не оросишь, но к ним необходимо прибегать, так как иначе воды не добудешь. Наряду с тем,—нельзя оставить и чистки каналов, так как они в таком случае скоро будут совершенно занесены. И вот, из года в год, производится упорная работа всем населением по чистке оросительной сети. На эту работу уходит еще более времени, чем на обработку и поливку полей, но остановить упадок ирригационной сети население, все-таки, не в состоянии. Ни времени, ни рук, ни уменья не хватает; поля еле-еле успевают поливать лишь несколько раз за все лето; боковые валы нарастают до очень большой высоты. Безостановочно движется песчаная пустыня и уже во многих местах (особенно в Керкинском округе) прорывается высокими барханами к самой реке. Тем легче заносятся песко-

каналы и арыки. Постепенно увеличивается угроза разрушения разных запруд и образования нерегулируемых разливов, а с тем вместе развода болот и лихорадки. Увеличивается угроза суживания культурной полосы, увеличения скученности населения отдельными группами и естественного уменьшения количества орошаемой земли, как для общей массы населения так и для каждого его члена отдельно.

Вообще, дехканин Туркменистана находятся в исключительно тяжелом положении, и в этом отношении может не завидовать разве только горному таджику, так же очень долго бывшему предоставленным самому себе в непосильной борьбе с суровой природой.

Правда, пользование водою, распределение воды и чистка арыков, как по шариату, так и по адату, должны быть строго общественными. Это раньше, в старину, так и было, но не так это повелось в разных местах за последние десятки лет. Разного рода злоупотребления встречаются вообще повсюду со времени вторжения в эту область „арык-аксакалов“ (официальные ирригационные представители бывшего Туркестанского генерал-губернаторства). От них же, в свою очередь, многому „хорошему“ научились и выборные от населения ирригаторы — „мирабы“, а благодаря сдаче местностей на откуп бекам и разным чиновникам эмировской Бухары оросительная сеть берегов Аму-Дарьи давно уже стала достоянием далеко не общественным. Отголоски всего этого не совсем изжиты еще и теперь, хотя постепенно и изживаются.

Местные „саркарства“ (небольшие общины для пользования известным участком канала и для его чистки) или еще маломощны или же совсем отсутствуют, а водопользование зависит от обстановки, от случайностей, от силы местных родового быта и характера особенностей и так далее.

Все это, конечно, очень тяжело отражается на дехканской бедноте. Положение осложняется еще и тем, что во время мировой войны, в период туземного восстания 1916 г. и на протяжении гражданской войны с такими этапами, как борьба с засильем белогвардейского вторжения на Асхабадском фронте, — население сильно разрешилось. Не мало трудового элемента погибло, но не мало его или эмигрировало с богатыми людьми в сопредельные страны или же обратилось к средствам легкой наживы от самого обыкновенного грабежа до пресловутого басмачества включительно.

Все это чрезвычайно важно, но главная суть дела, все-таки, не в этом. Корень зла и опасности заключается в том, что малокультурное и невооруженное техническими знаниями население не в состоянии бороться с грозными для него силами природы, которым постепенно шаг за шагом, и уступает пропитанные своим кровавым потом клочки земли. Это продолжается много веков подряд, и видоизменить результат этой непосильной борьбы может только резкая перемена в экономической обстановке и быстрая помощь культурных сил, имеющих средства для этой борьбы. Здесь должны быть применены все финансовые, обще-просветительные и узко-технические силы и средства ныне возродившегося Туркменистана. Борьба этих сил уже началась; ирригационные работы уже широко развиты всюду. Во всех округах уже много сделано. Уже дан отпор пустыне. Предположительно, что скоро получится увеличение орошаемой площади на 50% только лишь за счет улучшения, укрепления и частичного увеличения существующей оросительной сети с упорядочением вопроса рационального водопользования, не говоря даже о проектируемых новых сооружениях, к постройке которых частично уже приступили.

Возможные лучшие перспективы, как то уже отмечено в предыдущей главе, этим не исчерпываются, но загадывать о них теперь несвоевременно. Надлежит, однако, отметить, что почва здесь, даже в песках, очень чувствительная к восприятию влияния малейшего появления оросительных вод. Доказательством тому служат и „такыры“, не только на границе Кара-Кума, но даже среди моря его песков, и известный наплыв с гор в 1902 году громадной массы силевых вод. Этот силь покрыв водою всю низменную местность по линии Мерв-Теджен (более 100 верст) при большой ширине по обе стороны полотна железной дороги: многие места на этой площади, после спада воды, были засеяны, и результаты получились отличные. Этот же силь наводит на размышление в том направлении, что это был не единственный застой воды в горах. Силевые застои для гор вещь обычная, и образуются они разными путями от простого стока во впадины талых вод до запруды при землетрясениях и пр. речек и целых рек. Недавним примером этого является закупорка в 1911 году „Бартанга“,—громадного притока в верховьях Аму-Дарьи,—и образование таким образом Сарезского озера, существующего и поныне.

Такие водохранилища, при соответствующих условиях, всегда могут быть использованы для орошения подлежащей долины. Вполне возможно, что нечто подобное имеется и в горах Копет-Дага. Это тем вероятнее, чем чаще встречаются остатки прежней богатой растительности в его ущельях, как показатели того, что раньше по этим ущельям протекало воды не мало.

ГЛАВА XI.

Пути сообщения.

Прежде всего, для Туркменистана открыты пути по Каспийскому морю при наличии таких пунктов, как—Красноводск, Чикишляр и Гасан-Кули.

Правда, фактическим портом является только Красноводск, а Чикишляр и Гасан-Кули оставляют желать много лучшего ввиду мелководия у их берегов. Мало того, значение всех этих пунктов вообще ничтожно со времени проведения Ташкент-Оренбургской железной дороги, но возрождение этого значения тесно связано с экономическим развитием Туркменистана и с возростанием, сообразно тому, значения пролегающей по краю части Средне-Азиатской железной дороги. Дорога эта от Красноводска идет по над цепью гор, оставляя их по левую сторону железно-дорожного полотна на всем протяжении до конца Больших Балханов. Здесь, пользуясь незначительностью начальных увалов Балханов Малых, железная дорога преодолевает эти увалы и переходит на другую сторону гор, которые, таким образом, в дальнейшем идут уже по правую сторону железно-дорожного полотна. Идя все время вдоль гор, железная дорога пересекает вдоль, по границе с пустыней, весь Ахал-Текинский и Атекский оазисы. Лишь у станции Душак она отделяется от гор и круто поворачивается на северо-восток к гор. Ленинску (Чарджуй), пересекая по пути низовья рек Теджена и Мургаба, а также и прилегающие к ним участки пустыни. Конечной точкой железной дороги на территории Туркменистана является станция Фараб (на правом берегу Аму Дарьи), причем линия жел. дор. проходит через известный своей длиной мост (1½ версты). Общее протяжение жел. дороги от Красноводска до Фараба почти 1077 верст. Дальнейшее ее протяжение относится уже к Узбекистану.

От описанной основной линии,—у станции Мерв,—вверх по Мургабу, отходит ответвление, почти в 294 версты, до Кушки. Кроме того, от правого берега Аму-Дарьи, против Керков, на север, в Узбекистан идет особая ветка, пролегающая по Туркменистану на протяжении около 50 верст. Таким образом,—в пределах Туркменистана имеется всего 1420 верст железно-дорожного пути.

В качестве речного пути сообщения и транспорта может служить и служит только Аму-Дарья, с ее типичными плоскодонными пароходами и своеобразными „каюками“ и „кимэ“, т. е. лодками, поднимающими 1000 и более пудов груза. Лодки эти по течению идут обыкновенно наплывом, а против течения лямкой, причем вообще очень „боятся“ мелей и всякого волнения на реке.

Что касается обыкновенных дорог, то таковых вообще много и выючных (по горам), и грунтовых, и, отчасти, шоссированных. Главное место занимают—караванные пути, пересекающие страну по всем направлениям и соединяющие ее с дельтой Аму-Дарьи, с Афганистаном и с Персией. При пересечении Аму-Дарьи для таких дорог имеются постоянные каючные переправы, а при переходе государственной границы—таможни. Понятие „грунтовых“ дорог, конечно, к пустыне Кара-Кума не относится: здесь следов дорог вообще не видно, ибо все заносится

песком, а любая „дорога“ и узлы таких дорог обуславливаются лишь точным знанием наиболее удобного места прохождения от одного колодца к другому.

Колодцы эти бывают разной глубины, а в зависимости от того имеют и разные нарицательные наименования, как например: колодцы до 2-х саженьей глубины называются—„урпа“, от 2-х до 4-х саженьей глубины—„кудук“, а глубже 4-х саженьей—„чинграу“.

Кроме колодцев, иногда попадаются родники, есть изредка маленькие озера, „хаки“, т. е. лужи среди барханов, образуемые дождем; есть застои дождевой воды в низинах русла Узбоя и т. д. Все это учитывается при движении через пустыню. Весь вопрос в том, насколько вода годна для питья.

Как бы то ни было, пустыня не является мертвой: в ней кое как прокармливаются стада кочевников, по ней идут караваны.—Главнейшие „дороги“ через пустыню следующие:

От Красноводска отходит караванная дорога на Куня-Ургенч протяжением 605 верст при 18 попутных колодцах (из них пресных только 8).—С 45-ой версты этой дороги отходит, идет параллельно и вновь выходит на нее на 400-ой версте другая дорога с 1-м родником и 17-ю колодцами, из коих 15 пресных. Есть дорога в тот же Куня-Ургенч от станции Бала-Ишем: 24 колодца, из коих половина с пресной, а другая половина с соленой, но годной для питья, водой.—От Кизыл-Арвата идет, протяжением более 600 верст, дорога в Хиву с 2-мя родниками и 11 колодцами, из которых только один горько-соленый.

Из Мерва идет такого же характера дорога к Питняку, имея по пути 9 колодцев, а приблизительно от середины ее (колодезь Мурзе) отходит дорога в Теджен. С Мургаба (местность Сарь-Язы) идет дорога к верховьям Теджена (в Персии) через 4 колодца. Такие же дороги ведут из Мервского округа в Керкинский, от полотна железной дороги—к Атреку по Полторацкому округу и т. д. Вообще дорог через пустыню или ее ответвления, от колодца к колодцу,—очень много.

Колодезь дает возможность преодолеть пустыню, позволяет кочевнику использовать ее подножные корма. Поэтому и на колодцы теперь обращено самое серьезное внимание: многие из них уже отремонтированы заново; вырыто много новых колодцев, и предполагается широко развить такую (по ремонту и рытью колодцев) работу, причем оборудование таких новых и ремонтируемых колодцев проводится применительно к требованиям современной техники.

Сеть колодцев развивается не только в пустыне или на окраинах ее, но и во всех местностях, где мало проточной питьевой воды.

Г Л А В А XII.

Ископаемые богатства.

В этом отношении край еще мало обследован, но, несомненно, сулит богатые перспективы, так как даже при упомянутом слабом обследовании, выявляет довольно значительные богатства.

Не считая соленых озер, отличная поваренная соль, в виде мощных надпочвенных и не глубоко лежащих подпочвенных залежей, находится около станций Бала-Ишем, по дну Узбоя, в Малых Балханах, на острове Челекен и в районе Келифа.

Около того же Келифа, а также в песках, в 250 верстах к северу от Полторацка (район колодцев „Шиих“), имеется месторождение серы. Каменный уголь замечается во многих местах, но особо мощные его пласты обнаружены в 55 верстах к востоку от Красноводска. В центральной части Кара-Бугазского залива месторождение глауберовой соли, а остров Челекен и Малые Балханы изобилуют озокеритом (горный воск). Есть озокерит также и около „Нефте-Дага“ (нефтяная гора), в 32 верстах к юго-западу от станции Бала-Ишем. Наконец, самое название „Нефте-Даг“ показывает, что гора эта изобилует нефтью. Есть также нефть в окрестностях Чикишляра, в Малых Балханах и, особенно, на острове Челекен.

Делая сводку вышеочерченного по местностям, видим, что ископаемые богатства распределены так:

Около Келифа — поваренная соль и сера.

Около колодцев „Шиих“ — сера.

В Малых Балханах — нефть, озокерит и поваренная соль.

По Узбою — поваренная соль.

В окрестностях ст. Бала-Ишем — поваренная соль, нефть, озокерит.

В окрестностях Красноводска — каменный уголь.

Около Чикишляра — нефть.

На острове Челекен — нефть, озокерит и поваренная соль, и, наконец, в Кара-Бугазском заливе — глауберова соль.

О „солодовом корне“ по Аму-Дарье и особенно на ее островах в Ленинском округе — уже упоминалось.

Кроме того, еще не исследованные горы Керкинского округа, по мнению населения, изобилуют разными ископаемыми богатствами.

Что касается минеральных источников и грязей, то таковых тоже не мало. Так например, горячие соляные источники имеются во многих местах Малых Балханов, но, за отдаленностью, они не эксплуатируются. Самая морская вода Каспия целебна, причем сезон лечебного купанья и грязепользования приурочивается обыкновенно к маю месяцу: такими купаньями и минеральными грязями известны и Красноводск и Чикишляр.

Целебными же (от ревматизма, накожных заболеваний и даже нервных) считаются сернистые, иодистые и другие горячие источники в районе станции Бахарден и около станции Арчман. Не менее целебны соляные воды и грязи в Молла-Кара (около станции Джебел): Молла-Кара является оборудованным курортом, Арчман начинает оборудываться тоже в качестве курорта.

Рыбный промысел и охота. Животный мир.

Из рек Туркменистана только Аму-Дарья могла бы занять более менее видное место в деле рыбного промысла, но береговое ее население этим вопросом не интересуется. Другое дело—побережье Каспийского моря и принадлежащие Туркменистану острова последнего: здесь рыболовство всегда являлось основным занятием вообще, а на Челекене, в районе Красноводска и в районе Гасан-Кули особенно. Здесь население ловлей рыбы занимается специально. Рыбные промысла всегда были поставлены широко, хотя и не образцово. Одно время промысла пришли было в упадок, но теперь они на пути к возрождению. Ловится рыба, делается икра, вытапливается рыбий жир и рыбий клей.

Самая ловля рыбы производится отчасти острогой, а главным образом—сетями разных систем и способов закидки и установки. Рыбачьи лодки настолько велики и прочны (поднимают до 1800 пудов груза), что могут заниматься морским транспортом, нередко переправляются в Баку и ходят вдоль берега (из Красноводска и с Челекена) в Персию. Главную роль в рыбном промысле всегда играли осетер, белуга, белорыбца, севрюга и сельдь.

Что касается пернатого и животного мира, то он всюду чрезвычайно разнообразен, но охотой мало кто специально занимается. Она только местами является или подспорным занятием или же занятием необходимым лишь в размерах охраны стад от хищного зверя. В этих целях туркмены разводят отличную породу борзых собак, называемых „тазы“, встречающуюся также в горах Дарваза, в Таджикистане.

Берег Каспия изобилует утками, гусями и лебедями. В степи и в пустыне есть антилопы, дрофы, стрепеты и волки. В горах много зайцев, куниц, горных козлов и джейранов (род антилопов), горных баранов, волков, барсов и даже медведей. Из птиц в горах водятся рябчики и кеклики (горные куропатки). Наконец, в нижних частях горных ущелий, а также и в предгорной полосе вообще, и в Геок-Тепинском районе особенно, очень много не только кекликов и рябчиков, но также фазанов и, местами, кабанов. Много кабанов и в Ташаузском округе.

Основные занятия населения.

Основными факторами, от которых зависят основные же занятия населения Туркестана вообще, являются прежде всего двигатели экономического характера. Эти последние зависят, в свою очередь, от природных условий страны, от приспособленности населения использовать эти условия и от стадии развития населения по пути перехода кочевника к оседлому образу жизни. Та же самая картина наблюдается и в Туркменистане: коренной его житель-кочевник, из века в век,—постепенно оседает на землю и приспосабливается к использованию ее благ в зависимости от условий природы и обстановки. Таким образом, жители побережья Каспийского моря и островов последнего в основу своих занятий кладут рыбный промысел, уже очерченный в предыдущей главе.

Пустынно-степные пространства между берегом Каспия, Атреком и цепью идущих от Красноводска до Копет-Дагского хребта гор составляют возможность заниматься исключительно лишь скотоводством в порядке кочевой жизни, т. к. земледелием можно заняться (и занимаются) только на самом Атреке, да и то в ограниченных размерах.

Орошаемая часть Ташаузского округа представляется площадью, полезной для земледельца, но имеет свои отличительные черты: благодаря слабому уклону реки (Аму-Дарьи) и самой местности, а вместе с тем и слабому напору воды в ирригационной сети,—скученность поселений здесь незначительная, и преобладает вид хуторского хозяйства, а недостижимые для орошения пространства между хуторами и между самыми каналами утилизируются для скотоводства этих хуторов.

Специально скотоводством здесь занимается только незначительная часть населения неорошаемой каналами части округа, т. е. юго-западной окраины оазиса с ее многочисленными озерами и простирающимися за нею песками с их невидимыми для постороннего глаза такырами. Крупный рогатый скот и лошади разводятся, главным образом, в районе орошаемом, а мелкий и верблюды — в песках. В результате всего этого Ташаузский округ является районом скотоводо-земледельческим, причем первенствующая роль, в общей сложности, остается за земледелием.

В Керкинском округе, наоборот,—наряду с земледелием,—главнейшим нервом сельского хозяйства является именно скотоводство.

Скотоводству здесь благоприятствуют обширные степные участки в непосредственной близости левого берега реки и многочисленные разной величины такыры среди лабиринтов барханов юго-восточной окраины песков Кара-Кума. Что касается посевной площади округа, то она сравнительно незначительна, и одними посевами население просуществовать не может.

Ленинско-Туркменский округ представляет собою другую картину: здесь для скотоводства, да и то совместно с земледелием, отводится только правый берег реки, а население левого берега (92% всего округа) занимается исключительно земледелием.

В остальных местностях Туркменистана основным занятием населения всюду является земледелие, а скотоводство — подспорьем в той или другой степени. Чисто — скотоводческие районы здесь сравнительно незначительны.

Такова общая картина. Из нее мы видим, что, за исключением сравнительно небольшого кочевого района, на всем остальном пространстве Туркменистана население оседлое, занимающееся земледелием и скотоводством, беря то или другое за основу своих занятий в зависимости от обстановки. Однако, те районы, которые, помимо земледелия, занимаются в широких размерах и скотоводством, нельзя назвать оседлыми в полном значении этого слова: их скорее можно именовать полуоседлыми. Дело в том, что большие стада невозможно прокормить весь год вблизи орошаемой полосы, а потому используются дальние пастбища, на которые занимающийся скотоводством оседлый житель ежегодно уходит в соответствующее время кочевым порядком.

Обращаясь к более детальному рассмотрению основных занятий по земледелию и скотоводству, видим, что в этом направлении, смотря по местности, имеются свои отличительные черты. Всякий земледелец вообще и по необходимости должен иметь для домашнего обихода хоть несколько голов разного скота: этот последний ему нужен и для узко-полевых работ, и для питания, и для кустарной выделки необходимейших предметов, тканей на одежду и шкур на обувь, и для работы домашних мукомолок и т. п. и, наконец, для передвижения к базарным центрам, к летовкам и обратно.

Самое скотоводство в расширенных размерах сводится в основных чертах к овцеводству, верблюдоводству и коневодству. Но ишаки, козы и крупный рогатый скот занимают тоже не последнее место, причем большие скотоводческие хозяйства достигают нескольких тысяч голов разного скота. Необходимость в верблюде, этом „корабле пустыни“, сама по себе понятна. Та же пустыня и вековечно тревожная в ней жизнь туркмен способствовали разведению специальной породы туркменских коней, быстрых и выносливых, для которых проскакать 60-70 и, даже, больше верст не редкость. Кони эти имеют большой процент крови лошадей арабских и делятся на 2 вида: текинские (высокие с длинной шеей) и ибмудские (более низкорослые, более пропорционального сложения). Обе породы одинаково выносливые, но текинская порода более изнежена и привыкшая к тщательному укрыванию попонами, длительному выстаиванию на приколах и т. д. Порода эта разводится во всех районах текинцев. Что касается лошадей иомудских, то главным образом они разводятся на Атреке, а частично и в Ташаузском округе.

В отношении овцеводства и среди его выделяются овцы каракулевые и специальная персидская порода белых овец с длинной тонко-волнистой шерстью, причем шкурки тех или других являются очень ценными. Персидская овца разводится в Серахском оазисе, а каракулевая — в Пендинском оазисе, в Ташаузском округе и, особенно, в округе Керкинском, где вывоз каракулевых шкурок всегда достигал очень крупных размеров. Из породы коз известна порода Ангурская, но она всегда разводилась не коренным населением, а в русских поселках вообще и около Бахардена особенно.

Земледелие обыкновенно сводилось и сводится к посевам джугары, пшеницы, кунджута, маша, проса и люцерны плюс бахчеводство, садоводство и хлопководство. Джугара, пшеница и пр. (кроме хлопка) имеют лишь местное, туркменистанское, значение. Садоводство, главным образом, базируется на виноград, бахчеводство — на дыни. Огородничество в полном значении этого слова есть лишь в пригородах больших городов и в русских поселках. Внимание к фруктовым деревьям вообще стало развиваться сравнительно недавно. Лучшими садами известны Атекский и Казанджикский оазисы. В других оазисах фруктовых деревьев меньше, но везде привыкли любовно выращивать тал, тополь и тут. Последний

тесно связан с шелководством, которое ведется в крае с незапамятных времен, в свое время было широко поставлено, а теперь является занятием вообще подсобным, причем широкими размерами и постановкой не отличается.

Главным образом, было развито шелководство в Керкинском округе. За последнее время оно пало особенно заметно, однако ничто не мешает снова его возродить. В этом направлении уже предприняты реальные шаги: в Фирюзе устроено и развивается специальное гренажное заведение.

В состоянии упадка, но с полной возможностью возрождения, находится и основа надежд туркменистанского земледелия в будущем—хлопководство. Оно тем важнее, что, по климатическим и почвенным условиям Туркменистана, здесь можно успешно разводить самые ценные сорта хлопка. Таковые сорта до сей поры еще не разводились, и постановка дела вообще никогда не была блистательной, но в одном лишь Керкинском районе засевалось под хлопок до 30 % всей орошаемой земли. Другим центром хлопководства всегда являлся район Геок-Тепе. Много хлопка сеялось в низовьях Мургаба (Мервский оазис), изрядное количество в Ташаузском округе и Атрекском оазисе и отчасти—по всему течению р. Теджена.

Таким образом, видим, что хлопок можно сеять повсюду в культурной полосе, но центрами хлопководства можно назвать лишь места, непосредственно находящиеся около железной дороги или Аму-Дарьи, т. е. такие места, откуда вывоз хлопка не является затруднительным.

Ясно, что культивирование ценных сортов хлопка, расширение его районов и рациональная постановка дела в широчайшем масштабе признаны неотложно-очередной и спешной задачей края на пути его экономического развития.

Вопрос землеводопользования для оседлого населения, а для кочевника—вопрос пользования пастбищами, путями передвижения к ним и по ним, а также колодцами, всегда имел и будет иметь особо острое значение в жизни коренного населения. К сожалению, вопросы эти не были до сей поры налажены. Наоборот, они всюду развились и обострились по разному и своеобразно, в зависимости, главным образом, от основ родового быта и специфических особенностей государственного устройства прежних Хивы, Бухары и Туркестанского генерал-губернаторства. Тем скорее и внимательнее теперь подходит Туркменистан к полной ликвидации таких недочетов, и к созданию единого кодекса соответствующих законов, одинаково удовлетворяющих общие основные запросы и регулирующих местные особенности и т. д.

К числу неотложных же задач в области помощи земледельцу относится вооруженная всеми завоеваниями техники борьба с полевыми вредителями—сусликами, и, особенно,—с саранчей, причиняющими громадный ущерб посевам. Примитивные способы и слабые силы населения сами по себе, естественно, в данной борьбе столь же маломощны, как и в борьбе с песком пустыни и рек.

Кустарничество вообще является лишь подсобным занятием, а в местах очень захолустных—и прямою необходимостью каждой отдельной семьи, которая должна одеть—обуть сама себя и приготовить все необходимые для того материалы. С развитием фабричной мануфактуры и проведением железных дорог,—всякое кустарное (для про ажи) производство вообще, по местностям, пало в большей или меньшей степени. Однако, для обслуживания небольших местных районов, во многих местах вырабатывают бязь, полосатые хлопковые ткани, плохую кисею, гончарные изделия и, даже, чесунчу и шелковые платки. Последними дву-

мя изделиями наиболее известен Халачский район Керкинского округа. В этом же округе, в районе гор. Керков, развита выделка деревянных остовов для юрт. Первобытные маслобойни, мыловарки, шерстомойки, мукомольни, примитивная выделка шкур и выделка туземных сладостей, конечно, имеются повсюду, и тем больше таких кустарей, чем меньше по своей примитивности могут вырабатывать их аппараты. Вырабатываются и отличаются хорошим качеством такие предметы из шерсти, как кошмы, капы (мешки) и арканы. Занимаются этим, главным образом, в кочевых районах, а вообще—в местностях, где широко поставлено скотоводство. Здесь же, и особенно в Ташаузе, выделяют овчины с длинной шерстью для национальных туркменских шапок.

Независимо от этого, в сущности, невидного кустарничанья и наряду с ним, изстари ведется кустарная же выделка хороших паласов и знаменитых своими прочными красками, короткой стрижкой, отсутствием узлов на нитке и художественными старинными рисунками туркменских ковров. Лучшие паласы выделяются в Ходжамбазском районе Керкинского округа.

Что касается ковров, то этот вопрос сложнее и разнообразнее.—Прежде всего имеет значение рисунок, являющийся принадлежностью того или другого из туркменских родов.—Лучшими рисунками считаются салорские, а потом—вообще ахалтекинские, эрсаринские и иомудские. Относительно достоинства ковров по их выделке—последовательность несколько другая: лучшей считается работа племени сарыков Пендинского оазиса, а за нею—работа текинцев Ахалского и Мервского оазисов; третье место занимает работа эрсаринцев в Керкинском и Келифском районах, Керкинского округа, причем центром коврового производства здесь является сел. Кизыл-Аяк. Далее следует выделка ковров иомудами при-Каспия и, отчасти, Ташаузского округа, и наконец, работа племен Чаудор в том же Ташаузском округе.

Все эти ковры вообще великолепны, и разница между ними чувствительна лишь для тонких ценителей. К сожалению, за последние 1½—2 десятка лет и ковровое производство стало заметно ослабевать. Замечается наклонность, с одной стороны, к уменьшению достоинства самой работы, а с другой стороны—к неуместному подражанию персидским и даже европейским рисункам. Несомненно,—надо пресечь эти пагубные течения, влекущие за собою утрату действительно художественной красоты работ и рисунков туркменской исторической старины.

Города и селения городского типа, конечно, находятся в полной зависимости от экономического состояния кишлака и аула: с одной стороны они стремятся удовлетворять кишлак и аул всем необходимым, а с другой стороны—реализировать все получаемое оттуда. Однако, как видно из вышеочерченного, количество орошаемых земель за последние года уменьшается, ирригационная система заметно „изнашивается“, а продукция сельского хозяйства не менее заметно уменьшается.

Наряду с тем, уменьшились торговля и заводская промышленность городов вообще. Торговля, конечно, относится к шерсти, салу, шкурам, волосу, коврам, хлопку и вообще к разным продуктам перечисленного выше кустарного производства, скотоводства и земледелия.

Городская заводская промышленность сводится главным образом к хлопко-очистительным заводам: таковые имеются во всех хлопковых районах, а главным образом—в Полторацке, Бахардене, Керках и Ташаузе. Из кожевенных заводов лучшие находятся в Полторацке и Ленинске. В Ленинске есть специальный завод для обработки солодкового корня и цементный завод; там же и механическая мельница. Есть механическая мельница и в Полторацке. Вообще наибольшее число раз-

ных заводов сосредоточено именно в Полторацке, где, кроме перечисленного, находятся еще заводы—стекольный, чугунно-литейный (еще не на ходу) и винодельный.

Причины заметного упадка земледелия, скотоводства, кустарничества, торговли и заводской промышленности в значительной мере, конечно, зависят от переживаний страны за последние годы империалистической и гражданской войны со всеми вытекающими из того последствиями. Однако, — это не главная причина упадка. Главная причина заключается в том, что население малокультурно и не в силах было бороться со стихийными нападениями песков и саранчи, в том, что население это находилось на далекой окраине, и, наконец, в том, что здесь не было настоящего „хозяина“.

Теперь хозяин об'явился: это—сам народ Туркменистана. Сам народ взял в свои руки власть и заботу о самом себе, отчетливо осознал свои нужды и не менее отчетливо выявил на I Всетуркменском Съезде Советов те пути, которые в кратчайший срок приведут страну к возрождению.

Богатств в крае много, лишь надо уметь за них взяться. Надо побольше места главной ценности—хлопку. Надо увеличить орошаемую площадь всеми доступными способами: и фундаментальной чисткой каналов, и предохранением последних от утечки из них воды—(просачивание в дно и боковые стенки), и проведением каналов новых, и рациональным распределением наличной воды. Надо развить и поднять кооперацию, чтобы дехканин мог по соответствующей цене достать все от предметов первой личной необходимости до усовершенствованных земледельческих и канало-очистительных орудий включительно, легко сбывая в то же время сырье и продукты своей выработки. Надо, наконец, охранить здоровье народа, надо двинуть вперед его просвещение, надо помочь ему осознать свое обще-государственное единство, чуждое племенных и национальных недоразумений.

Так постановил I Съезд Советов: в этом направлении уже началась и развивается спешная и успешная работа.

— Знания и техника всюду идут навстречу нуждам коренного населения во всех видах и по всем отраслям: все шире и шире развивается сеть культурно-просветительная и здравоохранения; мелиорация и кооперация развиваются не менее успешно; Кредсельсоюз делает свое дело; ведутся громадные работы ирригационного характера; начата устройством и быстро развивается сеть показательных земельных участков, агрономических и прокато-машинных пунктов; выписываются разные породы племенного крупного и мелкого рогатого скота, а также племенных рабочих лошадей; улучшается культура хлопка, проводится раскрепощающая бедняка земельно-водная реформа и т. д.

Дело помощи населению, вообще, уже широко развернуто, и результаты этого уже сказываются.

Г Л А В А XV.

Численность, национальный состав и общее размещение населения современного Туркменистана.

Всеобщая точная перепись населения Туркменской С. С. Республики может быть осуществлена не ранее начала или середины 1927 года, а до той поры приходится ограничиться цифрами приблизительными, опирающимися на ориентировочные данные к моменту национального размежевания Средне-Азиатских республик, работы по райнированию Туркменистана и отдельные работы туркменского Центр. - Статистического Управления на протяжении 1925 года, по каковым источникам тоже Центральное Статистическое Управление и сделало общие выводы на 1926 г.

По этим данным *общая численность учтенного по округам населения выражается в цифре 844500 человек*, причем наиболее многолюдным (254.600 человек) является Мервский округ. — Остальные округа, — в смысле численности населения, следуют друг за другом в таком порядке: Полторацкий (211.300 чел.), Ленинский (146.400), Ташаузский (122.500), и Керкинский (109.700 чел.).

Кроме того, сверх учтенного по вышеизложенному населения округов, — *в песках, вне границ постоянного жительства или вполне определившихся кочевий населения тех же округов, — числится еще 89.270 человек.*

Таким образом, в Туркменской Республике, — всего навсего, — насчитывается 933.770 чел. населения.

Из этого общего (933 770) количества, — около 112.440 чел. относятся к перечисленным уже в главе 3-й городам, поселениям городского типа, промыслам и фабрично-заводским селениям, около 3500 ч. — к упомянутым в той же главе европейским поселкам и 3350 человек — живут в полосе отчуждения вдоль линии железной дороги.

Следовательно, — *к поселениям местного сельского типа и к кочевьям (кишлэк, постоянный аул, кочевой аул) относятся остальные 814.480 ч. которые, по округам, распределяются таким образом: Мервский — 225460, Полторацкий — 144400, Ленинский — 130800, Ташаузский — 119850 и Керкинский — 104700, и, наконец, без причисления к округам в песках — 89270 человек.*

Упомянутое выше население полосы отчуждения вдоль линии железной дороги состоит, главным образом, из русских (2400 ч.) и отчасти (480 ч.) из персов — при наличии только 74 чел. туркмен. — Остальное здешнее население составляют, небольшими вкрапинами по несколько человек, даже — одиночками, — армяне, грузины, мордвины, немцы, татары, узбеки, поляки и литовцы, из каковых всех групп, следовательно, — *составляется только 396 человек.*

Отдельные европейские поселки (общая численность населения 3500 человек) заселены русскими, русскими-молочанами, украинцами и немцами. Население здесь не смешанное: тот или иной поселок занят молочанами или определенной национальной группой. Поселки эти сосредото-

точены в 2-х округах: по Полторацкому округу, главным образом,—в Полторацком, и отчасти в Гинсбургском и Кизыл-Арватском районах, а по Мервскому округу в Пендинском и Байрам-Алийском районах.

Что касается населения промыслов, фабрично-заводских поселков, поселений горбдского типа и, особенно, городов, то здесь наблюдается чрезвычайное разнообразие национальностей. Главную массу здесь составляют русские (около 40000 ч.), персы (21000), армяне (18000), узбеки (10000), туркмены (8000), татары (3000) и евреи (около 2000 ч.), как туркестанские так и персидские и европейские.

Остальные 12440 человек населения городов и поселений городского типа состоят из немцев, чехов, поляков, мордвин, латвийцев, литовцев, греков, грузин, осетин, лезгин, афганцев, курдов, турков, арабов, берберийцев (выходцы из Персии), кара-киргизов, казаков, таранчей, каковые национальности насчитываются в общей сложности только сотнями человек, и среди каковых, в свою очередь, насчитываются только десятками, а то и единицами,—таджики, кара-калпаки, дагестанцы, чеченцы, болгары, румыны, черногорцы, сербы, мадьяры, молдоване, эстонцы, французы, итальянцы, финны, кореллы, чуваш, башкиры и китайцы.

Относительно размещения перечисленных народностей в городах и поселениях городского типа по округам надлежит отметить имеющиеся оригинальные особенности, а именно: в городе Ташаузе (да и вообще во всем Ташаузском округе) пришлого населения, если не считать служащих отделов госаппарата,—вовсе почти не имеется: в гор. Ташаузе, например, только 130 ч. русских и по несколько человек персов, татар, каракалпаков и киргиз; в районах—еще того меньше. Главная масса населения в районных центрах, смотря по местностям, состоит или из туркмен или из узбеков. В гор. Ташаузе преобладают узбеки.

В Керкинском и Ленинском округах пришлое население сосредоточено только в сравнительно небольших окружных городах и в ближайших их окрестностях, т. е. такого населения в этих округах тоже мало. В остальных округах такое население размещено по всем городам и поселениям городского типа, но все-таки, тяготеет к окружным центрам (Полторацк, Мерв). Вообще,—главная масса национальных разнообразий в городах, поселениях городского типа и проч. относятся именно к Полторацкому и Мервскому округам, причем болгары, румыны, чеченцы, чехи, финны, кореллы, китайцы и башкиры встречаются (одиночки) только в Полторацком, а дагестанцы, черногорцы, итальянцы, таджики и арабы—только в Мервском округе.—Все остальные из вышеперечисленных национальностей встречаются в городах и поселениях городского типа обоих (Мервский и Полторацкий) округов.

Обращаясь к сельскому населению поселений местного типа (кишлак, аул), какового населения, как сказано выше, насчитывается 814480 человек, видим, что часть этого населения относится тоже к разным национальным меньшинствам, а именно:

1) *Таранчи* (2 поселка, всего—1290 чел.) и выходцы из Кашгарии (кашгарцы 1 поселок—200 чел.) живут в Байрам-Алийском районе.

2) *Джемшиды* (персидские выходцы) всего 1500 человек, три поселка, в Мервском же округе.

3) *Ирани* (персы) всего 1980 человек: 890 человек (4 поселка) в Гинсбургском районе Полторацкого округа, 1020 ч. в Мервском округе и 70 ч.—в Ленинском округе.

4) *Берберы* (350 ч.,—выходцы из Персии)—в Мервском округе.

5) *Курды* (270 человек)—в Полторацком округе, вдоль персидской границы.

Курды—это бывшие охранители границы со стороны Персии.—В свое время, в XVI или XVII веке, персидское правительство, в целях именно охраны границы, переселило из Курдистана воинственные курдские племена и расселило их вдоль северной окраины Хоросана, т. е. по персидско-туркменской границе, где они и обосновались на постоянное жительство.

Со временем, когда границы были оформлены официальными договорами,—значение курдов, как пограничников, умалилось, и часть их перешла на нашу территорию, обосновываясь вблизи же границы (напр. аул Багир и др.).

6) *Белуджи* 800 человек в Байрам-Алийском районе и несколько отдельных групп (1400 человек) около Серахса и Теджена.

Белуджи представляют из себя очень оригинальную группу. Само наименование их показывает, что они выходцы из Белуджистана, расположенного по ту сторону (южнее) Афганистана на крайнем юго-востоке Иранского плоскогорья (на берегу Персидского моря) и известного, как государство, с 1739 года.

Белуджистанцы составляют главную массу населения своего государства и делятся на 3 главных племенных группы: Белуджи, Брахои и Ламри. Белуджская племенная группа делится на 3 части: Гарудс или Неруи (7 племен), Ринд (25 племен) и Микеи (16 племен), а каждое племя делится на „кхели“ (родовые мелкие общины), состоящие из 4—5 кибиток. Эти мелкие и подвижные „кхели“ всецело управляются своим родовым вождем (Сердаром) и ведут пастушско-разбойничий образ жизни. Туркменистанские белуджи, в сущности, того же пошиба, хотя и стеснены здесь в своих действиях родовых привычек (грабеж и кровавая месть). Находятся они здесь со времени постройки и оборудования Мургабского имения (1882—1895 гг.), живут обособленно и говорят на своем особом (родственном персидскому) языке. К какому именно роду принадлежат эти (здешние) белуджи, в настоящее время еще не выяснено.

7) *Кара-гиргизы* (аборигены для Джетысу, но пришлые в Туркменистане) в количестве всего навсего около 400 человек,—разбросаны маленькими группами в Полторацком, Кизыл-Арватском, Красноводском, Тедженском и Мервском районах.

8) Более значительную национальную группу составляют „казаки“ (киргиз-казаки). Общая их численность 6400 ч. Из этого числа 50 ч. относятся к ближайшим окрестностям Ленинска, 260 ч.—к Дарганатинскому району Ленинского округа, 343 человека—к Ташаузскому округу (Куны-Ургенчский район), 1200 ч.—к Байрам-Алийскому району и вообще к Мервскому округу, а все остальные—к Кизыл-Арватскому и, главным образом,—к Красноводскому району Полторацкого округа.

9) *Кара-калпаки* 10 ч. в Мервском и 190 ч. в Ташаузском (Куны-Ургенчский район) округе.

10) *Афганцы* 25 ч. в Полторацком и 75 ч. в Мервском округе.

11. *Армяне* 285 ч. в Полторацком и 115 ч. в Мервском округе.

12. Кроме того, в Мервском округе рассеяны, главным образом около городов, поселений городского типа и, вообще, около торговых центров дунгане (10 ч.), туркестанские евреи (65), татары (170), хозары (240), мордвины (46), поляки (53) и одиночки (всего 35 чел.) азербайджанцев, грузин, лезгин, турок, словаков, галичан, чехов, греков, латвийцев, литовцев и чувашей. В сельских местностях Ташаузского, Керкинского и

Ленинского округов—никого из этих национальностей не имеется, а в сельских местностях Полторацкого округа из них есть только 14 поляков и 2 литовца.

Подводя общие итоги перечисленных по сельским местностям национальных меньшинств, видим, что таковых всего 15925 человек.—При этом 1500 ч. (дунгане, таранчи и кашгарцы) являются старо-выходцами из Китая, 4100 ч. (джемшиды, ирани, берберы и курды)—из Персии, 2200 ч. белуджей—из Белуджистана, 100 ч.—из Афганистана (афганцы), 65 ч.—туркестанские евреи, 7000 ч.—представители соседних республик (казаки, кара-киргизы и кара-калпаки), и только 400 ч. армян да 560 ч. разных других национальностей относятся к представителям Кавказа и европейского материка.

За вычетом этих 15925 ч. из общей массы (814480) сельского населения, — остальные 798555 человек состоят исключительно из туркмен и узбеков, причем первых (т. е. туркмен)—705904, а вторых (узбеков)—92651 человек.

Узбеки в Полторацком (всего 21 чел.) и в Мервском (1183 ч.) округах немногочисленны и живут разрозненно.

Узбеки Ленинского округа (45520 ч.) целиком занимают лишь Фарабский район, составляют почти половину населения Старо-Чарджуйского района и представляют собою незначительное меньшинство в районах Дарган-Атинском и Динаусском (в остальных районах округа их вовсе нет). Такая же картина наблюдается и в Керкинском округе: в Ходжамбасском, Халачском и Кизыл-Аякском районах—узбеков вовсе нет; в Келифском и Керкинском районах есть лишь по одному узбекскому кишлаку, в Ташрабадском районе—три кишлака, но Карлюкский район—узбеки занимают целиком (всего в Керкинском округе 12000 узбеков, причем к Карлюкскому району относится около 10000 человек).

Наконец, в Ташаузском округе (33927 узбеков) узбеков по Тахтинскому району—вовсе нет, но весь Ташаузский район они занимают целиком. В Ильялыньском районе узбеки занимают юго-восточную часть территории и представляют собою около 30% населения этого района, а в остальных районах являются незначительным меньшинством.

Таким образом, в сельских местностях, кроме Фарабского района в Ленинском округе, Карлюкского района в Керкинском округе и Ташаузского района в Ташаузском округе—по всей остальной территории Туркменистана, а вместе с тем и во всех его округах,—туркмены являются подавляющим национальным большинством.

По округам туркмены расселены в следующем количестве: Мервский округ—215400 ч., Полторацкий—138244, Керкинский—92700, Ташаузский—85390 и Ленинский—84900 чел. К туркменам же относятся и 89270 ч. населения песков (вне деления по округам).

Ч А С Т Ь Ш - Я

Т У Р К М Е Н Ы.

Родословная туркмен и их перемещения.

Всякая родословная народов вообще, а в период переживания родового быта, тем более, непременно связывается с рядом легенд и преданий.— Нам кажется, что это материалы весьма существенного значения, и что к ним надо относиться внимательно, особенно если нет достаточного исторического материала. Суть в том, что легенды и предания, зачастую, если не целиком, то в значительной степени, совпадают с историческими фактами, с которыми так или иначе можно сделать надлежащую их увязку; легенды и предания характеризуют положение вещей в известный период времени и отношение народа к тому или иному вопросу и, наконец, до поры—до времени (до известного перелома в общественной жизни) являются очень интересными для самого народа.

По этим причинам, как бы мы ни были реально настроены, как бы ни интересовались только очевидной современностью,—нельзя обойтись без того, чтобы не заглянуть в прошлое, хотя бы в значительной мере и легендарное.

В отношении туркмен, переживающих еще период родового быта, это тем более целесообразно, что многие моменты их переживаний, описанные по легендам и преданиям, вполне подтверждаются разными историческими источниками Востока и современной действительностью.

Родословная туркмен в целом точно еще не выяснена и оставляет широкое поле для научной деятельности исследователей. Единственным историком туркменского народа является хорезмский шах Абуль-Гази-Бохадур-Хан, написавший в 1660 году „Родословную туркмен“, но этот его труд, даже по охватываемому им периоду времени,—не является исчерпывающим материалом по данному вопросу: Абуль-Гази-Бохадур-Хан не доводит родословную до конца (до времен автора). С другой стороны, в данном труде имеются пропуски больших периодов времени, внесено много легендарного и, наконец, наблюдается путаница в хронологии или отсутствие хронологических указаний при наличии только ссылки на одновременно происходившие те или иные, известные нам по историческим данным, события. Все же, труд Абуль-Гази-Бохадур-хана можно взять за основу: основа эта развивается до известной полноты картины при условии сопоставления с разными отдельными легендами, литературными материалами вообще, а Хорезма особенно, рукописными сказаниями и родословными записями новейших времен и с теми историческими фактами, на которые по вышесказанному, ссылается упомянутый автор.

Обоснованно и точно увязать все это, расшифровать и дополнить существующие пробелы, повторяем, может только систематизированное научное изучение вопроса до тонкостей, на что предлагаемый читателю наш труд, конечно, претендовать не может. Мы даем лишь результаты усиленного нам исследования, доступного анализа легендарных неясностей и ознакомления со сравнительно немногочисленными материалами.— При этих условиях картина рисуется не сполна, но более менее, все же,—понятно.

Легенда, по обыкновению, ведет происхождение туркменского народа с незапамятных «библейского» характера времен, но первоначальная группировка туркменских племен определенно связывается с определенной личностью фактически существовавшего героя „Огуз-Хана“. Опять же, легенда, не только туркменская, но и китайская и персидская, относит его существование за 3, 4 и 5 тысяч лет до христианской эры, но фактически этот герой—завоеватель жил в VII веке до хр. эры. Некоторые историки его жизнь относят, даже, ко II веку до хр. эры под именем „Модо-Хана“.

Как бы то ни было, но личность Огуз-Хана не миф: он действительно существовал в то именно время, когда тюрко-монгольские народы отчетливо делились на татар и монголов, сумел их всех объединить под своею властью в области центральных озер Азии и прославился своими удачными походами и в Средней, и в Малой Азии, и в Китае, и на Кавказе, и в Персии и далее вплоть до Египта.

Итак, он объединил все тюрко-монгольские народы, причем образовалось крепкое царство „Огузов“. Собственно „огузами“ назывались его основные приверженцы, а все после к ним присоединившиеся и покоренные ими—назывались „Уйгурами“. Нынешние „туркмены“ являются именно подлинными „огузами“, причем именно Огуз-Хан оставил им родовые значки—„тамга“.

Окончательным устройщиком огузова племени и распределителем его точно по родам был Гюн-Хан, старший сын и наследник Огуз-Хана, действовавший в данном случае строго по заветам своего отца.

У Огуз-Хана всего было 6 сыновей, а у каждого из них по 4 сына от старшей жены и еще по несколько сыновей от других жен.

24 внука от старших жен сыновей Огуз-Хана именно и являются родоначальниками 24-х главных родов и начальниками „Аймаков“.— Дело в том, что к каждому из главных 24 родов были присоединены другие роды, родоначальниками коих являлись внуки того же Огуз-хана от второстепенных жен его сыновей и даже, отличавшиеся в той или иной обстановке его виднейшие полководцы: такое основное объединение нескольких родов и составлял собою один „Аймак“.

Два объединенных аймака составляли один „Юзлык“, каковых юзлыков следовательно, было—двенадцать.

Юзлыки, в свою очередь, по шесть юзлыков, были сведены в две главные группы: „Бузук“ (старшее колено) и „Уч-ок“ (млашее колено).

Таким образом, весь народ был разделен на две части (Бузук и Уч-ок): каждая из этих частей делилась на 6 юзлыков, а каждый из юзлыков делился на два аймака.

Разделение это на „юзлыки“ и „аймаки“ было произведено Гюн-ханом символически, а именно: он устроил грандиозный пир в 12 (по числу „юзлыков“, шатрах, которые были расположены по шесть штук справа и слева от его собственного (центрального) шатра,

В каждом юзлыкском шатре помещались два соответствующие родоначальника из числа 24-х главных внуков Огуз-хана, т. е. начальники двух аймаков, и при них, — тут же в шатре или около него, — родоначальники остальных родов того же „юзлыка“.

Шесть шатров влево от центрального шатра представляли собою младшую группу родов (Уч-ок), а шесть шатров вправо—старшую группу (Бузук).

Старшинство „юзлыков“ в общей схеме родового деления—понижалось по мере удаления юзлыковских шатров вправо и влево от шатра центрального, а старшинство родов в каждом „юзлыке“ и „аймаке“ было символически показано теми местами старшинства на пиру, которые

были определены соответствующим родоначальникам в каждом юзлыкском шатре или около него.

Какая сторона от центральной палатки	№ палаток вправо и влево от центра	Порядок расположения родоначальников в палатках по старшинству		
		Внуки Огуз-Хана от главнейших жен его сыновей		Внуки Огуз-хана от второстепенных жен его сыновей и не внуки его, а вожди-родоначальники
		1 место	2 место	3 место
Правая сторона (Бузук). — Старшая группа.	1	Кай	Беят	Сорки (серхи)
	2	Алка-Ейлю	Кара-Ейлю	Кумы
	3	Язир	Ясир	Лала
	4	Дудерга	Дукер	Мерде-Шуй
	5	Аушар	Кызык	Турумчи
	6	Бек Дели	Каркын	Курджик
Левая сторона (Уч-Ок). — Младшая группа.	1	Баяндер	Беджне	Казгурт
	2	Чаудор	Джибни	Канглы (вождь)
	3	Салор	Имр	Кал-Ачи (вождь)
	4	Ала-Юнтли	Ургиз	Текап
	5	Икдер	Бук-Дез	Карлык (вождь)
	6	Ава	Кынк	Кипчак (вождь)

Из приведенной таблицы видно, какая тройка родов и насколько была ближе к центру, т. е. — старшинство „юзлыков“, и кто (какой род) был старше в каждой такой тройке (по порядку мест) в своем „аймаке“.

Данной таблицей 36 ти родов еще не исчерпывается перечень всех участвовавших в пиршестве родоначальников: в тех же палатках или около них, но на еще более отдаленных местах, присутствовали и следующие родоначальники. — тоже внуки Огуз-Хана от младших жен его сыновей:

1) Кене. — 2) Гуне, — 3) Турбатлю. — 4) Гирейли. — 5) Султанли, — 6) Оклю. — 7) Геклы. — 8) Кыргыз. — 9) Сучли. — 10) Хоросанлы. — 11) Юрчи — 12) Джамчи. — 13) Сараджик. — 14) Караджик и 15) Саир.

К сожалению, неизвестно, в каком или при каком именно шатре был тот или другой из перечисленных 15-ти родоначальников, а следовательно также неизвестно, к каким „аймакам“ и „юзлыкам“ относились возглавляемые ими роды, занявшие самое последнее место старшинства в своем „юзлыке“.

Как бы то ни было, но этот перечень вообще определенно насчитывает 51 название основных родовых единиц огузовской организации народа.

Не будем останавливаться на деталях и отметим только важнейшие моменты государственности огузов (туркмен).

Точно известно, что огузы, предвидя серьезную борьбу с персами, еще во второй половине VI века, начали искать содействия и помощи у греков: как видно из восточных исторических данных, — в 568 году огузов посетило специальное, возглавляемое Зимархом, греческое посольство, а вслед затем и огузы отправили к грекам свое посольство, во главе которого стоял некий Тамга, в результате чего между огузами и греками был заключен (569 г.) оборонительно-наступательный союз против персов.

Союз этот был окончательно оформлен дополнительным договором в 575 году, а в самом начале VII века Мукан-хан, правитель огузов, уже начал с персами упорную борьбу.

Казалось, что узы огузовского объединения обещают быть прочными. Однако, со временем, узы этого объединения ослабели, разные отдельные племена огузов начали выбирать себе отдельных правителей, и началась вражда племен, причем особо резкие результаты дала вражда племен Салоров и Беджне.

Побежденные Салоры, под предводительством Энкеша и с витязем Салор-Казаном бежали в VIII веке за Сыр-Дарью и, как мы уже знаем, были поселены арабами в Маверранагре. Это было приблизительно около 40 годов.

Необходимо отметить, что не эта группа является ядром современных „туркмен“. Принятая арабами эта группа была вовлечена в военные передвижения самих арабов. Большая часть этих туркмен была послана арабами в качестве военной силы на Кавказ, а затем (925 г.) продвинулась даже в славянские земли, где и пребывала до 1161 года. В 1161 году эти туркмены были оттеснены славянами за Дон, обосновались между Доном и Волгой, но и отсюда были вытеснены половцами. Тогда (начало XV века) туркмены вернулись на Кавказ, обосновались в Азербайджане, но вскоре затем ослабели и постепенно рассеялись.

Что касается остальных огузов (туркмен), то они, после вышеописанной откочевки салоров в Маверранагр, тоже не долго оставались на своих старых местах. Началась общая вражда племен: Уйгуры (т. е. покоренные Огуз-Ханом племена) объединились, образовали (744 г.) свое собственное государство и совершенно вытеснили огузов (туркмен) в 745 году во время правления огузовского хана Бай-Май-хана.

Вытесненные огузы (туркмены) направились к низовьям Сыр-Дарьи, где главным образом и кочевали на протяжении многих поколений. Временами они объединялись, усиливались, покоряли окрестные земли, даже весь „Туркестан“, но после опять ослабевали, опять укреплялись и т. д.

Активная роль огузов во время борьбы „Туркестана“ против завоевателей-арабов уже отмечена нами в обще-историческом очерке (см. часть I, гл. I.).

Из того же исторического очерка мы знаем, что часть огузов, а именно сельджуки, отделилась и ушла от кара-ханидов, что кара-ханиды вытеснили сельджуков из Туркестана и овладели последним вплоть до Аму Дарьи и что впоследствии сами были вытеснены теми же сельджуками. Таким образом, как видим огузы бывали в Туркестане организованным порядком еще в VIII веке, а затем, в лице кара-ханидов и сельджуков, уже с 999 года подвизались на территории не только Туркестана в его целом, но и на территории современного Туркменистана, причем (часть II, гл. I). Мерв стал у них видным центром. Надо полагать, что тогда же прошли в Мерв и остатки тех огузов, которые еще остались в Маверраанагре за отправкой арабами их главной массы (см. выше) в качестве военной силы на Кавказ и т. д.

Таким образом, все более сплоченные и сильные группы огузов (туркмен) прокатились через Туркестан и современный Туркменистан волнами разной величины и исчезли со здешних горизонтов. Однако, они не исчезли совсем. В течение еще всего XV века части Персии, Месопотамии и Армении были объединены под властью огузовских династий, сначала Кара-койлю (или Кара-коюнлы), а после Ак-койлю или (Ак-коюнлы); в Индии была династия Кутуп-Шахие (она же построила теперешний город Хайдарабад); газневиды происходят из огузовского же племени «Кай»; в Сирии и Палестине (во время крестовых походов) была огузовская династия Артыкие, а в Анатолии,—последовательно, династии Даншмендие и Зюлькадрие.

Династии эти были столь устойчивы, что даже чеканили собственную монету: соответствующие очерки и надписи этих монет помещены в специальном сборнике директора Средне-Азиатского музея в Ленинграде Берен Дорна, изд. 1854 года.

Как бы там ни было, факт тот что главные массы огузов равномерно и по разным причинам ушли из Туркестана, обосновались в разных местах Малой Азии, Палестины, Кавказа, Персии, Афганистана и, даже Индии, оставив в истории заметные следы.

Однако, не о них идет речь, и не они являются предметом описания в настоящем нашем очерке: мы должны подробнее остановиться на описании переживаний тех огузов, которые, после ухода из Туркестана вышеупомянутых огузовских групп,—все же продолжали здесь оставаться. Из этих то именно остатков непосредственно и образовался нынешний туркменский народ Туркменской СС. Республики.

Эти остатки, не увлекаясь дальними передвижениями,—ко времени падения власти сельджуков,—продолжали группироваться в низовьях Сыр-Дарьи, лишь частично проникая в Хорезм и, через пески, дальше к оазисам Мургаба и Теджена.

При такой именно обстановке произошли события, повлекшие за собою, так сказать, перетасовку и среди самых этих остатков.

Дело в том, что правитель находившихся на Сыр-Дарье туркмен (Али-Хан) затеял покорить и объединить всех вообще туркмен и овладел, было, даже Хорезмом (1041 г.), готов был обманно овладеть и туркменами по ту сторону песков Кара-Кума, но сам был разбит последними.

В результате этого всеобщего столкновения остатков всех племен получилось их окончательное расслоение, и они разошлись в разные стороны. Большая часть родов Импр, Дукер, Икдыр, Джаулдор (Чаудор), Каркыр, Агар и Салоров, а также частично и другие племена сразу же подались в Мангышлак. Роды Оклы, Геклы, Султанли и часть племени Агар сразу же заняли горы Абуль-Ханы (Балханы). Род Язир и 10000 кибиток салоров ушли в Хоросан. Осталь-

ные частью заняли горы Гисара, а главным образом обратились к самым устьям Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. Эти последние оставались в устьях названных рек около 100 лет. Затем только часть их осталась на Аму-Дарье, а остальные двинулись на юг, начиная опять частично проникать в Мерв и распространяясь большею частью по Бал-Ханам и по Хоросанской провинции (Персия). Общее это передвижение совсем закончилось только в конце XI столетия, к каковому времени возвращаются на Мангишлак и вышеупомянутые племена Язир (позднейшее наименование Кара-Дашли) и Салор, которые сразу (см. выше) отправились было, в Хоросан. Одних салоров как уже сказано, ушло тогда в Хоросан 10 000 кибиток, но они не могли там удержаться, и начались их мытарства по Ирану, Кавказу, Крыму и Уралу. Отсюда их вытесняли и, в конце концов, — они добрались до Мангишлака в количестве лишь 300 кибиток. Как видим Мангишлак все время являлся опорной базой в передвижениях туркмен того (XI в.) времени. Само название „Мангишлак“ произошло от слов „Мынг-Кишлак“, т. е. тысяча кишлаков (Кочевий): уже отсюда видно, сколь велико тогда было на Мангишлаке скопление туркмен, давших ему это название.

Теперь надо отметить, что вышеописанные мытарства салоров происходили под руководством салорского богатыря и героя Салор-Огурджика. Именно он (Салор-Огурджик прямой потомок Салор-Казана, Энкеша и Огуз-Хана) и является родоначальником всех современных туркменских племен салорского происхождения, причем главные родовые деления таковых — следующие: *Салоры, Сарыки, Теке* (текинцы), *Иомуды* и *Емрили*. Эти роды сразу же заняли видное место наряду с главными родовыми группами, перечисленными в таблице символического размещения вождей по палаткам еще в царстве Огузов.

Дальнейшая (с конца XI века) история туркмен связана всецело с историей старого Мерва (см. часть II гл. 1) и сопредельных с ним Хорезма, Бухары, Персии и Афганистана. Туркмены, имея базой Мангишлак и горы Бал-Ханы, то проникали частично в оазисы современного Туркменистана, то оттеснялись персами в пески, откуда делали новые набеги в Хорезм, Персию и Афганистан. Временами они подпадали под власть одного из этих государств или насильно или добровольно в целях защиты от других, опять освобождались и, вообще, являлись вольницами, очень стеснительной и не безопасной для всех своих соседей. — Особенно беспокойными соседями были они для Персии: туркмены старались прорваться в оазисы, а Персия эти оазисы отстаивала.

Естественно, что эта борьба не могла закончиться раньше полного завоевания оазисов туркменами, которых необходимость заставляла выбиваться, с одной стороны, из песков пустыни, а с другой стороны — из недостаточного для них простора Бала-Ханов и, даже Мангишлака, на который наседали с севера другие народы (золотоордынцы, после калмыки, после киргизы).

В этой борьбе силы туркмен распылялись, но вместе с тем нашлось и их пополнение.

Дело в том, что туркмены, строго храня чистоту своей родословной, тем не менее, — принимали в свою среду и иноплеменников, заслуживших право на этот прием.

Таким именно образом — в XIV веке возникли, а после вошли в состав туркмен, новые роды не огузовского происхождения, а ведущие свое начало от разных лиц, оказавших ту или другую услугу туркменам и принятых последними в свою среду.

Таковыми родами являются:

а) *Эски* (происходят от некоего Аяза, помогшего туркменам освободиться от платы дани хану Золотой Орды),

б) *Хызр, Могульчик, Кул и Кара* (происходят от Хызра-Джуре и его братьев, сыновей вольноотпущенника салоровского племени),

в) *Али-Или и Хызр-Или* (происходят от бедноты, сгруппировавшейся около и под покровительством упомянутых Хызра-Джуре и его братьев),

г) *Тиведжи* (от групп пастухов, пасших на Балханах верблюдов золотоордынского хана, а после перешедших к Туркменам).

Все эти роды обосновались частью в Балханах (Тиведжи и Кул), а главным образом в низовьях Аму-Дарьи и, как видим в настоящее время,—постепенно сжились с кровно-огузовскими племенами вплоть до отождествления их с туркменами.

Резкую перемену в положение вещей вносит начало XVII столетия в каковое время джунгары (калмыки) сделали сильный натиск на Мангышлак, чем и заставили главную массу мангышлакских туркмен сдвинуться с места. Осталась здесь лишь сравнительно небольшая часть, а остальные разошлись в разные стороны:

а) Часть рода *Икдыр*, по берегу Каспия,—ушла кочевать в приволжские степи и, в конце концов, осела в низовьях реки Кума, остатки этих туркмен и теперь находятся в Ставропольской губернии.

б) Племя *Ясир* (Ерсари, Ерзари) прошло сначала в район Кизыл-Арвата, а вслед затем в Бухару (ныне Керкинский и Ленинско-Туркменский округа), где находятся и в настоящее время.

в) Другие подались частью к Хорезму (теперь Ташаузский округ), а частью в Персию и Афганистан.

В 1735—36 годах персы особенно прочно укрепились в Ахалском оазисе, победили Хорезм и переселили оттуда в Хоросан значительную часть иомудов и текинцев но вслед затем (около 1738 г.) текинцы, обитавшие до того времени главным образом на Балханах, спустились с гор, выгнали персов и окончательно заняли Ахалский оазис, который с этого момента и имеет право носить современное название оазиса Ахал-Текинского. В пределах этого своего оазиса текинцы были до XIX века

Господствовавшие по вышеупомянутому в Мангышлаке калмыки были (1756—1758 гг.) совершенно разгромлены киргизами, которые вслед затем сами заняли Мангышлак, окончательно потеснив туркмен, причем оставшиеся еще здесь иомуды принуждены были уйти частью к Ташаузу, частью к югу, на пустынное Каспийское побережье, на острова, на Агрек и в Персию, а Салоры—в Иолотанский оазис. Приблизительно около того же времени сарыки заняли оазис Мервский, который, так сказать, „освободился“, будучи разгромлен (1785—1790 гг.) Бухарой.

С этого времени туркмены становятся особенно грозным соседом для Хорезма вплоть до 1813 г., но этот год оказался для них неудачным.

Хорезмский шах разбил туркмен и значительные части их племен Теке, Гокланов, Ата и Чаудоров переселил в Хорезм.

В 1820 г. мервские сарыки призвали хивинцев (хорезмцев) себе на помощь против притеснений Бухары: хивинцы помогли, даже заложили начало современного Мерва, даже восстановили разоренную бухарцами Султан-Бендскую плотину, но в 1847 г., поссорившись с сарыками, разгромили их.—Султан-Бендская плотина была окончательно разрушена, и Мервский богатый оазис обратился в форменную пустыню, в отдельных, доступных для жизни, местах которой едва насчитывалось всего 6000 жителей (сарыков).

Тем временем текинцы уже заняли (из Ахала) Атекский оазис и пробовали (для набегов на Персию) захватить оазисы Тедженский

(1840 г.) и Серахский (1850 г.).—Однако, эти попытки не увенчались успехом, и они были из обоих оазисов вытеснены персами. Тогда (1855 г.) текинцы бросились на Мервский оазис, захватили его и вытеснили бывших там сарыков в Иолотанский и Пендинский оазисы, а сарыки, в свою очередь, вытеснили салоров из Иолотани.

Вслед затем текинцы окончательно (1861 г.) отбили персов, стали самостоятельны и восстановили оросительную сеть Мерва, устроив свои родовые каналы.

Салоры, будучи вытеснены из Иолотани, претерпели особенно много мытарств: сначала они бродили в местности современной Кушки, затем откочевали в Персию и, наконец, были персами поселены верстах в 120 выше Серахса, но и здесь им не посчастливилось.

Мервские текинцы в 1870 году напали на них и, здесь, разгромили и увели их остатки в Мерв, где и расселили небольшими группами. Из этого плена салоры постепенно перебежали в Персию и только в 1884 г. (по соглашению с русскими) получили возможность поселиться в Серахском оазисе, где живут и в настоящее время. В том же 1884 г. текинцы заняли и Тедженский оазис, заселив, таким образом, своими (текинскими) родами сплошную линию: низовья Мургаба, низовья Теджена, Атекский и Ахалский оазисы.

Дальнейшие передвижения туркмен и их распри были прекращены приходом русских: последними вся Закаспийская область была занята в промежутке 1879—85 годов, причем продвижение их шло от Каспийского моря, а вскоре затем были установлены и государственные границы Туркестанского генерал-губернаторства с Хивой, Бухарой, Персией и Афганистаном.

Современное родовое деление туркмен и их размещение в Туркменистане.

Из предыдущей главы уже известно, что часть туркменских племен современного Туркменистана носит те же названия, которые мы видим при рассмотрении таблицы символического размещения родоначальников по шатрам на пиру Гюн-Хана, сына Огуз Хана, что другие чисто-огузовы племена туркмен ведут свое прямое происхождение от более позднего потомка того же Огуз-Хана, а именно от Салор-Огурджика и, что, наконец, остальные не являются настоящими огузами, а лишь приняты в их среду по тем или другим причинам.

Обращаясь к рассмотрению главных родовых групп и их делений, видим, что этих групп всего—пять:

1-ая Г Р У П П А.

Сюда относятся роды, ведущие свое происхождение непосредственно от Салора-Огурджика, потомка Салор-Казана или, иначе, Казан-Альпа, его отца Энкежа и т. д. до Салора, прямого внука Огуз-Хана: Салор, внук Огуз-Хана, занимал первое место в третьей слева (колени—„учок“) палатке символического размещения родоначальников на пиру Гюн-Хана.

Происходящих от Салор-Огурджика родов пять:

1) *Салоры* (иначе и вернее—„салыры“) получили свое наименование непосредственно от имени Салоры (Огурджика), а прямым своим родоначальником числят одного из его внуков.

Салоры делятся на 3 ветви:—Караман, Еловач и Кичи-Ага. Каждая из этих ветвей имеет еще 6-7 своих родовых подразделений, а каждое из этих подразделений, в свою очередь, делится еще на несколько (2 3-4-5-6 и, даже 10) групп. Таким образом, в салоровской схеме родового деления насчитывается около 110 названий.

Салоры живут, главным образом, в Мервском округе (Серахский и Тедженский районы), значительной группой (около 24 тысяч) в Ленинском округе (Динаусский, Дарган-Атинский и Старо-Чарджуйский районы) и в небольшом количестве (всего около 1500 ч.) в Ходжамбасском и Керкинском районах, Керкинского округа. Салоры вообще—живут оседло.

2) *Сарыки* ведут свое происхождение от Той Тутмаза (тоже внука Салор-Огурджика) и делятся на 2 ветви: Алаша и Пулат-Шах.

Алаша подразделяются на Алныш, Алнах, Уста и Ходжи Назара. Пулат шах делится на Сапы, Байрач, Хоросанли, Герзеки, Архаки и др.

Каждое из этих родовых делений разветвляется еще на более мелкие части. В общем,—тоже получается несколько десятков родовых названий.

Сарыки занимают Иолотанский и Пендинский оазисы. Образ жизни сарыков—полуоседлый. (По прежним учетным материалам сарыки числились живущими и в Керкинском округе, но теперь там названия „са-

рык" не находим: очевидно, или откочевали к своей главной группе или совершенно слились с керкинскими эрсаринцами.

3) *Теке* (*текинцы*) происходят от Теке-Магомета (внук Салор Огурджика). Частично лишь являются кочевниками и пол-кочевниками (не более 20%), а всей остальной своей массой ведут оседлый образ жизни—в Мервском, Тедженском, Атекском и Ахалском оазисах. Делятся они на две главные ветви—Тахтамыш (с подразделением на Вакиль и Бек) и Отамыш (с подразделением на *Бахи* и *Сычмаз*).

В дальнейшем имеются еще более мелкие родовые деления и у Отамыш и у Тахтамыш, благодаря чему получается тоже большая родословная таблица.

4) *Иомуды*—происходят от Иомуда, правнука Салор-Огурджика, и делятся на 3 ветви: *Кара-Чека* (или: Кутлы-Темир), *Байрам-Чоли* (или: Утлы-Темир) и *Ушак*, причем род Ушак теперь числится чуть ли не коленом рода Байрам Чоли.

а) *Кара-Чека* подразделяются на *Чени-Атабай* (цев), делящихся, в свою очередь, на 10 родовых групп, и на *Шериф-Джафарбай* (цев), делящихся на 3 родовые группы:—Все эти группы имеют еще и свои подразделения в 2-х и, даже, 3-х коленах.

б) *Байрам-Чоли* делятся на *Орсукчи*, *Окуз* (ов) и *Салах* (ов), которые тоже имеют дальнейшие подразделения в 2-х и 3-х коленах.

в) *Ушак* имеют 7 групп в первом колене, причем некоторые из этих групп делятся еще на 2-3 части.

Таким образом, вся родословная иомудов покрывает 4-5 колен родового деления, насчитывая около 140 названий.

Иомуды занимают видное место не только в Ташаузском и Полторацком округах и вообще в песках, но также и в Персии (бассейны Кара-су и Гюргена), причем, по образу жизни, делятся на 3 группы:

а) *Скотоводы-кочевники*: На всем пространстве от Устьюрта до бассейна Гюргена, при ширине этой полосы (от берега моря) от 100 до 300 верст: на зиму откочевывают с севера на юг, а летом кочуют с юга на север.

б) *Полу-оседлые землепашцы*: живут в Ташаузском округе, отчасти около Джебеля, Гасан-Кули и Чикишляра и на Атреке (Полторацкого округа) и в Персии.

в) *Оседлые*—это приморские жители, занимающиеся специально рыболовством, морским извозом, добычей соли, нефти и озокерита. Живут они на всем туркменском побережии Каспия от Кара-Бугаза до Шихской Косы, на полуострове Дарджа, на островах—Челекенском и Огурджинском, от Чикишляра до Гасан-Кули и далее (по персидскому побережью) до Кара-су.

Обращаясь к учету численности иомудов по родам и по районам их пребывания, видим, что:

В Ташаузском округе живут, главным образом, роды *Ушак*, *Орсукчи*, *Окуз* и *Сахал*, т. е. все те, которые относятся к основному делению Утлы-Темир (Байрам-Чоли): каждый из этих 4-х родов насчитывает от 10 до 11 тысяч человек, и все они имеются большими или меньшими по численности группами—и в Тахтинском, и в Порсунском, и в Куня-Ургенчском районах. Меньшую часть иомудов Ташаузского округа, кроме того, составляют около 7½ тысяч *Емрили* (Ильялынский район) и около 4-х тысяч разных других родов, относящихся главным образом к Шериф-Джафарбайцам основного деления Кутлы-Темир (Кара-Чека).

В Полторацком округе насчитывается 15 тысяч кочевых атабайцев (в Казанджикском районе) и почти 15 же тысяч джафарбайцев, из коих:

8500 кочевников (около Джебея и Гасан-Кули), 2800 полу-оседлых (около Джебея и Чикишляра) и 3700 оседлых (Чикишляр, Гасан-Кули, полуостров и острова). Кроме того, 1500 иомудов почти осели в Старо-Чарджуйском районе Ленинского округа.

Что касается *песков*, то здесь население еще точно не учтено, но предположительно, что все оно (89270 человек) относится к иомудам.

Таким образом, иомудов на территории Туркменистана насчитывается около 176.000 человек.

5) *Емрили*, по одной версии, ведут свое происхождение тоже от одного из Салоровских внуков, но, как видим в действительности, теперь составляют из себя одно из трех вышеупомянутых подразделений Шери-фо-Джафарбайцев Ташаузского округа. По другой версии, Емрили, по происхождению, более близки к нижеописываемым родам Гокланов и Чаудоров.

II-ая Г Р У П П А

К этой группе относятся племена, происходящие непосредственно от Огуз-Хана (не по линии Салор-Огурджика) и непосредственно же зафиксированные в таблице символического размещения по шатрам на пиру Гюн-Хана, а именно:

1) *Чоудар* (или *Джаудор*: второй шатер левого крыла) делятся на Абдал, Машрык, Икдыр, Кара, Базачи и Бурунджук, каковые роды, в дальнейшем (во 2-ом и в 3-ем коленах) имеют всего еще около 50 родовых делений.

Главной своей массой эти роды (всего около 18 тысяч человек) живут в Порсунском районе Ташаузского округа, но по частям обитают и в разных других местностях, а именно: около 3½ тысяч человек (750 семейств) колен Игдыр и Абдал—в Астраханском уезде, 60 семейств колена Абдал—на Мангишлаке и около 6000 семейств из колен Машрык, Игдыр, Базачи и Бурунджук—в Ставропольской губернии.

Все перечисленные группы сполна сохранили свой колорит родового деления.

Однако, кроме этих отчетливо выделяющихся групп чаудоров, колена Игдыр, мы встречаем в качестве младшего родового подразделения среди иомудов Кара-Чека в Порсунском районе Ташаузского округа; наименование „чаудор“ встречаем также в качестве младшего родового деления и среди гокланов вообще и среди Эрсаринцев Бурдалыкского района, Ленинского округа: как видим, эти группы уже в значительной мере утратили основы своей родовой организации, примкнув к другим туркменским родам.

Наконец,—кроме вышеперечисленного,—значительные кадры всех чаудорских родов—живут и в Афганистане.

2) *Гокланы* состоят из 2-х главных родов—*Кай* и *Дудерга*, родоначальники каковых обоих родов занимали места в первом и четвертом шатрах правого крыла. Кай делятся на 3 главных группы, а Дудерга—на 2. Те и другие группы имеют ряд дальнейших подразделений в двух последующих коленах, так что, в общем, получается всего навсего 78 родовых названий. В Ташаузском округе (Ильялынский район), гокланов живет около 3000, а в Полторацком—6½ тысяч человек по р. р. Чандыру и Сумбару и в окрестностях Кара-Кала. Кроме того,—живут Гокланы и в Персии (Буджнурский район).

3) *Хатаб* и 4) *Мукры*—родственны Гокланам: Хатаб—6000 чел. в Ташрабадском и Кизыл-Аякском районах, а Мукры около 5 тысяч в тех же районах и в Ходжам-Басском районе, Беркинского округа.

Существует предположение, что Мукры арабского происхождения, но сами они своего происхождения точно не знают. И у Мукры и у Хатаб есть только по 4 родовых деления. (Хатаб живут главным образом, среди эрсаринцев: говорят, что когда то были взяты эрсаринцами в плен),

5) *Кара-Дашли*: это сравнительно новое название старого племени „Язир“ (третий справа шатер).

Кара-Дашли делятся на 3 родовые группы: *Генданиалы* с тремя дальнейшими подразделениями, *Джалалы*—с четырьмя подразделениями и *Геок-Чаклы*—с шестью подразделениями. Их всего около 10.000, и живут они в Ильялыском районе Ташаузского округа, а в Полторацком округе встречаются лишь небольшие их группы (по несколько семейств), давно уже перекочевавшие из Ташауза же.

6) *Каркын*: старинный род (второе место в шестом шатре правого крыла). Их всего около 6½ тысяч, и живут они в Халацком районе Керкинского округа. Имеют лишь несколько родовых подразделений.

7) *Эрсари*—делятся на 4 главные группы: Улук, Гуняш, Кара и—Бек-Ауль, Бек-Ауль.—Улук и Гуняш составляют преобладающую часть населения Керкинского округа и живут во всех его, кроме Кирлюкского, районах общим количеством более 70 тысяч человек. Что касается Кара-и-Бек-Ауль, то эти, в количестве 35 тыс. чел. размещены по всем, кроме Фарабского, районам Ленинского округа. Кроме того, незначительные группы эрсаринцев живут в Мервском (всего два аула) округе и (всего 140 чел.) среди других туркмен Красноводского района Полторацкого округа. (Есть также значительное количество эрсаринцев и в Афганистане).

8. *Баят* (второе место в первом шатре правого крыла). Обитают (отчасти) в Керкинском и (6 000 чел.) в Ленинском округах среди эрсаринцев, с которыми почти слились.

9) *Агар*: обитают там же и так же слились с эрсаринцами. Род Агар немногочислен и потерял свое прежнее значение. Имеет он родоначальником не кого-либо из внуков Огуз-Хана, а некого Иркиль-Ходжа, бывшего визирем у Огуз-Хана и (после) у его старшего сына.

10) *Огурджали*: живут на Каспийском побережье и на островах в количестве 2300 чел. и занимаются рыболовством. Их неправильно отождествляют с иомудами, в то время как они лишь представляют из себя объединение частей разных родственных иомудам родов.

III-я Г Р У П П А.

Не являются огузами (туркменами), но вполне с ними слились и, так сказать,—„отуркменились“ следующие племена:

1) *Ата*—в Красноводском районе, около Серахса и (небольшими вкрапинами) в разных местах по Теджену и Мургабу (а также, довольно значительной группой,—и в Кара Калпакии).

2) *Ших*—в Красноводском районе и в Ташаузском (среди огузов) округе.

3) Ходжа, 4) Саид и 5) Махтум (2 ветви: Нир-Махтум и Каллы-Махтум)—частично сгруппированы в Атекском оазисе, а вообще—рассеяны небольшими вкрапинами по всему Туркменистану и вне его (вообще-всюду среди туркменских племен, хотя большею частью и живут своими отдельными аулами).

Все эти (55) племена чистокровного арабского происхождения: они являются прямыми потомками арабов—насадивших здесь ислама. В качестве таковых, они пользуются среди туркмен известным уважением и

почитаются за людей, так сказать, доховного звания, что, однако, является лишь условным понятием, так как со средне азиатским мусульманским духозенством они и сходства и ничего общего не имеют.

Общая численность состава всех этих арабских племен, приблизительно, около 30 тысяч человек.

IV Г Р У П П А.

Отдельную группу составляют следующие роды. Не огузовского происхождения, но тоже вполне сроднившиеся с туркменами и ныне входящие в состав туркмен:

1) *Сунчи* (немногочисленны, живут в окрестностях Арчмана и Бахардена): считаются непосредственно происходящими от арабов—воинов, т. е. под рубрику вышеочерченных арабских племен „духовного“ звания —не подходят.—Живут сунчи сравнительно обособленно.

2) *Нухурли*,—повидимому,—выходцы из Хивы.—Значительно отличаются от кровных туркмен и наречием языка и жизненными обычаями: так, например,—они не выделывают ковров и кошем, имеют своеобразную медную, а не глиняную, посуду для воды, носят эту посуду (кумганы) на плече и т. д.—Живут нухурцы в Полторацком округе (аулы Нухур—в районе Кала-Калы), причем их там насчитывается около 6300 человек.

3) *Анаули* (=500 чел. в Гинсбургском районе) и

4) *Мурча* (1200 чел. в Кизыл-Арватском районе) Полторацкого округа.—И те и другие, повидимому, потомки прежних здешних жителей—аборигенов страны, покоренных и принятых в свою среду туркменами.

V-ая Г Р У П П А.

Эта группа состоит из племен сравнительно нового формирования и не огузского происхождения, а как результат разных объединений по разным причинам сюда относятся разные племена. (Эски, Хызр, Хызр—Или и др.), происхождение коих очерчено в предыдущей главе и относится к XIV-му веку.

Из этих племен мы на территории Туркменистана ныне встречаем племена: *Али-Или* живут главным образом (6200 чел.) в Гинсбургском районе Полторацкого округа и отчасти в Ташаузском, Ленинском и Керкинском округах; часть рода *Хызр* (под именем *Кутлар*)—живет в Ташаузском округе, среди иомудов, и немного *Хызр-Или*—в Ленинском округе под именем *Хидыр-Или*.

Род *Али-Или* в Полторацком округе делится на несколько десятков родовых делений, а в других округах, равно как и роды *Хызр*, совершенно влился в туркменские роды и расплылся среди них.

Что касается *Эсков*, то этих—9000 в Саятском районе, Ленинского округа.

Группируя перечисленные роды по местностям их современного пребывания, мы получаем следующие итоги:

1. *Ташаузский округ*: Иомуды, Емрили (Имр-Или), Кара-Дашли, Чаудор, Али-Или, Ших, Ата и, частично, другие арабские племена (Ходжа, Сеид, Махтум), а также и Кутлар (Хызр).

2. *Керкинский округ*: Эрсари, Хатаб, Мукры, Каркын, а также часть Али-Или, Салоров, Агар, Беят и арабских племен (Ходжа, Саид, Махтум).

3. *Ленинско-Туркменский округ*: Эрсари, Салоры, Эски, а также незначительные группы Иомудов, Беат, Агар, Али-Или, Хидыр-Или, Чаудоров (как подразделение Эрсаринцев), Ходжа Саид и Махтум.

4. *Мервский округ*: Текинцы, Салоры, Сарыки, немного Эрсаринцев и вкрапины арабских племен—Холжа, Саид и Махтум.

5. *Полторацкий округ*: Текинцы, Иомуды Гокланы, Чаудоры, Огурджали, Али-Или, Нухурцы, Мурчи, Сунчи и Анаули.— Кроме того, вкрапины всех арабских родов есть всюду вообще по Ахалскому и Атекскому оазисам, причем больше их в оазисе Атекском. В при-Каспийской полосе получается сравнительно большое сосредоточие двух арабских родов—Ата и Ших.

Как видим, современное наличие в Туркменистане главных родовых делений туркмен далеко не соответствует перечню их по первым временам объединения огузов (см. таблицу размещения родоначальников на символическом пиру Гюн-хана).— Мы знаем, что часть старинных родов целиком ушла из пределов современного Туркменистана в разные времена исторической давности, но, все же, значительной части старых родовых названий—теперь не встречается. Очевидно, соответствующие роды или расплылись или присвоили себе, по тем или другим причинам, названия новые; как например, старое название рода „Язир“ заменено названием „Кара-Дашли“.

С другой стороны, получился целый ряд совершенно новых родов и чисто огузовского происхождения и по разным новым, не огузовского происхождения, формированиям, всецело принятым в среду огузов: эти „новые“ формирования довольно точно рассмотрены нами до XIV века включительно, но, конечно, они продолжали образовываться и в более поздних исторических условиях.

Наряду с тем, в процессе разных переживаний многие роды ослабевали, дробились и вольно или невольно входили в состав более сильных родов, пример чему мы видим на Емрили (входят теперь в род ташаузских Джафарбайцев); на роде Ушак (включен в род Байрам-Чоли: иомуды), на роде Игдыр (частично вошел в состав ташаузских Чаудоров), на том же роде Игдыр, который раздробился на группы, далеко разошедшиеся во все стороны и т. д. Дробление родов видим также на Салорах, часть которых живет в отдаленных Керкинском и Ленинском округах, в то время как главная масса обитает в округе Мервском. С иомудами еще интереснее: они занимают определенную полосу от Ташауза в сторону Каспия и вдоль берега последнего, и вдруг—крайне незначительная их группа находится по другую сторону Туркменистана, в Ленинском округе. В Ташаузском округе, среди узбеков, находим лишь несколько дворов текинцев, очевидно отбившихся от своих сородичей, которые занимают компактно почти целиком весь Мервский округ и восточную часть Полторацкого округа. Название „Сарыки“, так сказать, потерялось в Керкинском округе, а в месте с тем—в том же Керкинском округе полностью сохранили значение своего родового названия только Эрсаринцы. Обитающие здесь части разных других, таких же как и Эрсаринцы основных родов, теперь, вдруг, носят общее нарицательное название «Курома» (смесь, соединение остатков) и входят в эту «Куромд» в качестве ее, как старшей родовой единицы, подразделений. Наконец, рассматривая схему более мелких родовых делений туркмен Ленинского округа, мы находим названия—„Эшакчи“ (в Динауском районе), „Крачли“ (в Дарган-Атинском районе) и так далее, что совершенно не соответствует действительности: это название кишлаков, а не родовых делений, но, как видим, название эти начинают приписываться именно родовым делениям. Такие же примеры встречаются и в Полторацком округе. Очевидно, та или иная родовая единица, вытеснив в свое время из аула его прежних обитателей, сохраняла название аула; а после и сама начинала постепенно (если не лично, то соседями)

именоваться по названию этого аула, что, в конце концов, и обращалось в постоянную привычку.

Из всего этого следует, что родословная во всем ее целом, до самых мелких делений включительно,—далеко не вечная: из новой обстановки вообще, а из новой экономической обстановки—тем более, вытекают и новое общее положение и новые отношения и совершенно новая жизнь.

Патриархально родовая цельность всего племенного деления давно отошла в область преданий и, как видим, сохранилась теперь только по частям, да и то со значительными изменениями.

По этой причине настоящий труд и ограничивается рассмотрением только существовавших и существующих „основных“ (главных) родовых единиц, не касаясь дальнейших мелких подразделений. Эти последние необходимо „сфотографировать“ с современной действительности, для чего, конечно (збота не малая и специальная), требуются специальные же средства, силы и время.

Характеристика туркмен и проявление их родового быта.

По своему происхождению туркмены принадлежат к юго-западной ветви Алтайской группы тюркских племен, но, как мы уже знаем, первые их группы очень давно (с VIII века) находились среди иранского населения Туркестана, соприкасались с Персией, бывали в самой Персии, бывали на Кавказе и т. д. Под влиянием всего этого и оседания на землю среди иранцев или в непосредственной их близости, — туркмены на протяжении веков постепенно в значительной степени видоизменили свое обличье. Когда, со временем, в Мавераннахр явились новые племена с резко выраженными тюркскими чертами, то аборигены страны увидели, что живущие уже давно среди них тюрки фактически только лишь „туркманенд“, т. е. „похожие на тюрков“, хотя, на вопросы о их происхождении и говорят: „тюрк-мэн“, т. е. — „я—тюрк“.

Предположительно, что от этих именно слов (тюркманенд, тюрк-мэн) и образовалось, современное название „туркмен“ присвоенное огузам. — С другой стороны есть указания, что наименование „туркмен“ огузы получили непосредственно от арабов, которые, встречая в боях сильное сопротивление со стороны огузов и не зная их происхождения, именовали их в своих донесениях общим названием, нарицательно в качестве „туркмен“ („турк ман“, по арабски, значит: „тюркские души, тюркские существа и, переносно—тюркские люди“).

По наружности своей, туркмены в значительной степени отличаются от других народностей Средней Азии и обличьем, и осанкой, и ростом, хотя и с некоторыми вариациями. В восточной части Полторацкого и в Северной части Мервского округа особо часто наблюдаются высокий рост и довольно тонкие черты лица, причем хивинским халатом и высокой папахой еще более оттеняется природная представительность.

Наружность и одежда туркмен сильно видоизменяются по мере продвижения в сторону прикаспийских и ташаузских окраин: рост становится меньше, а лицо—ближе к монгольскому типу. Наряду с тем замечается склонность и к видоизменению в одежде: Персия, Хива, Бухара оказали свое влияние. В частности, туркмены центральной части Туркменистана носят очень большую и очень высокую папаху цилиндрической формы; в Ташаузе—папах низкая, но широкая; в Ленинском и Керкинском округах она имеет вид небольшой бухарской меховой шапки, а в Прикаспийском районе зачастую заменяется головными уборами киргизского или татарского типа.

Отличительными чертами характера туркмен являются: родовая гордость, спокойная самоуверенность, учет чистоты крови в смысле огузовской родословной, отсутствие низкопоклонничества во всякой обстановке и вполне определенные представления о благородстве действий и взаимоотношений, каковые действия и взаимоотношения и регулируются соответствующим «комплексом» не писанных, но точно усвоенных и обязательных бытовых правил. Вопросы чести—всюду на первом пла-

не, и в характере туркмен вообще во многих случаях проглядывают, так сказать, рыцарские черты.

Туркменский язык вообще принадлежит к южной группе тюркских языков, т. е. близок языкам азербейджанскому и османскому, но отличается значительной примесью слов не только арабских и персидских, но и слов, наследованных от древних аборигенов здешних мест. Так например, род сарыков суточную очередь пользования водою называет „пейкал“: этот же термин („фейкал“) употреблялся в Мервском оазисе еще в VIII веке. То же самое относительно наименований „серкар“ (гоже суточная очередь воды), „кяриз“ и пр.

Это вполне понятно. Дело в том, что длительное и постоянно разнообразящееся смешение разных народностей Туркестана и в частности Туркменистана, конечно, не могло не оказать влияния на разговорный язык этих народностей. Кочевники, оседая на землю, невольно перенимали у оседлого населения и усваивали слова и названия, обозначающие вновь принятые в жизненный обиход предметы и понятия; таким именно образом тюрки приняли много таджикских (иранского корня) слов. С другой стороны, аборигены, соприкасаясь с теми или иными пришельцами, так же невольно принимали от них больше или меньше новых слов в зависимости от значения в крае и политического влияния той или иной пришлой народности. Кроме такого обмена словами, все народности должны были принять много слов чисто-арабских и чисто-персидских, как результат изучения Корана, применения его юридических терминов и знакомства с персидской литературой, не говоря уже о вековом влиянии самой Персии вообще. Наконец, степень смешения языков, смотря по местности, усугублялась еще и от смешения племен при посредстве брачных уз, от поселения меньшей группы в районе большей инородческой или иноплеменной среды, от случайных или регулярных сношений с далеко живущими иноплеменниками и т. д.

Все это в одинаковой мере относится ко всем коренным народностям Туркестана вообще: всюду и тюркские и таджикские языки, смотря по местностям, варьируются в виде целого ряда наречий местного характера. То же самое произошло и с языком туркменским, притом, еще в большей степени, т. к. туркмены, соприкасаясь с Персией и неоднократно „навеща“ ее в своей прежней бурно-боевой жизни, естественным путем позаимствовали больше персидских слов.

Уже целый ряд веков (после окончательного распада огузовской государственности) единой власти и организации среди туркменских родов не было: объединялись они только в моменты общей опасности. Помимо таких моментов, отдельные роды вели отдельную жизнь, отдельную борьбу за свое существование, в поисках земли и воды: это способствовало разрозненности родов, т. к. они, по необходимости, боролись друг с другом.

Одни роды дробились и распылялись в этой постоянной борьбе, а другие, наоборот,—крепли и разрослись. В такой обстановке, одновременно с тем, естественно развивалось новое родовое начало, устанавливался новый родовой быт, приобретал власть родовой вождь, вырабатывались соответствующие обстановке правила, обычаи и взгляды.

Со временем, в зависимости от перемен обстановки,—менялись отдельные штрихи общей родовой картины, менялись взгляды на право пользования землей и водой, устанавливалось особое положение туркмен на пути исповедания ислама, забывались многие привычки и обычаи: родовой быт постепенно видоизменялся и отмирал, но он еще во многом и теперь дает себя чувствовать.

Это вполне понятно: он вполне исчезнет только в условиях полной перемены всей обстановки во всех ее видах. когда на смену былому невежеству всюду явится общая культурность, когда появятся новые интересы, новые взгляды и новые заботы.

Несмотря на свою разбросанность, разную степень вариаций языка по местным наречиям и разную же степень уже упомянутых видоизменений в чертах лица и одежде, — все без исключения туркмены отлично знают и чтут свою родословную. Они строго следят за чистотой родового происхождения и таковое, даже в отдельных семьях, нередко твердо знают до 14 поколений. Родовые их старейшины пользовавшиеся изстари громадным патриархальным влиянием, лишь недавно, да и то не повсеместно, потеряли свое общественное значение: среди быв. хивинских туркмен, т. е. в Ташаузском округе, значение родового вождя еще и теперь не совсем исчезло, а по остальным округам родовые старейшины сохранились, так сказать, лишь в малом масштабе, а именно — в „малой семье“ (кишлак, аул) и без особых преимуществ и прерогатив по сравнению с прежними старейшинами целого рода. Здесь влияние прежнего родового вождя было поглощено новыми влияниями: влияние религии и духовенства в Ленинско-Керкинском округах и промышленного капитала по линии железной дороги.

Так бы то ни было, туркмены твердо сохранили в памяти узы кровного объединения и вытекающие из того порядки родовой организации в общественной жизни. Конечно, близость города и у них сглаживает отличительные особенности родового быта, но дело в том, что городов этих очень мало, а туркмен, природный кочевник и воитель, не любит города в обще и живет в нем неохотно: боевая жизнь приучила туркмен к легким аульным постройкам, которые не жалко бросить в случае необходимости передвижения: в домашнем обиходе оседлых туркмен, живущих в постоянном ауле, юрта обязательно сохраняется и теперь.

Вообще любовь туркмен к бывшему кочевому образу жизни и к юрте, этому подвижному жилищу кочевников, развита очень сильно. Многие оседлые туркмены и теперь обитают около самых городов не в глинобитных постройках, а именно в юртах.

Общий тип жилища оседлого туркмена это мазанки и сакли общего средне-азиатского характера, но изредка (в Гасан-Кули, Чикишляре и на островах) попадаются и деревянные постройки.

Кроме того, как местная особенность, в находящихся под угрозой подмыва местностях побережья Аму-Дарьи строятся „каппа“ — круглые из цыновок шалаши, обмазываемые на зиму глиной. (При всем этом всюду имеются и юрты. До сей поры имеют юрту даже и все семейства туркмен в Ставропольской губернии, хотя и живут в домах русского типа).

Кочевниками являются главным образом, лишь роды иомудов и чоударов, а остальные туркмены или совершенно осели или же ведут жизнь полуоседлую, проживая лето на посевах, а зимою откочевывая со скотом в степь. Туркмен кочует так же как и киргиз, и вся разница лишь в том, что у туркмен более точно и строго разбиты районы кочевья для того или иного рода. Вид юрты, выделка войлока, даже сорт скота у туркмен в значительной степени отличаются от киргизских; самое кочевое хозяйство меньше, но не хуже киргизского.

Степень преобладания земледелия над скотоводством, или наоборот, в земледельческо-скотоводческих районах всецело зависит от условий местности.

Отличительной старинной чертой туркмен, в связи с их воинственностью, всегда являлась склонность к „аламанству“ (набеги за границу). Похождения в этом роде были у них вещью обыденной, но это имеет свои историко-экономические обоснования. История туркмен—это сплошная борьба за хлеб и воду, т. е. за свое существование. Их отовсюду теснили и вытесняли, а они, защищаясь, нападали и развивали свою удаль. Голодом и нуждою выработан их характер; по этим же причинам развивался и аламанство.

В своем месте нами уже была отмечена неизбежность стремления туркмен к оазисам современного Туркменистана, но эти оазисы были в руках персов и оборонялись ими хорошо. Началась борьба, борьба длительная, во время которой туркмены, пребывая в бесплодных песках, принуждены были добывать такой „товар“, который могли бы обменивать на предметы первой жизненной необходимости. Таким „товаром“ в данной обстановке являлись пленники; туркмены стремились достать их в персидских владениях, а продать в Бухару. Таким образом, сама жизнь толкала туркмен к производству возможно частых, быстрых и совершенно неожиданных набегов на персидскую территорию в целях хотя бы захвата пленных. Такие набеги именно и назывались аламаном: предпринимались они как отдельными родами, так и объединенными их группами, считались делом почетным и восхвалялись в песнях. Аламанство прекратилось сравнительно недавно, и воспоминание о нем еще свежо.

Наряду с тем, всегда процветало и „калтаманство“: сначала калтаманы (т. е. б дняки) больше всех других принимали участие в аламанах, но со временем понятие калтаманства сильно изменилось. Калтаманством стали называться налеты в между-родовых распрях, а в конце концов калтаманом стал обыкновенный грабитель: так понимается калтаманство и теперь.

Ясно, что легкий и быстрый конь был первым другом и защитником туркмена в его аламанских и калтаманских набегах: отсюда происходит и теперешняя постоянная любовь туркмена к коню вырощенной им породы, о которой нами уже сказано в своем месте. Конь—особенность туркменского быта: конь—член семьи туркмена; туркмен особенно тщательно ухаживает за своим конем и особенно любовно украшает его сбруей, изошряя для этого весь свой вкус, все свое умение.

Другим истинным другом туркмена является собака, страж его самого, семьи и стада. Туркмен и по отношению к собаке чрезвычайно заботлив во всех отношениях: собаку при стадах, например, поят овечьим или козьим молоком, и такая собака с этим молоком как бы „всасывает“ особенную любовь и заботу к охраняемому ею стаду. Сколь важную роль играет в быту туркмен еще одно животное—верблюд, этот «корабль пустыни», удовлетворяющийся крайне скудным, а зачастую для других животных и совершенно неприемлемым кормом (колючка),—об этом, пожалуй, говорить не приходится.

Вообще, жизнь в пустыне внесла много оригинального в быт туркмен: помимо всего вышеизложенного, в этом отношении обращает на себя особенное внимание еще и умение туркмен распознавать следы животных и людей.

Это умение вообще общесвойственно, и во всех родах имеются особенно умелые «изчи» (следопыты), но это особое умение относится только к отдельным лицам.

Однако, наряду с тем, как мало понятное исключение, на полуострове Дарджа целый огурджалинский род „Кенан“ отмечается всеобщим и наследственным выдающимся умением распознавать следы:

здесь каждый человек — «изчи», и искусство это здесь доходит до виртуозности. Здешний «изчи», по следам, найдет любое живое существо. След запоминается сразу и надолго: бывали случаи, что человека-вора баранов узнавали по следу его ноги через несколько лет. Посмотрев след родителей, здешний «изчи» узнает по следу же их детей; по следу матки находят ее верблюженка и т. д.

И все это проделывается среди сотен других следов. Уважение туркмен к «изчи» очень велико, а уличаемый следопытом вор обыкновенно теряется и сознается в своей вине.

Таких особенностей в домашнем, особенно в кочевом, обиходе туркмен находится не мало: во всем видны типичные храбрость, ловкость и находчивость.

Однако, привыкший «аламанить» и «чалтаманить» туркмен сумел осесть на землю, войти и в колею систематического труда.

Ныне туркмены занимаются не только хлебопашеством, но и всевозможными ремеслами, тем самым всесторонне обеспечивая себя личным трудом. Они достигли большого искусства в выделке ковров, паласов, суна и тонких тканей, а также и позументов.

Хотя туркмены и гордятся своим происхождением, но, по мере утери общенационального чувства огузов, у них начал развиваться и развился навык к узко-родовым интересам. В конце концов отдельные роды стали тщательно делить между собою территорию, производя такую дележку даже при случайном и не длительном близком сожительстве двух или нескольких родов, вести соревнование родов при всяком удобном случае и т. д. Все это — на основах обычая.

Обычное право у туркмен стоит вообще на первом месте, и шариат здесь (кроме округов бывшей Бухары) развивался туго. Всякое преступление рассматривалось обычным правом, прежде всего, с точки зрения причиненного вреда и влекло за собою, главным образом, возмещение убытков. Так, например, воровство не наказывалось если вор возвратил украденное. Мелкие дела, по возможности, всегда улаживались самими тяжущимися сторонами; сами же стороны обязаны ликвидировать дело и по приговору своего суда. Высшей мерой наказания считается исключение из общества. Нарушение общественной нравственности и супружеской верности считается большим преступлением и влечет за собою кровную месть, этой же местью преследуется убийца; она же является неизбежным последствием и для ряда других преступлений и проступков, главным образом, оскорбления.

Вообще, обычное право представляет из себя целый ряд правил, созданных людьми, которые должны были сами себя защищать, так как об их безопасности никто не заботился. И в самом деле: старо-туркменский суд, суд казиев, никогда не располагал возможностью гарантировать исполнение своего приговора, и, как то выше отмечено, сами тяжущиеся стороны должны были ликвидировать дело по приговору этого суда, так сказать, на совесть или под какой-то общественного характера угрозой. Такой беспочвенный, беспоследственный, не контролируемый и зачастую пристрастный суд, конечно, мог существовать только в прежней обстановке безвластия и самочинства отдельных родовых вождей. Вполне поэтому понятно, что теперь суд казиев сам себя изживает и быстро сводится к нулю, легко уступая место народному советскому суду, основанному на твердых общепонятных началах и гарантирующему приведение в исполнение своих приговоров.

Несколько труднее изживает вкоренившийся старинный обычай «вышеупомянутой кровавой (кровной) мести, чрезвычайно тяжело отзывающийся в быту туркмен.

Ведь вызвать действие, требующее мщения, в сущности, не долго, хотя самый страх этого мщения именно и создан для обуздания разошедшихся инстинктов. Дело в том, что за подлжашего кровной мести виновника отвечает весь его род в рамках установленной близости родства, а подводить таким образом свою родню, самому благополучно скрывшись,—не всякий решится.

Такое положение вещей, несомненно, многих сдерживает от того или иного, могущего навлечь месть, действия, но многие, все же, так сказать, срываються, и месть готова... Преступник, положим, скрылся, но тут же должна разбегаться и скрываться вся его родня, подлежащая за него мщению: приходится спасаться всем, ибо неизвестно, на кого именно из них падет мщение. Мстителям нужен лишь кто-нибудь один, но кто подвернется им под руку не угадасшь... Правило простое: кровь — за кровь, за одного убитого должна быть отнята жизнь другого, тоже кого-нибудь одного. При этом, однако, надо иметь в виду, что такая месть имеет свои всем известные грабли: женщины и дети мести не подлежат, убивать в кибитке нельзя, ответчиками являются вполне определенные лица (мужчины), в зависимости от степени родства по отношению к виновному. Вот этим то лицам и остается только бросить свое хозяйство, дом, семью и бежать без оглядки или самим поймать и выдать мстителям виновника. То или иное неизбежно, так как мстители обязаны отмстить, не считаясь ни временем ни расстройством.

Впрочем, именно время иногда сглаживает остроту положения вещей и, после длительных переговоров, осторожных подходов и стараний родни обеих сторон или вообще посредников со стороны, может быть заключена мировая: в таком случае подлежащая мщению сторона дает „хун“, т. е.—выкуп крови. Однако, вполне надеяться на это никак нельзя...

Как видим, кровная месть—вещь суровая, беспощадная, могущая существовать и развиваться только в соответствующей обстановке: обстановка изменилась, и обычай этот идет теперь на убыль, и скоро, несомненно, сойдет в область преданий. Законное, мощное правосудие, оберегая жизнь и честь каждого гражданина, быстро ликвидирует такого сорта обычаи.

Калым существует и в идеологическом отношении имеет целью обеспечение девушки имуществом в определенном размере, чем, конечно, несколько не исключается голый факт купли-продажи женщины вообще и чисто спекулятивные сделки во многих случаях, особенно в связи с землепользованием. Как бы то ни было, калым—честь, почет, для родителей невесты: чем выше калым уплачен за невесту, тем более чести ее родителям. Получив калым, родители обязаны спрятать невесте соответствующее „приданое“ по установленным расчетам и правилам. При отсутствии в живых родителей калым получает брат невесты, хотя бы и малолетний (конечно, за его спиной оперирует родня).

Сговор жениха и невесты бывает зачастую в их детстве, причем главную роль в этом деле обыкновенно играют матери детей, вообще пользующиеся в семье большим влиянием в вопросах устройства браков, особенно мать невесты. Сговор имеет решающее значение и является таким крепким узлом, что смерть одного из сговоренных малюток уже делает другого „вдовой“ или „вдовоном“ со всеми вытекающими из того (главным образом—земельный надел) преимуществами.

Самый брак совершается после полной выплаты калыма, но это еще не обуславливает сожителства: если „жена“ еще не созрела, по здешним понятиям, то ее увозят в дом родителей и отдают мужу только тогда, когда она, по этим понятиям, уже может быть женою.

Общие порядки бракосочетания таковы: женитьба младшего сына не может состояться раньше чем женится старший сын семьи; сватовство вообще имеет ряд своих отличительных особенностей; особо типичным является то обстоятельство, что девушка может сделаться женой тотчас же после внесения калыма, а свадебный обряд является только закрепляющей факт сожителства формальностью. Самый свадебный обряд тоже своеобразен: он совершается в отсутствие и жениха и невесты.

Похоронный обряд тоже имеет свои отличительные черты: за покойником на кладбище идет не вся, а только младшая, без женщин, родня; тут же ведут и к ня усопшего. На кладбище бедным раздают деньги, а на самой могиле оставляется (для странников) немного хлеба, воды и материи или хотя бы символическое обозначение последней.

Вдова, через известный срок после смерти своего мужа, обыкновенно располагает собою лишь в рамках возможности уйти в родительский дом, но ее дети остаются в роду отца. В иных местностях такой уход вдовы допускается только при условии согласия на то стороны мужской родни мужа в известной степени родства. Однако, ушедшая в свой род вдова вовсе не является свободной: родители или братья (если нет родителей) могут ее опять выдать замуж за новый калым. От такого вторичного замужества она может быть освобождена только своими детьми, причем последние должны ее в таком случае выкупить, внеся соответствующий калым. Если вдова не уходит из рода мужа, то она становится довольно самостоятельной опекуной своих детей. В порядке наследства после смерти мужа, вдова должна получить $\frac{1}{8}$ часть его имущества.

Развод происходит очень просто: муж произносит три раза слово «талак» (у узбеков — «таляк»), и готово! Однако, мужья сами редко дают развод, ибо таковой является вообще позором не только для мужа, но и для всего его рода. Если жена сама добивается развода, то она обязана возвратить данный за нее калым.

Что касается положения женщины вообще, то в хозяйстве она пользуется большим влиянием, и туркмен по домашнему обиходу во всем советуется со своей женой. В общественной жизни лишь пожилая женщина может иметь некоторое значение; вдовы не могут участвовать даже в сходах. Лицо туркменские женщины вовсе не закрывают, а при встрече и разговоре с незнакомыми, и особенно со старшими, прикрывают только рот краем головного платка („чоршов“), как знак скромности и почтительности. Дома женщина обременена работой, так как по обыкновению нельзя держать женской прислуги, и всю домашнюю работу надо выполнять силами женского персонала семьи: чем меньше в семье женщин, тем им труднее. Муж мало помогает жене на дому, так как это неудобно и даже стыдно... Таким образом, жена должна, и детей баюкать и тут же пряхать, ткать, стряпать, и вести все решительно хозяйство, так как у нее же находятся даже ключи от сундуков (акт доверия и уважения со стороны мужа). При таких условиях, если в семье, кроме жены, нет женщин, туркмен поневоле должен стараться взять вторую жену, но, все же, многоженство среди широких масс, хотя и по экономическим причинам, встречается сравнительно редко. Вообще, равенство всегда являлось отличительной чертой туркмен, и это, в значительной степени, сказывается на положении женщины. Правда, женщина и здесь еще порабощена, но не в такой мере, как среди других народностей Востока. Туркменская женщина не наложница мужа или украшение его дома, а скорее его близкий друг.

Принцип равенства и свободы женщины здесь нарушается, главным образом, наличием выкупного калыма, трапезованием отдельно от муж-

чин, да показными обрядностями в порядке проявления почтительности женщины к мужчине. С своей стороны, муж относится к жене доверчиво и дружелюбно и, во всяком случае, не бьет ее, да это было бы и рискованно: легко, ведь, наткнуться на активную защиту жены ее родственниками, а отсюда уж недалеко и до такого инцидента, который может повлечь за собою кровавую месть.

В основу мирного сожителства кладется целомудрие жены, причем нарушение ею верности мужу грозит большими последствиями: если любовник обнаружен, оскорбленный муж может обрезать у его коня хвост или по степени виновности, отрезать раковину уха у самого, так сказать, ловеласа; если же оба любовника пойманы совместно на месте преступления, то лишь только случайно они могут спастись от смерти.

Однако, таких случаев бывает мало, и туркменская женщина отличается целомудрием, домовитостью и привязанностью к детям, которых вырашивает внимательно и заботливо.

Правда, мальчики растут абсолютно свободными, развивая природную лихость и ловкость, но девочки сызмалства приучаются к работе, трудовому одиночеству хозяйки дома и к проявлению родовых эстетических вкусов.

Несмотря на свою унылую жизнь, а может быть именно благодаря ей, туркмены, как мужчины, так и женщины, очень склонны к художеству и поэтическому выражению чувств. Э о мы видим прежде всего при наименовании новорожденных младенцев: к имени девочки обыкновенно прибавляется слово „гуль“ (цветок), а к имени мальчика—слово „клыч“ (шашка, сабля). И в самом деле, что может быть красивее цветка среди туркменской пустыни, что может быть надежнее оружия, оберегающего жизнь и имущество природного воина и наездника!? Далее, с какой любовью, с каким вкусом этот наездник изукрашивает своего коня, его сбрую и свое оружие; с каким вкусом женщина выделяет ковер с его простыми, но чрезвычайно оригинальными рисунками: ведь это уже творчество! Это творчество людей, ощущающих потребность излить волнующие их чувства... И в самом деле, если всмотримся в рисунки ковров, то легко распознаем, смотря по местностям и родам, символические изображения верблюда, якоря, озера и т. д. Самый цвет ковров, и тот имеет значение: преобладает зеленый и желтый цвет, а ведь это цвет травы при полном ее росте и при увядании. Встречается еще красный цвет, но это цвет степного тюльпана... Таким образом, в ковре, в его художественном рисунке, мы видим отражение жизни и природы: здесь все, чем живет и дышит туркмен!

Моноотонна жизнь туркмена,—и это кладет свой отпечаток на его вкусы и привычки.

Даже в развлечениях и играх замечается типичная своеобразность: правда, скачки, бега, стрельба и борьба процветают; процветают также бои специально дрессируемых не только петухов или кекликов, но и баранов. Однако, музыка туркмен моноотонна, а их струнные инструменты („Тондра“ и „Киджак“) совершенно своеобразны. „Козюдрания“, хорового пения и танцев вовсе нет. Взамен того, особо охотно слушаются предания и песни старины и распространена игра в шахматы.

Во всем вышеизложенном особенно хорошо проглядывает характер туркмена, как любителя свободы и уединения, хранителя традиций старины.

Туркмен очень понятлив и сообразителен, но вместе с тем не чужд и суевериям: только под влиянием обратившейся непосредственно к аулам современной медицины стало быстро уходить еще недавно процветавшее

знахарство, изгнание бесов, боязнь разных примет, удивительно оригинальные „рецепты“ табибов (знахарей) и проч. Остатки всего этого встречаются еще и теперь, но это уже не носит массового характера, а „изгнание бесов“ зачастую практикуется в качестве отдельной игры для развлечения.

Что касается религии, то таковая среди туркмен вообще никогда не играла большой роли в общественной и государственной жизни.

Это вполне естественно, так как туркмен-аламан был блокирован соседями (Персия, Афганистан), и ему не было ходу через их территорию. В зависимости от этого не было у туркмен и систематического паломничества в Мекку: не так сильно среди них, значит, развивалось и религиозное влияние вообще. Теперь лишь изживаемое бывшее значительным влияние духовенства в Керкинском и Ленинском округах надо рассматривать как явление частичное. Это результат длительного пребывания этих местностей в составе бывшего бухарского государства, центра и насадителя ислам. Вообще же у туркмен есть свое светское духовенство — „ишаны“, но это, повидимому, не результат искренней религиозности, а скорее отголоски давно вкоренившихся предрассудков. Предполагается, что ишан может сделать человеку добро или зло, а потому и приходится относиться к нему почтительно.

Роль ишана сводится, главным образом, к брачным вопросам и лишь частично к вопросам внутренней домашней жизни. Таким образом (за исключением вышеупомянутых двух округов) адат всюду преобладает над шариатом.

Дервишей вовсе нет. Муллы есть, но они очень далеко стоят от представления о настоящем средне-азиатском мулле: у туркмена представление о мулле связывается с понятием, попросту, о грамотном человеке. Здешний мулла вовсе не является „священником“. Даже мечети стали появляться у туркмен лишь несколько десятков лет тому назад и обще-восточного влияния на народ не имеют. Туркмен с удовольствием слушает чтение Корана и умиляется перед этим чтением, но не углубляется в него и считает вполне достаточным для себя выполнение положенных обрядных молитв. То же самое можно сказать и относительно соблюдения обрядовых церемоний: например, при бракосочетании достаточно присутствие муллы вышеочерченного характера и двух свидетелей. Важно лишь засвидетельствовать и записать факт брака.

Типичные черты проявления особенностей родового быта туркмен замечаются и в вопросах землеводопользования, но эти же особенности именно и показывают, как легко и быстро меняются взгляды и обычаи в зависимости от обстановки вообще, а экономической обстановки — особенно: когда туркмены наступали на оазисы, т. е. когда на первом месте и плане был воин, — право на землю и воду получал любой юноша, лишь только он начинал уверенно владеть оружием (санашиковое право). Впоследствии, когда оазисами отчасти завладели, когда оказалась необходимость вкладывать куда либо образовавшиеся накопления (а вкладывать, кроме как в земельное имущество, было некуда), образовалось „брачное право“ на землю: земельный пай стали давать на жену. — При таком порядке вещей калым, конечно, вздорожал: нескольких жен могли брать только богатеи, а, следовательно, в их именно руках и стали накапливаться земельные участки. Богатые с течением времени, с развитием торговли и промышленности, стали еще более богатеть, но не набирать же им было по сотне жен: тогда дополнительно установилось „мюльковое право“ на землю, т. е. право частнособственническое, право купли-продажи земли. Богатый покупал и покупал, передавал землю по наследству, а бедняку деваться стало некуда: бедный туркмен, ревнитель

своего рода, считал обязательным его продление, а потому продал и последнюю землю, лишь бы сколотить на калым и жениться. Дальнейший выход—итти в батраки к тому же богатей: так оно и делалось... Богач, вождь, а местами (Ленинско-Керкинский округ) и духовенство—стали хозяевами положения, а население самообольщалось тем, что все делается по правилам и согласно устоев родового быта.

По наружному виду это как будто бы и так, а в действительности в вопросах землеводопользования нет общих для всего Туркменистана правил: обобщены только основные принципы родового отношения к вопросу, а детали его проведения и вытекающие из того последствия всюду разнообразны.

Разнообразие это столь значительно, что не лишним будет ознакомиться с ним по округам для более ясного представления картины соответствующей обстановки.

При ознакомлении с этим вопросом во всех его деталях видим, что всюду есть с одной стороны общая связь того или иного крупного родового объединения, а с другой стороны—стремление каждого родового мелкого подразделения преследовать свои узкие интересы и жить обособленно именно в таких рамках. При всем этом отчетливо учитывается общинный труд, положенный на устройство и чистку оросительной сети. Наконец, громадную роль играет и вид падающего воду источника: ведь не одно и то же ниспадающий с Копет-Дага и не требующий особых трудов ручеек или же большая река, которую надо охватывать заградительными плотинами, из которой надо выводить большие магистрали, создавать громадную оросительную сеть с сотнями дежурящих на ней людей и пр.

Обстановка, по местностям, крайне разнообразна, а именно от нее и зависят порядок и способы землеводопользования. Таким образом, действительно нельзя говорить о каком-либо едином способе туркмен или о способе даже отдельного большого рода распределять землю и воду. Основной принцип заключается лишь в том, чтобы у каждого аула был свой арык, а все остальное гарьруется адатом разнообразно, в соответствии с условиями каждой местности отдельно.

Ташаузский округ, находясь в значительном отдалении от берега Аму-Дарьи, орошается „хвостами“ основных водных магистралей и зависит от пропуска воды в „головах“ этих магистралей, лежащих на узбекской территории, а потому не является типичным в смысле способов распределения и планировки всей оросительной сети от ее начала и до конца.

Ленинский и Керкинский округа, правда, примыкают непосредственно к Аму-Дарье и целиком используют оросительную сеть, но население их очень разнообразно по наличию совершенно разных племен и родов, издавна находилось в большой зависимости от бухарского чиновничества, духовенства и байства, а кроме того Керкинский округ—скотоводческий: таким образом, развития настоящего туркменского взгляда на вопросы землеводопользования здесь искать не приходится. В конце концов, действительными представителями туркменского именно взгляда являются округа только Полторацкий и Мервский: их-то именно и касается вышесделанный очерк периодических изменений земно-водного права.

Полторацкий округ (Ахал-Текинский и Атекский оазисы) орошается на западе кяризами, а в остальной части ниспадающими с Копет-Дага мелкими речками и ручьями. Земельные орошаемые участки здесь очень не велики и целиком находятся в пользовании на правах собственности той или другой общины, захватившей данный участок при

окончательном размещении туркмен. Собственность эта подчеркивается тем более, если общиной был вложен в оросительную сеть личный труд (напр., прокладка кяризов). В конце концов, дело зачастую доходит до частной собственности и права родственного наследства в порядке этой собственности. По мере развития наследственных дележек участки дробятся до мелочей. Есть и общинные передельные земли, но участниками общины является только поколение тех же основных собственников. В некоторых местах передельных земель вовсе нет, а есть одно лишь право собственности и наследства. Местами (и чем дальше к востоку, тем больше) проявляется право общинного пользования. В восточной части Атекского оазиса, наряду с правом собственности, существует устроичиво и общинное право по типу Марвского оазиса, наиболее ярко показывающего способы родовой дележки.

Ирригационная система Марвского оазиса уже (в соответствующей главе) описана, и мы знаем, что здесь 2 главных родовых магистрали по главным родовым делениям — Тохтамыш и Огамыш. Однако, суть в том, что оба эти магистрали одинаковые, поровну подающие воду каждому роду, но роды эти, по своей численности, не одинаковы. Таким образом, сразу же получается неравномерность в отпуске воды. В этих родах дальнейшее распределение воды между родовыми подразделениями проведено по тем же принципам равного отпуска каждому родовому подразделению, не считаясь с численностью его хозяйств. Значит неравномерность отпуска воды для отдельных хозяйств еще становится резче. Преследуется также цель дать каждому родовому подразделению несколько кусков разнокачественных земель (чтобы никого не обидеть нарезкой хорошей земли), но из этого вытекает типичная чересполосица. Лучшие хорошо орошаемые земли („мюльк“), разделенные по вышеизложенному, поступают в соответствующей части в наследственное (но не собственное) пользование каждой семьи.

Таким образом, продавать или передавать землю, как будто, — нетъзя. Наследником отцовского „мюлька“ является младший сын, как имеющий наименьше шансов скоро жениться. Женильба в вопросе землеводопользования играет здесь огромную роль. Здесь всякий женившийся получает тотчас надел и „мюлька“ и земель передельных. Теми же правами пользуются сироты вообще и те вдовы, у которых не имеется сыновей с „мюльками“. Относительно земель передельных (они обыкновенно находятся в низовьях каналов или на специальных отводах) надо заметить, что они даются не для индивидуального пользования а для пользования общественного, при чем отличаются той же чересполосицей, а кроме того перераздел происходит каждый год. На каждое хозяйство отпускается „су“, т. е. напуск воды на определенное время.

Адат сделал свое дело: земли поделил поровну между родовыми делениями, дал на эти земли воды, позаботился о вдовах и сиротах. Вопрос чересполосицы, повидимому, можно обойти или концентрированием воды в разное время на разных участках каждого хозяйства или взаимной сдачей в аренду далеко отстоящих участков и, казалось бы, все обстоит хорошо.

Однако фактически дело обстоит иначе. Богатый человек может купить (калым) жен своим синовьям еще во время малолетства и сосредоточить в своих руках ирядный запас и земли и воды, а бедняк рискует всю жизнь остаться безземельным, т. к. выкупной калым очень велик. Кроме того, с увеличением числа наделов уменьшается время напуска воды на каждый надел, и, в конце концов, вода дается лишь по адатному праву, а не по действительной потребности. В результате всего этого беднота становится в безвыходное положение и принуждена

или, не разгибая спины, дополнительно к земледелию заниматься кустарничеством или же бросать землю и отправляться на отхожие промысла.

Как выход из вышеупомянутого затруднения с ничтожным суточным напуском воды для отдельного хозяйства, практикуется следующий способ: объединяется целый ряд хозяйств в таком количестве, чтобы их ничтожное каждого в отдельности (иногда несколько минут) право на воду дало бы в общей сложности сутки (24 часа). В таком случае они, все вместе взятые, имеют право получить воду на целые сутки: такое общество называется „шарик“, а его суточная дача воды — „серкар“, „пейкал“ и т. д., смотря по местности. Полусуточная дача воды называется „Келеме“. Шарик, располагая водой в течение суток или полусуток, в свою очередь, сам разделяется на групповые участки с таким расчетом, чтобы для каждой такой группы время напуска воды было достаточное для одновременной и совместной поливки всего участка. Шарик же поливает землю и тех земледельцев, которые в это время дежурят на плотинах и т. п. В конце концов, вопрос регулируется таким образом, чтобы поливка производилась не реже 1 раза в 10 суток, а полусутки чередовались бы: кто этот раз поливал днем, тот следующий раз будет поливать ночью и т. д.

В таком же приблизительно положении находился вопрос и вверх по Мургабу и на р. Теджене. Разница лишь в том, что в самом Тедженском оазисе были точно распределены только основные магистрали, а орошаемые ими земли точно не распределялись. Распределение это велось ежегодно жеребьевкой, и, так сказать, „своего“ участка никто не знал: это связано с большими затруднениями вообще и, зачастую, с перекочевкой с места на место в частности. Кроме того, что и обращает на себя особое внимание, в Иолотани уже изжито право получения „мюлька по женитьбе“: здесь получает „мюльк“ и передельную землю всякий достигший рабочего возраста.

Как видим, всюду полное разнообразие; всюду свои правила, преследующие урегулирование вопроса, а в действительности вносящие полнейшую путаницу, через-полосицу и неразбериху, по лабиринту которых бедняк направляется непосредственно в руки и кабалу человека богатого.

Ясно, что такое положение вещей ныне оставаться не может и что необходимы серьезные коррективы общей прежней обстановки, базировавшейся на вождя, бая, духовенство и созданные ими экономические условия.

Прежнее влияние вождя, бая и духовенства теперь можно считать уже совсем отошедшим и лишь частично еще отходящим в область преданий, а изменения экономических условий повсюду налицо: в частности, по Мервскому и Полторацкому округам к лету 1926 года должна закончиться специальная земельно-водная реформа, раскрепощающая бедняка и разрубающая узел многих хитросплетений, прикрывавшихся флагом родового быта.

Вопрос разрешается просто и легко по той простой причине, что взамен части пережитков старины даны новые устои, хорошие, прочные и обще понятные: таким же порядком могут быть изжиты и остальные недочеты отжившего свой век родового быта.

Это наиболее прямой и легкий путь в ликвидации созданных прежнею обстановкою межплеменной вражды и непонимания общности интересов. Почти 1000 лет туркменские племена совершенно не знали спокойствия. Они были теснимы инородцами, нападали на них и враждовали между собою, озлоблялись и привыкали узко преследовать ин-

тересы отдельных родов в погоне за основой для существования — землей и водой. Приход русских прекратил в прошлом веке открытую межплеменную вражду, но вместе с тем прочно разделил туркмен на 3 части (Хива, Бухара, Туркестанско-генерал-губернаторство). Различные экономические условия и тяготение к разным государственным центрам создали взаимную отчужденность этих трех групп единого народа. Все это изживается только теперь, когда народ объединился в одно целое когда ставится возможным закрепить это объединение сознанием единого племенного состава и общности экономических интересов.

Заканчивая очерк родового быта, необходимо отметить, что туркмены в общей массе очень бедны. В противовес кочевнику-киргизу, они вообще кумыса не употребляют: есть национальный, слегка опьяняющий, напиток „чал“, который делается из молока. К сожалению, разные вредно-действующие на организм наркотики, как опий и териак, прививаются здесь также легко, как и среди других средне-азиатских народов. Независимо от того, туркмены крайне просты и умерены в своей пище. Плов является у них лишь праздничной редкостью, а в обыденной жизни они обыкновенно пробавляются лепешкой, молочной и растительной пищей, кашницей из джугары и т. п.

Выкупной калым, порабощение женщины и другие вышеочерченные штрихи пережитков родового быта не являются единственным доказательством отсталости и невежества туркмен в их захолустной тяжело-трудовой жизни: туркмен не менее суверен и преисполнен предрассудками, чем другие средне-азиатские народности той же стадии развития. Однако, туркмены очень любознательны, стремятся к развитию и не избегают учения в школе: воорос лишь в том, чтобы поскорее и наилучшим для них образом организовать эту школу, скорее ликвидировать громадный процент их неграмотности.

О. Т.

Оглавление

№ главы	Содержание глав		Страница
—	Предисловие.		
1	От автора.		1—2
—	Часть I я	Общие по Туркестану (в пределах территории Ср.-Аз. Республик) положения	
I	"	Краткий историч. очерк Туркестана	5—11
II	"	Основная группировка коренного населения Туркестана	12—14
III	"	Сущность родового быта и его общее проявление в современном быту Ср.-Аз. Республик	15—17
IV	"	Краткие сведения о национальном большинстве сопредельных с Туркменистаном Ср.-Аз. Республик:	
"	"	1. Узбеки	18 - 20
"	"	2. Таджики	20—25
"	"	3. Киргиз-Казак	25 - 31
"	"	4. Кара-Киргизы	31 - 32
"	"	5. Кара-Калпаки	32—33
—	Часть II-я	Туркменистан	(35)
I	"	Краткие сведения о прошлом современного Туркменистана	37 40
II	"	Границы и площадь Туркменской ССР	41—42

№ главы	Содержание глав		Страницы
III	Часть II-я	Административное деление и населенные места	43—44
IV	"	Общий очерк местности. Усть-Юрт и Сары-Камышская впадина	44—45
V	"	Горные массивы	45—46
VI	"	Пустыня Кара-Кум	46—48
VII	"	Большие такыры, степи и солончаки	48—49
VIII	"	Растительный мир	49—50
IX	"	Культурная полоса, реки и оазисы	51—54
X	"	Система и состояние ирригац. сети	55—59
XI	"	Пути сообщения	60—61
XII	"	Исключаемые богатства	62
XIII	"	Рыбный промысел и охота. Животный мир	63
XIV	"	Основные занятия населения	64—68
XV	"	Численность, национальный состав и общее размещение населения современного Туркменистана.	69—72
	Часть III-я	Туркмены	(73)
I	"	Родословная туркмен и их перемещения	75—82
II	"	Современное родовое деление туркмен и их размещение в Туркменистане	83—89
III	"	Характеристика туркмен и проявление их родового быта	90—102

Оглавление

№ главы	Содержание глав		Страница
—	Предисловие.		
I	От автора.		1—2
—	Часть I я	Общие по Туркестану (в пределах территории Ср.-Аз. Республик) положения	
I	"	Краткий историч. очерк Туркестана	5—11
II	"	Основная группировка коренного населения Туркестана	12—14
III	"	Сущность родового быта и его общее проявление в современном быту Ср.-Аз. Республик	15—17
IV	"	Краткие сведения о национальном большинстве сопредельных с Туркменистаном Ср.-Аз. Республик:	
"	"	1. Узбеки	18 - 20
"	"	2. Таджики	20—25
"	"	3. Киргиз-Казак	25 - 31
"	"	4. Кара-Киргизы	31 - 32
"	"	5. Кара-Калпаки	32—33
—	Часть II-я	Туркменистан	(35)
I	"	Краткие сведения о прошлом современного Туркменистана	37 40
II	"	Границы и площадь Туркменской ССР	41—42

№ главы	Содержание глав		Страницы
III	Часть II-я	Административное деление и населенные места	43—44
IV	"	Общий очерк местности. Усть-Юрт и Сары-Камышская впадина	44—45
V	"	Горные массивы	45—46
VI	"	Пустыня Кара-Кум	46—48
VII	"	Большие такыры, степи и солончаки	48—49
VIII	"	Растительный мир	49—50
IX	"	Культурная полоса, реки и оазисы	51—54
X	"	Система и состояние ирригац. сети	55—59
XI	"	Пути сообщения	60—61
XII	"	Ископаемые богатства	62
XIII	"	Рыбный промысел и охота. Животный мир	63
XIV	"	Основные занятия населения	64—68
XV	"	Численность, национальный состав и общее размещение населения современного Туркменистана.	69—72
	Часть III-я	Туркмены	(73)
I	"	Родословная туркмен и их перемещения	75—82
II	"	Современное родовое деление туркмен и их размещение в Туркменистане	83—89
III	"	Характеристика туркмен и проявление их родового быта	90—102

Замеченные ошибки и отпечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать.
1	7 сверху	О. Костенко	Л. Костенко
"	8 "	Е. Наливкин	В. Наливкин
2	2 "	более менее	более меня
5	1 снизу	потом	потоком
8	8 "	Рахиб-Би-Нель-Хорес	Рахиб бин Эль-Хорес
"	23 "	способствующие	способствовавшие
10	19 "	барлас	Барлас
11	16 сверху	Атрекском	Атекском
12	3 снизу	киргиз-казаками	киргиз-казакам
16	11 "	оседлыми	оседлым
"	14 "	обществойственных	общесвойственных
18	28 "	Узбек-хана	Узбек-хане
19	11 "	прежней	к прежней
22	2 сверху	коренастность	коренастость
44	3 снизу	в звышенная	возвышенная
"	10 "	Усть Юрт	Усть-юрт
48	4 сверху	к коцну	к концу
57	26 "	сносятсая	сносятся
"	29 "	на ростание	нарастание
"	31 "	этго	этого
61	1 "	лишд	лишь
66	19 "	Атрекском	Атекском

IV

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
66	3 снизу	водмногих	во многих
"	5 "	про ажи	продажи
67	21 сверху	ахал текинские	ахал—текинские
69	(заглавие)	общее	общее
"	"	Современного	современного
"	7 сверху	тоже	то же
"	8 снизу	вкрапины	вкрапинами
76	2 сверху	незаяпамятных	незапамятных
"	13 снизу	„юзлыков“	„юзлыков“)
77	2 "	оклю	оклы
78	24 "	40	740
79	25 "	и, даже Индии	и, даже, Индии
81	8 сверху	Тиведши	Тиведжи
82	13 "	и, здесь	и здесь
83	7 снизу	сапы	Сухты
"	18 "	(23—4 5—6	(2—3—4 5—6
"	23 "	Салоры	Салора
"	29 "	Энкежа	Энкеша
84	10 "	Сахал	Салах
"	26 "	Устьюрта	Усть—Юрта
86	3 "	(55)	(5)
"	8 "	Нир-Махтум	Пир—Махтум
"	10 "	среди огузов	среди окузов
"	22 "	не кого	некого
"	18 сверху	и—Бек—Ауль Бек—Ауль.	и Бек—Ауль.—
"	21 "	Кара—и—Бек—Ауль	Кара и Бек-Ауль

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
87	1 сверху	доховного	духовного
"	7 "	роды. Не	роды не
"	1 снизу	Ходжа Саид	Ходжа, Саид
"	25 "	причинам сюда	причинам: сюда
88	3 сверху	Иомуды Гокланы	Иомуды, Гокланы
"	10 снизу	«Куромд»	«Курому»
"	15 "	в месте	вместе
90	25 "	„турк ман“	„туркмән“
92	29 "	в обще	вообще
93	2 "	отмечается	отличается
97	11 сверху	если	если
"	23 "	э о	это
"	1 снизу	увкдать	увядать
98	16 сверху	ислам	ислама
99	21 "	подающ его	подающего
100	11 "	устойчиво	устойчиво
"	17 "	оба	обе
"	5 снизу	выку ной	выкупной
101.	5 сверху	в ды	воды
"	"	практикуе ся	практикуется
"	14 "	кажд й	каждой
102	3 снизу	вопрос	вопрос